

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

1995 год. Весна. Село Заречие, что на правом берегу реки Польной Воронеж, утопает в белоснежных облаках цветущих садов. Но эту дивную картину портит сиротливо стоящая Заречинская церковь. Полуразрушенные купола, на которых кучками проросли кустарники и сочная майская трава на перегнивших от времени досках. Ржавый железный крест покосился, и с земли непонятно, как он еще держится наверху. При сильном ветре в дождливую погоду или в зимнюю пургу он сильно, со страшным скрежетом качается, нарушая окрест тишину, наводя на людей тоску...

Стоял теплый вечер. Константин Филатов — старше тридцати лет, среднего роста, коренастый, возвращался из заключения. Сошел на конечной остановке с автобуса, сделавшего последний рейс по маршруту «Кирияновка — Заречие», на центральной усадьбе бывшего совхоза «Заречинский», а ныне уже акционерного общества закрытого типа «Заречинское».

В автобусе на Филатова мало кто из земляков обращал внимание. Лишь на остановке Костю окликнул бывший сосед, дед Гришаня, щупленький худощавый старичок с неунывающим характером и довольно бойким языком.

— Эй! Костя! Филатов!

Филатов оглянулся, увидел старичка, приостановился.

— Вернулся, бог дал.

— Как видишь. Отсидел свое. От звонка до звонка.

— А теперь куда ж?

— В Смородинку. К матери.

— Ну и правильно. А вертихвостку свою и опосля проведает. Тока вот сынка, поди-т, жалко тебе?

Тот ничего не ответил, а дед Гришаня пожал плечами, хмыкнул Косте вслед...

Мать Филатова, Марья Ивановна, вдова-пенсионерка, перебралась из Заречия в Смородинку летом 1993 года. Помогал ей с переездом сосед. Дед Гришаня. Об этом Костя узнал из письма матери. Узнал и то, что Лариса — бывшая, но по закону все еще жена, ушла к другому. Человеком этим оказался незнакомый Косте приезжий зоотехник Игорь Щукин.

Находясь в заключении, Филатов ждал писем от Ларисы. Она писала часто. Потом вдруг письма от жены перестали приходиться. Он заволновался: «Что случилось?» Когда получил письмо от матери с ошарашивающим известием об измене жены, ее уходе, со злостью закричал зубами: «Вот стерва!» Лучший друг его Ванька Жмыров, по зоновской кличке Жмыр, сразу понял, что произошло.

— Что, Костюха? Баба ушла к другому?

— Ушла, стерва, — обиженно ответил Филатов.

— Не дождалась, — продолжал Жмыров, присаживаясь на бревно. — А ты даже не горюй. Бабы, они что — за ними глаз да глаз нужен. А коль глаза нет... Ну, ты сам понимаешь.

— Сын у меня, — тоскливо бросил Костя, кладя письмо в карман.

Жмыров отключил циркулярку, вздохнул сочувственно:

— Это другое дело.

— И жену я сильно люблю...

— И после того, как подлюка изменила тебе?..

Филатов в ответ промолчал и ушел с пилорамы.

Раньше Марья Ивановна жила с сыном и снохой в Заречии, в новом двухквартирном доме, который дали Косте. И после того, как посадили сына за кражу зерна с совхозного поля, продолжала жить там со снохой и внуком. Жили втроем душа в душу. Лариса работала дояркой. Целыми днями пропадала на МТФ. Марья Ивановна нянчилась с внуком днями и ночами.

Спустя два года после пребывания Кости в местах заключения все неожиданно изменилось. До матери стали доходить нехорошие слухи о снохе. Марья Ивановна не верила. «Лариса так не поступит, — рассуждала она. — Ведь у нее с Костей живая любовь. Ребенок». Ошиблась.

Однажды вечером сноха заговорила несмело, сбивчиво:

— Я... даже не знаю, как вам сказать... С чего начать, не знаю...

— Ты о чем, дочка? — с тревогой и предчувствием неладного спросила Марья Ивановна.

— Я хочу... выйти замуж, — выдавила сноха.

— Что-что? — машинально переспросила Марья Ивановна, пораженная словами снохи.

— Замуж хочу, — повторила Лариса, краснея. — За другого человека.

— Кого?

— Зоотехника. Игоря Щукина.

— А как же Костя? Что с ним будет? Ты подумала? А сын Сережа?

— Не знаю, — бросила Лариса задумчиво. Помолчав, всплеснула руками. — Беременная я. Уже четвертый месяц. И что мне ждать?

— Это ты сама решишь теперь. Сама-а-а, — повторила вновь свекровь. — А как же любовь, Лариса?

— Погасла, наверное. Была, да сплыла. Другая пересилила!..

После этого разговора они перестали общаться. Сторонились друг друга. А неделю спустя Марья Ивановна уехала в Смородинку. Сразу после ее отъезда к Ларисе перебрался Щукин. Десятилетний Сережа был против переезда бабушки. И теперь стал часто гостить у нее в Смородинке. А в выходные жил у нее. Лариса этому не препятствовала. Соберется сын уходить, она спрашивала спокойно:

— Ты куда?

— К бабушке.

— Ладно, живи у нее. Только слушайся.

Однажды зимним вечером внук прибежал в Смородинку запыхавшийся, взволнованный. Бабушка встревожилась:

— Что стряслось, внучок?

— Бабуля... — снимая шапку, пытался что-то сказать Сережа. Наконец, отдышавшись, выпалил: — А у меня теперь есть сестренка!

— Вот и хорошо, — трогая взмокший лоб внука, проронила Марья Ивановна.

— Мама сестренку из роддома привезла.

— Да! А ты откуда знаешь?

— Я что, маленький?

— Не маленький и удаленький, — глядя его по голове, согласилась бабушка. — Садись-ка за стол. Я тебя вкусеньким угощу... А сестренку не обижай, голубчик мой. Она ведь малюсенькая.

— Ну да. Совсем мала еще...

Коротки летние ночи... Одна из таких ночей оказалась для Филатовых роковой. Костя, под хмельком, украл с ячменного поля машину зерна. Комбайны ходили, пока не легла роса. Зерно сухое из самосвала убирали мешками и ведрами в сарай до рассвета. После Костя прилег на террасе на старый диван и задремал. Его тут же разбудила Лариса толчками в бок. Присев на краешек дивана, шепотом зачастила:

— Вставай! Виктор Федорович, участковый, и директор приехали. Зовут тебя. Про зерно спрашивали. Искать собираются.

Вышел на крыльцо. С сонным видом, растерянно спросил:

— Что надо, гости неожиданные?

— Видишь, не проснулся и не протрезвел еще, — начал участковый, обращаясь к Зуеву — директору совхоза.

— Вижу, Виктор Федорович, — хмуро бросил тот.

— Филатов, сам покажешь, куда зернецо ворованное ссыпал? Или обыск делать? — у же к Константинову обратился участковый.

— Какой обыск, Виктор Федорович? Следок-то вон совсем свежий к сараю идет, — возразил Зуев. — Повернулся к Филатову. — Позор! Не умеешь воровать, а туда же.

Немедля пригласили понятых, соседей Филатовых. Составили нужные документы. Дали виновному прочитать и расписаться в них. Костя, не перечая, подписал.

— А теперь грузи зерно обратно, — приказал директор. — Машину буду ждать у совхозной весовой... А тебе, друг ситцевый, придется отвечать по всей строгости закона!

Марья Ивановна и Лариса со слезами бросились к участковому и директору.

— Виктор Федорович! Простите Костеньку! Выпил лишку... — взмолилась мать.

— Его простите и нас, Иван Иванович! Родненький! — вторила свекрови Лариса, умоляя директора. — Что будет? Посадят ведь. Как нам без Кости?..

— Ну, бабы! — захохотился еще не совсем протрезвевший Костя. — Вы еще на колени перед ними встаньте.

— И стану! — обожгла мужа осуждающим взглядом Лариса. Хотела впрямь рухнуть на колени перед директором.

Директор удержал ее. Развел руками.

— Ничего не могу поделать. Закон есть закон... А как с Константином поступить, теперь только суд решит, — продолжал поучительный монолог Зуев, вместе с участковым садясь в УАЗик...

Увидав ветхий, покосившийся домик и мать на родном же крыльце, Костя долго смотрел на нее. Ему показалось, что мать не просто постарела, а стала дряхлой старушкой. А Марья Ивановна при виде сына прямо остолбенела и не могла ни встать, ни промолвить ни слова.

— Костенька! — наконец выдавила она, с трудом поднявшись со ступеньки. — Дождалась, Бог дал!

Сын бросился к матери, крепко обнял и осыпал поцелуями ее морщинистое лицо...

Узнав о возвращении Кости, вечером к нему примчался давний школьный приятель и друг Алексей Попов, заречинский фермер.

Крепко пожали друг другу руки. Обнялись.

— Как ты? — искренне поинтересовался Алексей.

— Пока никак, — грустно выдохнул Костя, садясь за стол.

— Дык, баба, она и в Африке баба. Не переживай здорово.

— Да не могу я, Лешка, простить Лариске подлянку! — закипел Костя. — Не дам ей жизни! А козлу ее, мужу — тем более!

— Ну-ну. Кончай парь спускать. Успокойся. Все наладится со временем. Давай-ка лучше... — Алексей достал из кармана спецовки бутылку водки: — ...выпьем за нашу встречу. Стаканчики неси.

Выпили, слегка закусили. Хозяин повеселел.

— Рассказывай, Леха, как поживаешь, чем заправляешь.

— Фермерствую, брат... В общем, с сельским хозяйством дело имею.

— И получается?

— Вроде бы. Но не так, как хотелось. Помехи есть.

— А-а, — протянул Костя. Наполняя стаканчики, заговорил вдруг резво: — Извини, что команду твоей водкой, но не могу понять... Что произошло в стране и у нас в деревне? Не понимаю нынешней жизни. Шел в Смородинку, сердце замирало, мозги бунтовали! Кругом брошенная земля, лучшие поля в чертополохе и полыни. Ферма в руинах.

— Эт, Костя, из-за непродуманности, — кратко ответил Попов, беря стаканчик. — Реформа... А вокруг — ее плоды.

Костя в задумчивости прошелся по комнате взад-вперед. Остановился у стола.

— Не пойму я всего этого. Перестройка. Болтовня о какой-то независимости. Переделка собственности, эти реформы. А на деле — развал страны.

— Да, в жизни иногда трудно понять, что к чему. Вот и в Заречии совхоз реорганизовали в акционерное общество. Думали и хотели повернуть дела к лучшему. А получилось, как всегда. Пошел развал. А фермерство пришло кому-то в голову и родилось само собой по велению жизни. И закружилось, потекло... Давай ко мне. Вместе крутиться будем.

— Душевный ты человек, Леха!.. Да, а Катерина как твоя? — вдруг перевел разговор Филатов.

— Катя? Она у меня золотая.

— Вот за Катюшу и вздрогнем, давай, — захмелевший хозяин схватил со стола стакан с водкой, высоко поднял его. — За жену твою, красавицу золотую!

Выпили. Попов по-дружески посоветовал:

— А ты смотри у меня, Костя, не наломай сгоряча и со зла дров. Понимаю, обидно тебе. Но ведь жизнь, она и есть жизнь.

2

Утром, лежа в постели, Костя, открыв сонные глаза, увидал мать. Она стояла у стола, скрестив руки на груди, с беспокойством смотрела на сына. Сквозь тонкие шторы окон в дом пробивались золотистые лучи утреннего солнца, а в открытые форточки свежо врвался ветерок.

— Утра доброго... — Марья Ивановна на мгновение замолчала, потом заговорила тоном серьезным, с нотками беспокойства. — Послушай меня, сынок, и не обижайся, не перебивай. Я знаю, ты собираешься к Лариске. Оставь ее. У нее другая семья. В Заречие не ходи. А Сережа твой придет тебя проведать...

Сын глубоко вздохнул, задумался. Через минуту резко поднялся, выпалил:

— Нет, мам. Я так не могу. Хочу ей в глаза посмотреть. Ты не волнуйся. Я обратно в тюрьму не собираюсь.

— Глади, не натвори глупостей...

После завтрака Филатов спустился по огородам к реке. В некоторых местах берега заросли молодым ольховником и старыми, почти высохшими корявыми ветлами. За них заречинские и смородинские мужики — любители порыбачить — цепями привязывали лодки, чтобы не унесло течением. Река обмелевшая, неглубокая. Кое-где от берега до берега заросла камышом. За рекой до самого Заречья открывается ярко-зеленый луг. Луг в весеннее половодье затапливается. Да так сильно, что небольшой ольховый лесок в стороне от луга и реки оказывается целиком в воде... Здесь, на реке, Костя и Лариса когда-то часто бывали, прячась в короткие летние ночи от досужих людских глаз. Нередко угоняли какую-нибудь лодку и плавали на ней до рассвета, слыша, как хлопает кнут пастуха, выгоняющего деревенское стадо на пастьбу.

Шагая в Заречие, Филатов вдруг вспомнил одну из таких коротких ночей на реке. Да как забыть такую?! Тогда Лариса неожиданно спросила его:

— Костенька, а ты меня любишь?

В ответ он крепко обнял ее и горячо прошептал:

— Конечно, люблю!

— А замуж возьмешь? — глядя прямо в глаза, спросила она.

— А как же. Но... Меня ведь в армию скоро возьмут.

— Ну и что? Я буду ждать тебя.

— Письма-то будешь писать?

— Буду. И писать буду, и ждать буду.

Костя улыбнулся, пообещал твердо:

— Как отслужу, так сразу и поженимся.

— А вон и солнышко взошло, — вдруг воскликнула Лариса, протянув к нему руку.

— Ты мое солнышко!

В ответ она крепко обвила его шею руками, прильнула к груди, мешая грести.

Осенью Филатова забрали в армию. Военная служба забросила деревенского парня из Черноземья аж в Читинскую область на советско-китайскую границу...

Костя застал бывшую жену дома одну. С порога спросил:

— Можно войти?

Увидав его, Лариса окаменела.

— Костя?! — выдавила она рассеянно. — А я не ожидала... Стираю вот.

— Эт дело нужное, — спокойно проговорил он, кладя сумку и пиджак на свободный стул. — Ты че ж не посадишь гостя? Не столбом же стоять мне.

— Ах, да... Проходи на кухню.

Уже за столом Филатов стал без зла интересоваться:

— Ну, рассказывай, как живете. Сожитель не обижает? Кстати, где он сейчас?

— На работе.

Филатов кисло улыбнулся и с насмешливым выражением лица спросил:

— А что, фермы еще где-то уцелели?

— Да. В Заречии.

— И то хорошо.

Лариса налила гостю чаю, села тоже за стол.

— Почему ты так со мной поступила?! — вдруг спросил он.

Она потупилась, не зная, что сказать в ответ.

— Че молчишь?

— А что говорить? Как, по-твоему, я должна была поступить, когда осталась без мужа?

— Ты спрашиваешь об этом у меня?! — вспыхнул Филатов.

— Ничего не могла я поделать с собой, Костя. И... полюбила я Игоря.

— Ловко у тебя все получилось! Муж на зоне парится, а верная жена — последнее тебя уже не касается — с другим... Пряма-таки как в романе... — Он нервно заходил по кухне взад-вперед. В голосе зазвучали стальные нотки. — Ты поступила со мной подло. И подлость твоя вряд ли забудется...

— Ты мне угрожаешь? — встрепенулась Лариса.

Филатов сделал несколько шагов от порога к столу.

— Не угрожаю. Ты думаешь, я ненормальный?.. А где сынок Сережа?

— В школе.

Из комнаты напротив раздался детский плач. Лариса ушла к ребенку. Когда вернулась, Филатов спросил мягко:

— Дочка?

— Да. Три годика уже.

— Ну-ну, — неопределенно и тихо протянул он. Взял со стула пиджак и сумку.

На пороге остановился. — И что ж нам с тобой теперь делать?

— Ищи другую жену себе, — опередила она. — А я буду жить с Игорем.

— Другую?! — вспылил он. — Ты официально пока еще моя жена. И ты должна понимать, я это так не оставлю. Иль ты возвращаешься ко мне, и я забуду о твоей измене... Или я...

— Или что? — бесстрашно глядя в его глаза, спросила она.

— Или я убью вас обоих! — выпалил Филатов.

3

Школа, где учится сын Филатова Сергей, расположена в центре села. Она окружена березняком. За школой — небольшой, соток семь, участок земли и яблоневый сад, бушующий цветением. На доске расписаний Филатов без труда нашел Сережин класс. В нетерпении, не дожидаясь звонка, робко постучал в классную дверь. Вышла молодая учительница. Прикрыв дверь, спросила:

— Вам кого?

— Серēju Филатова.

— А вы кто ему?

— Отец.

Больше не задавая вопросов, она приоткрыла дверь, позвала:

— Сережа Филатов. Выйди сюда на минуту. К тебе папа пришел.

Мальчик выбежал из класса, растерянно уставился на отца.

— Не узнаешь, — горько протянул отец. — Да, пять лет в твоей жизни срок немалый. Потому и не узнал папаньку.

— Узнал.

— Чего ж тогда руку не подаешь отцу, кровинушка моя? — Филатов чуть не до потолка поднял сына. Потряс, как раньше совсем маленького. — Какой большой и тяжелый ты у меня стал! Настоящий мужик! — Опустил, крепко прижал к себе. Слезы наворачивались на глаза.

Вечером Лариса показала новому мужу своему чем-то расстроенной.

Трехлетняя Вика, тонкими ручонками вцепившись в юбку мамы, ходила за ней. Дав мужу спокойно поужинать и выйти из-за стола, Лариса заговорила с волнением:

— Игорь, мой бывший вернулся с зоны.

— А ты видела его?

— Видела. Сюда приходил.

— Пришел и ушел. Что теперь? Его возвращение изменит наши с тобой отношения?

— Нет, милый. Ничто не должно измениться. И не изменится, — заверила Лариса. — Но оберегаться нам стоит. На всякий случай.

Игорь сел на диван, нахмурил брови.

— Вот не было печали, так черти накачали... Костя что, угрожал?

— Да нет, что ты, — успокоила жена, скрыв правду.

Щукин включил телевизор.

— Мать, а где Сергей?

— Еще не вернулся из школы.

— Какая школа?! — вспыхнул он, заволновавшись. — Время.

— Значит, наверняка с отцом.

— С отцом... — задумчиво протянул Игорь.

Через пять дней Костя Филатов вновь явился в Заречие. На этот раз в акционерное общество «Заречинское». Войдя в приемную, спросил у секретаря, у себя ли председатель.

За рабочим столом в мягком кресле сидел невысокий, никогда не хуевший Зуев. Тот самый Иван Иванович Зуев, бывший директор совхоза «Заречинский», ныне глава акционерного общества «Заречинское». Тот самый.

— Я слушаю тебя. Зачем пожаловал?

— Я... Насчет работы.

— Опять шофером?

— Если можно.

— Не получится, Костя, — откинулся на спинку кресла Зуев. — В автопарке нашем машин осталось с десятков. Остальные конфисковала налоговая полиция. Одни долги и безработица. Рушится все. Хоть волком вой, хоть в петлю лезь.

— Вижу, Иван Иванович. Что ж поделаешь?.. А насчет земельной доли мне? Полагается иль как?

— Есть, Константин, одно поле... У Федькиной гати. Если хочешь...

— Так там же скудная земля.

— А иной, дорогой мой, нету, — развел руки Зуев.

— Как нету? Кругом столько брошенной земли.

Зуев облокотился на стол. Лицо перекопилось, посерело.

— Они не брошенные, как ты выразился. Они общие. Только нет ни техники, ни средств их возделывать.

— Понятно... И на том спасибо, Иван Иванович. Хотя не отказались принять. Ну а мне... Мне, значит, гуляй, Костя!

Филатов, злой, ничего не видя перед собой, покинул кабинет. Мысли его завертелись вокруг одного вопроса: как жить дальше?

4

Щукин быстро шел по центральной улице села. Позади вдруг раздался резкий незнакомый мужской голос.

— Эй, мужик в шляпе! Пстой! Разговор есть.

Щукин сразу догадался, что это — бывший муж Ларисы. Пригляделся — и сомнения исчезли, так как раньше Игорь видел фотографии Филатова.

— Давай отойдем в сторонку, — предложил Филатов. — Не среди ж улицы разговаривать.

Отошли. Щукин спросил:

— Так о чем разговор?

— Не о чем, а о ком... Будем знакомы. Я — Костя Филатов.

— Догадался я. А ты хочешь поговорить о Ларисе?

— Да. И о тебе, козле!

Щукин ожидал от злого напористого недруга удара. Приготовился увильнуть. Но удара не последовало. Игорь заговорил мягким голосом.

— Я понимаю тебя, как мужика. Обидно тебе. Но что поделаешь теперь, коль все так произошло? Ты далеко был и долго. А мы с Ларисой полюбили друг друга. Поэтому прошу тебя, Костя, оставить нас в покое.

Эти слова привели Филатова в бешенство. Однако и теперь он сдержался, не ударил соперника.

— Вон как! Семья у тебя! Обнаглел в натуре. Свил себе гнездышко в чужом. Ловко... — Махнул рукой. — Не получится, вижу, разговора нужного.

— Тогда прямо скажи, Филатов, чего тебе надо.

— Скажу. Убирайся прочь восвояси!

— Ты угрожаешь?

— Что ты, какие угрозы? — ухмыльнулся Филатов. — Беседуем с тобой по душам. Пока что.

Считая разговор пустым, Филатов, не прощаясь, ушел.

На следующий день Щукин написал заявление Зуеву на очередной отпуск.

5

Вернувшись домой, Костя застал мать в палисаднике.

— А у нас гости! — радостно встрепенулась она.

— Где? Кто? — равнодушно спросил сын.

— Внучок мой.

— Сережа?! А где же он?

— К реке улег.

От жары Костю одолевала жажда. Подошел к колодцу, опустил журовку, зачерпнул ведро. Стал пить.

— Не получилось с работой? — спросила мать, садясь на крыльцо. — По лицу твоему вижу.

— Пока нет.

— Ничего не поделаешь, сынок. Время такое. Будем на мою пенсию жить как-нибудь, хоть дают ее с задержками. Может, Бог даст, на огороде все уродится.

— Бог, возможно, и даст. А мне как без работы быть? — рассуждал Костя. — Мож, мне к Лешке Попову пойти фермерствовать? Он сам меня приглашал.

— Коли звал, иди, конечно, — поддержала она, сразу повеселев.

Через огород Филатов спустился к реке. Стал на берегу искать Сережу. Его нигде не было. Филатов заволновался, стал звать.

Из зарослей ивняка откликнулся негромкий родной голос.

— Я тут! Рыбалу.

Филатов успокоился. Быстро продрался сквозь заросли.

— Ишь ты куда забрался. Ну и как улов?

— А вот, гляди! — Сережа, довольно улыбаясь, показал прозрачный полиэтиленовый пакет с рыбешками.

— Ого! Ничего рыбешка. Средненькая. На уху хватит, — подбодрил рыбака. — Давай сматывать удочки. А завтра утречком махнем с тобой на Круглое озеро.

— Ура! — обрадовался Сережа. — Тогда на ночь остаюсь у бабушки.

— А мама? Она знает, где ты?

— Да.

Ночь выдалась душной. Филатову не спалось. Ворочался с бока на бок, пока не пришла мысль перейти на сеновал, на чердак сарая. Идя туда, прихватил с собой старенькую фуфайку, подушку и будильник, заведенный на четыре часа утра.

В чердачную дверь пахнуло ночной свежестью. Костя забрался на сеновал, застелил неказистую постель. Лег поудобнее и тут же задремал...

Наступило утро. Над рекой стоял густой туман. Прохладный от воды ветерок гулял в береговых зарослях, шуршал камышами. Филатов с сыном спустились огородами к речке. От корявой засохшей ветлы отвязали лодку, уложили в нее снасти и приманку, оттолкнули нехитрую деревенскую шлюпку от берега, дружно впрыгнули в нее. Искусно управляясь веслами, вырулили на середину реки. Плыли против течения. Небольшие волны, набегая, с шумом разбивались о нос лодки. Добрались до протоки. Едва заплыли в нее, из камышей неожиданно выпорхнули дикие утки. Сережа вздрогнул. Но поняв, что это всего-навсего птицы, радостно воскликнул, показывая пальцем.

— Папáнька! Смотри, утки-и-и! О, какие шустрые!

Из-за ольхового лесочка на востоке выкатилось золотистое солнце. Под напором его лучей туман, хотя и медленно, но отступал, исчезая в низине и лугах. За ними вдруг выметнулась в вид Заречинская заброшенная церковь.

Миновали Черный затон, выплыли напрямую к Круглому озеру. Филатов заметил, что сын о чем-то призадумался.

— Серенький, ты чем-то недоволен? — спросил с тревогой.

— Да. Не хочу, чтобы ты, папáнька, жил у бабушки Марьи.

— А где же?

— У нас с мамой.

— У мамы есть муж...

— Это дядя Игорь, что ли, муж?

— Он обижает тебя?! — привстал Константин.

— Что ты, пап? — возразил сын, недовольный вопросом.

Больше они не проронили ни слова. Филатов, расстроенный, остро почувствовал влажный речной запах с гнилью, и с двойным усердием навалился на весла...

— Вот и Круглое озеро, — тихо промолвил он. — Приплыли...

Зеркально чистая вода озера просматривалась до самого дна. В утренней дрене, будто танцуя, покачивались ярко-белые и розовые кувшинки...

— Вот что, сынок, эту дурь из головы выкинь, — вдруг заговорил поучительным тоном отец, закидывая удочку.

В ответ — ни слова. Сережа, нагнув голову к коленям, упорно молчал...

6

На следующий день Костя Филатов вновь оказался в Заречии. Зашел в магазин купить сигарет. Среди толпившихся женщин увидел Ларису. Она тоже бросила взгляд на бывшего мужа и опустила глаза. Ему показалось, Лариса прячется за гучную бабку Федору — соседку, жену деда Гришани.

Взяв курево, подошел к Ларисе.

— Разговор к тебе есть, — коротко бросил. — Давай выйдем.

Она молча направилась за ним.

— Ишь ты, какой шустрый да неумный, — раздался голос Клавдии Щегловой из очереди. — У нее теперь есть, с кем разговоры говорить.

— Ничего, и со мной парой слов перекинется, — парировал Филатов ее выступление, направляясь к выходу.

Они вышли на крыльцо магазина. Лариса взвилась:

— Ну, че ты от меня хочешь, Костя?!

— Ответа, — коротко и спокойно бросил он.

— Какого же еще ответа? Я же сказала, не вернусь к тебе. У меня другая семья, совсем другая, чем была с тобой, жизнь. Понимаешь?!

— Понимаю. Понимаю и то, что по закону я твой муж! И развода не дам!

— Для тебя это так. А для меня...

— Ах, стало быть, я для тебя — отброс общества?! Зек, низший сорт! — распался Костя. Он едва сдерживался, чтобы не ударить ее.

— Нет.

— Ты думаешь обо мне именно так!

— Не угадал. Я вообще не думаю об этом. Я просто люблю. Люблю Игоря моего, — ответила она просто, честно.

— Любишь, — усмехнулся Костя. — Ты и меня любила...

Она посмотрела на него с удивлением. Сказала прерывисто:

— У меня до-о-чка. Тебе это ни о чем не говорит, Костя?

— Не знаю. А вот ты, наверное, запамятовала, что у нас с тобой общий сын растет, — напомнил Филатов. — Давай забудем все плохое, что произошло. Представим, что это был дурной сон. Девочка не будет помехой для меня. Я удочерю ее...

— Хватит, Костя, из пустого в порожнее переливать.

— Значит, твердо отказываешь мне... Тогда я...

Лариса поняла грозный намек. Постучала себе по лбу.

— Дура-а-ак. А о детях ты подумал? Твой родной сынок, родная кровиночка, и — сирота! Че ты все мелешь?!

— Да не бойся. Я не кусаюсь, — сказал он негромко и отвернулся. — Ты мою жизнь перечеркнула. Подумай, что я тебе сказал. А если хочешь... Да ладно. Бог с тобой. — Филатов, прервав речь, отошел от нее.

Лариса долго стояла на крыльце магазина, растерянная, напуганная недомолвками, схожими с угрозами, и молча смотрела ему вслед. Она прекрасно поняла, что Костя на самом деле готов простить ее. А готова ли она простить себя? Нет. Потому что все-таки виновата больше него. Теперь уже вдвойне. И перед Филатовым, и перед Щукиным. «Где выход?» — спрашивала она себя. Вернулась в магазин.

— И о чем же так долго беседовала со своим бывшим? Уж и очередь прозвела? — съязвила Щеглова. — Все передам Щукину.

— Ты, Клавка, совсем без сердца. И без совести! — урезонила досужую Щеглову бабка Федора.

— Без совести Лариска, а не я. Коль бросила мужика, так и нечего с ним лясы точить!

Дом фермера Попова стоит на отшибе села, близ реки. Перед домом небольшая база из двух машин — самосвала и бортовой, нескольких тракторов, двух комбайнов. Последние Алексей Попов и Витька Галкин — соратник Попова по новому делу — собрали из деталей со списанных совхозных комбайнов. Собрали и выкупили...

Начали всего с тридцати гектаров пахотной земли. Теперь фермерское хозяйство занимает триста вместе со сданными в аренду паями односельчан. Имеется своя маслобойня, мини-мельница и небольшая молочная ферма из семнадцати коров. А дояркой работала жена Попова, Екатерина. Но она не только доила коров и ухаживала за ними, но была и ветврачом, и зоотехником, и мойщицей молочной посуды...

Филатов явился на усадьбу к Поповым рано утром. Однако все равно не застал хозяйна дома.

— Укатил в поле уже, — спокойно сообщила Екатерина, только что вернувшаяся с фермы.

— А будет скоро? — невесело спросил Филатов, злясь на себя за опоздание.

— А вон мой и подкатывает, — весело сообщила Екатерина.

К дому подъехала «Нива» белого цвета. Из нее устало выбрался Алексей Попов. Подошел. Подал руку Филатову.

— Давно тебя жду, а ты что-то запоздал.

— Дом чинил.

— Тоже дело нужное... Ну, впряжешься со мной в фермерское дело?

— Согласен, — выдавил Филатов.

— Коль согласен, так по рукам! И садись в «Ниву», — с деловой хваткой продолжил Попов, — познакомлю тебя с нашим КФХ.

«Нива» промчалась за мост через Польной Воронез. Дорога круто повернула в поля мимо зарослей крапивы и репейника. За ними виднелись руины откормочных цехов МТФ бывшего совхоза.

— Гляжу, Леша, на все это безобразие — сердце кровью обливается, — раздраженно заговорил Филатов. — Что происходит?

— Не с того, Костя, начали, — не отрывая глаз от дороги, стал рассуждать Попов. — Вот и плоды, — кивнул на развалины.

— На какой хрен вообще нужны были такие реформы? — горячился Филатов. — Чернозе-о-ом пустует! Чертополох кругом. Это ж дикость!

— Может быть, и я не понимаю что-то в этом. Нам, простым смертным, трудно разобратся... Здесь го-ло-ва на плечах нужна! Соображающая голова. Одно, друг, хорошо: нет над душой твоей ни райкомов, ни обкомов.

— И ты думаешь, такая свобода к лучшему?

— Возможно. Ведь в России испокон веков над крестьянином всегда кто-нибудь да стоял. Всегда был контроль сверху. А русский человек к этому не мог привыкнуть. Он по натуре таков. Чуть контроль ослаб, он себе в карман. А там хоть трава не расти.

— Вот-вот. Контроль! — подхватил Филатов. — А ныне что? Нет контроля, и вон он, результат, — кивнул за окно машины.

— А, по-моему, тут не надо утомляться. Нужно просто почувствовать себя хозяином земли и идти вперед, в ногу со временем. Ведь у других получается выживать и при такой ситуации. В этом диком еще капитализме. А при рыночной экономике, Костя, можно жить!.. А ты что думаешь? — неожиданно спросил Попов.

— Я? — растерялся Филатов. Помолчал и признался: — Если честно, не верю я в эту демократию. При коммунистах было как-то спокойнее.

Вернувшись в дом Попова, хозяин и гость сели за накрытый стол. Немного выпили. Алексей принес свой давний баян. Пробежался шустрými пальцами по кнопкам. Сделал паузу и вдруг запел знакомую песню. Катерина подхватила:

Как же мне, рябине, к дубу перебраться?

Я тогда б не стала гнуться и качаться...

Но Филатов, несмотря на выпитое, сидел за столом грустный и задумчивый. Хозяин заметил это. Подошел к гостю, легонько толкнул в бок кулаком.

— Че смурый? Вон грусть с души! — скомандовал, смеясь.

— А из сердца? — спросил Филатов.

— Жизнь ведь продолжается! Несмотря ни на что!..

«Но нельзя рябине к дубу перебраться», — продолжала петь залиvisto Катя. — Зная ей, сиротине, век одной качаться».

Филатов встал из-за стола покурить. Мысленно отметил: «Прав Лешка. Жизнь продолжается, хоть и ненормальная вокруг. И в моей судьбе она с черной полосой. Но не навсегда же, может, станет и белой».

Солнце почти скрылось за горизонтом, озаряя багрянцем лишь часть неба. Быстро смеркалось. В сумерках возвращаясь в Смородинку, Филатов за мостом наткнулся на деда Гришаню. Он с трудом выбрался на насыпь. В руках его — удочки и ведро с бултыхающимися рыбешками. Гришаня заметно нервничал.

— Новость слышал? Беда у нас стряслась. Милиция из району с утра копаются. Всех подряд расспрашивает...

— А что случилось-то, дед Гришаня? — перебил в нетерпении Филатов.

— Вон там, за поворотом, — показал рукой Гришаня в сторону леса, — попа... царство небесное... застрелили. А девица, котора с ним все ходила по дворам, Бог дал, жива осталась. Чудом уцелела... Вот такая страшна новость, Костя.

— Хватит тюльку гнать, дед! — засмеялся Филатов, прекрасно зная, что Гришаня может языком сплести и не такую небылицу. — Какой поп? Какая девица?

— И это ты не знал? Поп был из Тамбова. Хотел нашу церкву восстановить. Деньги для этого собирали с девицей. А их на дороге кто-т перевстрел и, видать, по заказу какой-то мафии, того... Вот такая жизнь настала. Одно беззаконие...

Весть об убийстве священника, с благой целью прибывшего в эти края, быстро облетела округу. О страшном происшествии судачили повсюду. В Заречии давно не было тяжких преступлений. А священнослужителей не убивали никогда.

Узнав о происшедшем, Марья Ивановна решила навестить в районной больнице раненую помощницу убитого. «Может, девушка совсем не помнит меня, но, Бог даст, поправится, — сострадая, рассуждала она. — Молиться буду».

Вечером стала собираться в дорогу. Приготовила для больной кое-что из домашних припасов.

— Мам, куда это ты? — удивился сын.

— Девушку навестить.

— Какую?

— Которую бандиты изувечили на дороге. Ты ее не знаешь, Костя. Она была у меня вместе с батюшкой, какого убили. Я тогда ему пожертвовала денег на вос-

становление Заречинской церкви... — присаживаясь за стол, ответила она. — Хорошие были люди. И батюшка, и она.

Утром она уже была в больнице. «У кого бы спросить, куда обращаться», — рассуждала Марья Ивановна, шагая по заасфальтированной дорожке больничного парка. Ей навстречу шла миловидная женщина в белом медицинском халате. Марья Ивановна остановила медичку:

— Дочка, не подскажешь, где лежит девушка, которую у нас под Заречьем чуть не убили?

— Вам, бабуля, в хирургическое отделение. Наташу вчера из реанимации в палату перевели. Сирота она, оказывается. Вот вы и поддержите ее. Она во второй палате.

Она проводила Марью Ивановну прямо до палаты.

Наташа неподвижно лежала на кровати у окна.

— Здравствуй, дочка, — тихо поприветствовала девушку Марья Ивановна. — Узнаешь меня?

— Узнаю, бабулечка, — выдавила девушка. На ее голубых глазах навернулись слезы. — Вы из Смородинки.

— Да. А ты не плачь, милая. Главное, живая осталась. Бог даст, скоро поправишься, — наклонившись над раненой, успокаивала Марья Ивановна. — Я вот тут гостинцев принесла тебе, — сказала и стала выкладывать все из сумки на тумбочку.

— Бабушка, откуда вы узнали мое имя и что я в больнице? — спросила больная.

— Мир не без добрых людей, дочка. Да, кстати, мою дочку тоже зовут Наташа...

Наташа Ртищева была совершенно одинокой. Родителей своих она никогда не видела и не знала. Трехмесячную, мать бросила ее в хозяйственной сумке на перроне станции Ртищево, голодную и грязную, завернутую в тряпье. Был теплый сентябрьский вечер. На вокзале, как обычно, сновали люди, не обращая внимания на сумку. И вдруг раздался громкий детский плач... Затем были больница, детский спецприемник, детский дом. Фамилию девочке дали по названию станции. А имя — по имени медсестры, которая усердно ухаживала за брошенной. Отчество — Федоровна — унаследовала от доктора Федора Ивановича, не возражившего этому, ведь и он участвовал в ее спасении. Своих родителей Наташа даже не пыталась разыскать.

Шли годы. Девочка из «гадкого утенка» превратилась в статную белую лебедушку с пышными светлыми волосами. Но сейчас Наташа выглядела невзрачно. Лицо — бледное, изможденное. Сама худая и малоподвижная. Она, поправляя челку на высоком лбу, пыталась сквозь слезы улыбаться доброй старушке из Смородинки — человеку, которого видела второй раз в жизни...

Спустя время они подружились крепко. Марья Ивановна почти ежедневно навещала Наташу в больнице. Как-то девушка поинтересовалась:

— Марья Ивановна, вы сказали, что дочку вашу тоже зовут Наташа. Расскажите о ней. Она у вас одна или есть еще кто?

— Трое детей у меня было, — вздохнула Марья Ивановна.

— Почему было? А сейчас?

— Двое остались, — всхлипнула старушка. — Старший сын мой, Василий, был военным. Погиб в Афганистане. Младший сынок, Костька, со мной живет. А между этими сыновьями родила я дочку. Эту самую Наташу. Сейчас с мужем в Америке живет.

— Интересно! Как же она туда попала?

— Вместе в Москве с ним учились в университете. Там и познакомилась. Аме-

риконец. Увез ее с собой, в штат Техас. Там появились у них детки, внучата мои. Мальчик Джон и девочка Эрис. Я их тока на фотографиях видела. Я перекрестила их по-русски. Джон стал Денисом, Эрис — Иришка.

— В гости к вам навещают? — поинтересовалась Ртищева.

— Собираются приехать... Тока все дела да дела у них. Наташа сперва не работала. Хозяйствовала по дому. Но сейчас в каком-то агентстве переводчицей. Вроде обещают в этом году пожаловать.

— А ваш младший, Костя, женат?

— Нет, — заерзала старушка. — Был женат. Да не дождалась жена.

— Откуда?

— Из тюрьмы.

— Из тюрьмы?! Ой, простите меня.

— Да ладно уж... А сажали его за зерно, — старушка рассказала Наташе историю сына, об измене.

Неожиданно Марья Ивановна поинтересовалась:

— А ты замужем?

Девушка растерялась. Подняла голову на подушке, поправила распущенные волосы, только потом ответила.

— Нет, Марья Ивановна. Не посчастливилось.

— Ну, а жених иль ухажер, поди, есть?

— Был. Рассорились мы. А сейчас не спешу замуж. Успею...

Это была их последняя встреча. Ртищеву вскоре выписали из больницы. Девушка оставила медиком записку, в которой просила передать Марье Ивановне. Старушка сквозь слезы прочитала немудреные слова: «Спасибо Вам, Марья Ивановна, за все! Вы для меня за это время стали второй матерью. Я Вас век не забуду. Вы для меня сделали так много! Еще раз спасибо! От всей души. Нежно целую Вас. Если буду в Ваших краях, обязательно навещу. До свидания. Наташа Ртищева».

8

Конец июля выдался сухим. Стояла солнечная, безветренная погода. Вот уже несколько дней в Заречии с раннего утра до позднего вечера кипела работа. Мужчины разбирали кирпичные стены конюшни. Очищенный стройматериал развозили по домам. Давали кирпич поштучно, в счет зарплаты, которую в деньгах заречинцы уж стали забывать, когда держали в руках. Правление рассчитывалось с ними в течение последних двух лет, чем могло: то зерном, то мясом, то сахаром. Вот очередь дошла и до кирпича.

Подводы шныряли одна за одной. Лошадей с конюшни забирали нарасхват, чуть не в драку. Кирпич — другое дело. Делят его не спеша, по совести и без начальства. Лишь вечером по дворам пробежит бригадир, посчитает кирпич еще раз — для верности — и даст ведомость расписаться...

С утра пораньше подкатил к конюшне на серой кобыле дед Гришаня — бывший старший совхозный конюх в этой самой конюшне. Здесь он протрудился более тридцати лет.

— Тр-р! — Лошадь послушно остановилась. — Ну вот, и конюшню стерли с лица земли.

В ответ мужики загаддели все сразу.

— А нам за заработанное хоть что-то надо получать.

— Да, кирпич — наша зарплата. Валюта! — усмехнулся мужик Квасов. — Деревянные, ельцинские. Хошь, в Сбербанк неси. Хошь, вместо хлеба грызи... — Резко повернулся к деду. — Тебе-то че тут надо, Гришаня? Ты же у нас заслуженный пенсионер!

— Мне не тут нужно? Что и вам, — огрызнулся Гришаня.

— Пусть хоть кирпичика, да на халяву. Я правильно понял? — спросил Квасов.

Дед насупился, исподлобья глянул на Квасова.

— На халяву?! Я тридцать лет проработал здесь!

За старика-пенсионера вступились хором.

— Ты не сердчай, дед.

— Да бери кирпичи, раз приходится.

Квасов вдруг ухмыльнулся, незаметно для деда подмигнул мужикам, кивнул головой в его сторону.

— Давайте перекурим!.. Закуривай, дед, — предложил Квасов. — Заодно расскажи нам что-нибудь интересенькое.

Гришаня достал кiset с махоркой. Не спеша смастерил самокрутку.

— Хватит подначивать! Я вам что, скоророх?

— Никто не подначивает. Расскажи историю про медкомиссию.

— Ага, про медкомиссию, Гришаня! За это пару стаканчиков нальем. И не ломайся, как сдобный пряник.

— Во-первых, я не ломаюсь. Во-вторых... наливайте, — сдался дед. — И нечего тут усмешки строить...

Ему налили полный стаканчик. Выпил. Позыркал кругом.

— А закусить?

— Рукавом, дед, — ответил за всех Квасов. — Закусить — это у Ельцина Бориса Николаевича.

Гришаня слез с полка, уселся на место Квасова, нещадно дымя самокруткой. Затаившись в очередной раз, начал рассказывать:

— Дело обычное было. Каждый год нас, рабочих, чуток не в принудительном порядке заставляли проходить медицинскую комиссию. А мы с Петькой Хромым в тот момент в запое были глухом. Нам бы ехать вместе со всеми на совхозном автобусе, а мы утром на рейсовом в Кирьяновку покатали. И сразу в столовую похмеляться. Там водка на разлив. Пей — не хочу! Ну, мы и перебрали малость. Как шли до больницы, не помню и по сей день. Кабинеты все закрыты. А один, как на грех, нет. Как я в нем очутился, черт знает. За ширмой на кушетку завалился. А когда очи продрал, глянул из-за ширмы — баба голая стоит. Ну, прямо, в чем мать родила. Я не пойму, где я есть. Спросить Петьку, а его нет рядом. Тут вспомнил, что приехал-то я на медкомиссию. Сам выглядываю из-за ширмы, как мышь загнанная из норы. А баба энта тем временем на рогачи полезла. А другая к ней подходит. В белом халате и резиновых перчатках. Мне-то каково было? Притаился, лишний раз дыхнуть боюсь. Ежели заметят меня, в милицию сдадут!

— Ха-ха-ха! Гы-гы-гы! — зареготали мужики хором.

— Че ржете пуще жеребцов?! Смешно? А мне в ту пору не до смехухочков было. Милиция, думал, — полбеда. А ежели бабы поймают? Бабы — народ горячий.

— Ты, дед Гришаня, прям-таки Щукарь.

Старик перестал обращать внимание на насмешки Квасова.

— Сижу за ширмой и думаю, как незаметным выскользнуть из дьявольского кабинета. Де там! Хуже того, в него наши заречинские бабы повалили.

— Гы-гы-гы! Ха-ха-ха!

— Скажи, — стараясь не смеяться, спросил Квасов, — как все ж тебе удалось удрать из кабинета?

— В окно, — коротко ответил дед.

— И что дальше было? — не отставали мужики.

— А то и было. Пришлось мне деру давать. В тот момент влезла на то самое кресло нашинска доярка. Вот она-то и заметила, что я прятался за ширмой.. Как заорет чертова баба! Я аж чуть не... то самое...

— Чуть не обложился? Ха-ха-ха!

— Во-во... Как заорет: «Тут мужик! Держите его!» А сама с кресла фьют, и к ширме. Я морду пиджаком прикрыл, тока шелку оставил махоньку. Прикрыл и мигом к окну. Слышу, врачиха с акушеркой, видать, в шоке, орут: «Откуда в гинекологическом отделении мужику взяться?!» Что дальше было, не знаю. Бегу, а сам то и дело оглядываюсь, не догоняют ли?

— А баба-доярка не узнала тебя, дед? — спросил Квасов.

— Узнала, давно бы деда отстыдила, — вывел голос за спиной Гришани.

— Самой ей стыдно. За аборт. Вот и молчит, хоть и узнала, — не согласился Квасов.

«Нетушки уж, чудаки. Эта тайна при мне останется...» — думал дед Гришаня.

Увлеченные байкой старика, мужики не заметили, когда к ним подошел участковый Виктор Федорович Жирков и молодой, довольно симпатичный человек высокого роста, худощавый, одетый не по-деревенски, в темных солнечных очках, с черной папкой под мышкой.

— Здорово живете, мужики! — громко поприветствовал он. — Видать, весело вам?

— А что нам горевать? — ответил за всех Квасов.

В разговор вклинился участковый Жирков.

— Мужики, познакомьтесь. Это, — показал на городского, — следователь из уголовного розыска Тамбова. Майор милиции Николай Алексеевич Зимин. Он задал вам всем несколько вопросов по поводу убийства на дороге за Заречьем настоятеля церкви Тамбовской епархии, отца Анатолия. Может быть, кто-то из вас что-нибудь слышал или знает...

Не дослушав, дед Гришаня вышел вперед.

— Ты что-то знаешь? — с затеплившейся надеждой спросил Зимин.

— Я... я хотел... спросить...

— Что тебя, дед, интересует?

— Девушка... которая тогда с батюшкой была...

— Наташа Ртицева?

— Она самая. Как она? Жива?

— Поправилась потерпевшая, — сообщил Зимин. — Она же лечилась в Кирьяновке. К Наташе все женщина ездила частенько. Филатова, кажется. Есть такая у вас в селе?

— Нет... Это не заречинская... Смородинская.

— В Заречии Филатовых нет теперь, — отрапортовал Квасов.

— Почему же, Квас? — возразил Гришаня. — А Сережа, сын Кости Филатова, разве не его фамилию носит? Его!

— Кстати, товарищ майор, вот с Костей тем надо бы поговорить, — посоветовал следователю участковый. — Он недавно из зоны.

— За что сидел? — заинтересовался следователь.

— За кражу.

— Костя на убийство не пойдет! — вступился за Филатова Квасов.

Жирков, не ожидавший заступничества за недавнего зека, замолчал. Но следователь заспешил. Взял папку в руки.

— Все-таки поговорить с Филатовым необходимо. Пойдем...

Толпа недовольно загудела, запротестовала.

— Да не заберем мы вашего Филатова, — успокоил Зимин, садясь в машину. — Поговорим и все.

После отъезда милиции мужики быстро загрузили кирпичи и поспешно разъехались по домам.

Филатов искал встречи с Ларисой, но встречи не получалось. Что он хотел от нее? О чем он думал, сидя ночь в кустах сирени перед домом бывшей жены? О чем хотел поговорить с ней — он и сам толком не знал.

— Ты где пропадал полную ночь?! — спросила Костю переволновавшаяся мать, когда тот вернулся в Смородинку.

— У Поповых заночевал, — солгал сын. — Умотался за день.

Она посмотрела на него недоверчиво, тихо сообщила:

— Вчера вечером милиция тебя разыскивала зачем-то.

Костя вскинул удивленные глаза на мать:

— Милиция?!

— Да. Участковый и какой-то высокий с ним.

— Так, что у тебя спрашивали? Че хотели?

— Сказали, просто поговорить.

— Ну, о чем?!

— Че ты у меня спрашиваешь?.. Не дожидайся, когда снова придут или повесткой вызовут, — посоветовала мать. — Иди сам...

— Тут ты права, мама, — согласился Костя.

Он снова отправился в Заречье. Шел широкими шагами, всю дорогу не переставая думать: «Чего им от меня надо? Может, Лариска заявила на меня за угрозу? Нет, этого не может быть...»

Быстро и незаметно для себя Филатов дошел до сельсовета. Кабинет Жиркова был еще закрыт. Филатов оперся спиной о дверь и, чувствуя усталость в ногах, медленно опустился на корточки. Спустя полчаса появились участковый и опрятно одетый высокий статный человек. Оба заметили сидящего на корточках. Он встал.

— Давно ждешь, Константин? Проходи, — сказал Жирков, подавая руку.

Филатов вошел в кабинет следом за Жирковым и гражданским.

— Знакомься, Филатов. Это следователь из Тамбова.

— Зимин Николай Алексеевич, — представился высокий.

— По какому вопросу вы меня искали? — с трудом перебарывая волнение, напрямую спросил Филатов.

— Да вы не волнуйтесь, — успокоил Зимин, все-таки уловивший нервное состояние Филатова. — Я задам всего пару вопросов... Нас интересует убийство священника.

— А я при чем?! — Филатов недоуменно посмотрел на сидящих за столом. — Я попа того никогда в глаза не видал.

— Не спорю, — признался следователь. — Вы, может быть, его не видели. Но, возможно, что-нибудь слышали. От дружков своих по заключению. Был кто-нибудь из таких у вас недавно?

— Никого у меня не было вообще.

— Так уж и не было? — пронзил острым взглядом Зимин Костю.

— Не было никого, — резко оборвал вопрос Филатов. — Как освободился, ни одной чужой души в моем доме не появлялось, кроме наших, деревенских.

— Верю вам, — искренне заключил следователь.

Филатов вышел из кабинета взволнованный.

«А чего удивительного в их предположениях? — думал он. — Страну трясет. Развал, безработица. За деньги и на убийство люди идут. А какие же деньги могли быть у попа убитого? Тут, видать, что-то другое. Стоп! Девчонка, которую мать моя навещала в больнице! Почему ее оставили в живых? — ухватился за цепочку Филатов. — Ее надо бы найти... — Мысли вдруг перескочили на другое: — А я? Я смог бы пойти на убийство ради больших денег?.. — Подумав, ответил смутно: — Бог только знает. Но все же, пожалуй, нет».

Перед бывшей своей квартирой Филатов сбавил шаг, посмотрел на окна, двери. Зайти не решился. «Пора уже прочесть Щукина, — стукнуло в голове. Нарисовал мысленно несколько картин. — Начну с Лариски. Рассчитаюсь сполна, за все. Житья не дам! Эх, если бы не Сережа...»

Над Смородинкой выплыла полная луна. Марья Ивановна спала уже часа два. Филатов неслышно вышел из дома, спустился к реке. Над водой стелился густой белесый туман. Наступил август, и туманы стали частыми. Уборочная была в разгаре, но продвигалась с задержками из-за дороговизны горючего и нехватки запчастей. Трудности не обошли и фермерское хозяйство Алексея Попова. Филатов работал у него шофером. На выдавшем виды «газике» отвозил зерно от комбайнов. После работы, проведав мать, он уже которую неделю снова и снова возвращался в Заречье. Прятался в саду деда Гришани, откуда было удобно выслеживать Ларису.

Собака Гришани, чуя чужого, все эти ночи рвалась с цепи, отчаянно, с визгом, лаяла. Хозяин не обращал внимания, не выходил ночью из дома. А тут не вытерпел, вышел.

— Чуппан, кто здесь? — окликнул кобеля, идя к нему. — Кого нечистая сила носит по ночам?

Собака, чувствуя поддержку хозяина, стала еще отчаяннее кидаться в сторону вишарника.

— Видно, не зря ты, Чуппан, лаешь. Кого ж черт принес середь ночи?.. Да ты не рвись, окаянный. Сейчас спущу с цепи.

Хозяин никак не мог нащупать застезку на ошейнике.

— Че делаешь? — раздалось из кустов. — Совсем, что ль, сдурел?

— Кто тут?! Кто? Филатов?! По голосу...

— Он самый, — выходя из засады, хмуро выдавил Костя.

— Ты че, как призрак, бродишь по ночам? — с трудом удерживая собаку, забурчал дед.

— Тебе, дед, этого не понять, — протянул Филатов. — У меня на душе кошки скребут... Просто, если честно... люблю я Ларису. Душой прикипел.

— Чудна любовь, — зарассуждал Гришаня. — Послушай меня, я тебя уважаю, а она... Мож, у ней в душе ничего к тебе не осталось? Пусть живет с Игорем, как советь ей позволит. И нечего ее трогать.

— А я и не трогаю.

— Тогда на кой хрен, как бандит, в вишарнике торчал? А ежесть бы я спустил с цепи кобеля?

Идя к крыльцу, Филатов уговаривал хозяина:

— Я все тебе объяснил. А там — суди сам. Тока об одном прошу: молчи как рыба.

— Ну, ладно, — сдался дед. — Молчать, так молчать. Ступай отсель. Не дай Бог, моя оглашенная выйдет. Тогда точно все село узнает, что ты по ночам шастаешь, за бывшей своей следишь.

Филатов спохватился, зыркнул на дверь, двинулся к калитке и растворился в темноте. А вскоре и шаги его стали неслышными для Гришани.

Под утро в еще темном небе захлестала молния. Все громче становились раскаты приближающегося грома. Зашумел ветер и хлынул ливень. Утром, случайно проходя мимо ЦДК, Филатов увидел возле проходной толпящийся гудящий народ.

— Что за сход в ранний для клуба час? — поинтересовался Филатов, подойдя к толпе.

— Встреча с кандидатом в депутаты райсовета, — с ухмылкой ответил за всех Квасов. — С неким господином Поповым Алексеем Юрьевичем! С новоиспеченным помещиком, — добавил язвительно.

— С Лешкой Поповым?! — удивился Костя.

— Не веришь? — продолжал насмешливо жужжать над ухом Филатова Квасов, — вон на двери прочитай объявление.

Филатов никак не мог понять поступок Попова. «Выходит, хозяин — в князи, а я, и все мы — в грязи? Вот эт выкрутасы нынешней жизни! Пряма-таки чудеса в решете», — ворчал в усы, подходя к объявлению. Прочитал: «20 августа в 9.00 в ЦДК состоится встреча с кандидатом в депутаты Кирьяновского районного Совета, фермером КФК «Нива» Поповым Алексеем Юрьевичем». Филатов про себя возмутился: «Леха действительно нацелился в депутаты! А почему он от меня это скрыл?»

Прошел в фойе. Там уже крутился вездесущий Квасов. Он, не мешкая, вновь прицепился к Филатову.

— Прочитал объявление? Вот то-то! Ты к Попову в батраки подался, а он, выходит, на тебя чхал?

— Тебе-то что? — огрызнулся Филатов.

— Мне? — усмехнулся Квасов. — Чудак-человек. Ровным счетом ничего.

— Че тогда прилип к Косте? — вступился дед Гришаня, оказавшийся неподалеку, — как банный лист к...

— О! И ты, дед, тут как тут! — перекинулся Квасов на Гришаню, не дав закончить фразу. — Да без тебя ни одно мероприятие не пройдет. Ты у нас каждой бочке затычка...

Вскоре к ЦДК подкатила белая «Нива». Из кабины вылез Попов. В фойе кандидата встретила заведующая.

— С приездом, Алексей Юрьевич, — защebetала она. — Народу собралось много. И здесь, и в зрительном зале.

При слове «много» кандидат заволновался. Ведь это не просто избиратели, перед которыми он должен выступить с предвыборной программой, а его земляки, с ними он рос. Многие знают его с рождения. Поднявшись на сцену, Попов долго кашлял, как будто что-то застряло в глотке. Наконец, заговорил с хрипотцой:

— Честно скажу, не знаю, с чего начать, земляки. Волнуюсь. Время ныне трудное, непредсказуемое. Село захлебнулось от реформ, однако...

— Реформа? — выкрикнул Квасов, поднявшись. — Знаем это...

— Квасов. Чем конкретно ты недоволен сейчас? — спросил Попов, зная, как тот неприязненно к нему относится.

— Жизнью нынешней!

— Жизнью? — переспросил кандидат. — А кто ею доволен?

— Ты, — ухмыльнулся Квасов.

— Я? — удивился оратор.

— Ты, ты! Оно всякому видно, — напирал Квасов. — В струю ты попал. Ты ж у нас хозяином земли стал. Вот и хозяйничай. Чего еще надо?

— Мне? Отвечу тебе и всем присутствующим: многое надо.

— А мне? — взорвался Квасов. — Я что, по-твоему, лодырь? Иль пьянь гольная? И скажи, Попов, как мне детям объяснить, что вместо денег папке с мамкой зарплату кирпичами выдают, а? — Квасов не удержался, выбежал на сцену. А из зала стали настойчиво требовать: «Хватит комедию ломать, Квасов!»

Но другие воспротивились:

— Правильно он говорит! Пусть дальше задает вопросы.

Квасов этим не замедлил воспользоваться:

— А вот я, товарищ-господин кандидат в депутаты, смогу объяснить и даже растолковать... К чему мы пришли? К расколлективизации, — начал, стараясь унять волнение, Квасов: — В смысле, значит, наоборот. Из колхозников в единоличники. Так ведь получается, дед Гришаня? — почему-то у Гусева, а не у Попова спросил выступающий. — Ты, дед, у нас в селе самый старший и то время хорошо помнишь... А теперь снова — хозяева вы, мол! А чем хозяину землю обрабатывать? Лопатой? Заработанных денег годами не видим. Какая уж нам с вами земля, мужики? А вот ты, Попов, в Заречии один такой умный нашелся, в струю попал. Все остальные мы — Иванушки-дурачки, получается. Не за что ухватиться. Палка об одном конце, выходит, как цветок, что возле полей и на лугах растет. Вроде бы и красивый, а не сорвешь. Поцарапаешься. А цветок тот чертополох зовется. Вот и жизнь наша вроде того цветка. Может, ты, Алексей, думаешь, я завидую тебе? — с ухмылкой продолжил Квасов. — Ни капельки. Просто я хотел бы ухватиться за эту палку или сорвать чертополох. Но не стану.

— Скажи конкретно, Квасов, чего ты хочешь? — спросил Попов.

— Работать! По-человечески! И чтобы никто не мешал. И за труд получать деньги обычные, а не кирпич и тому подобное.

Зал оживился, загудел растревоженным ульем.

— Так и я того же желаю, — повел плечами кандидат Попов. — Работать честно и получать честно за труд. И не от государства или еще кого-то, а от земли родной. Хочу, чтобы она чувствовала руки хозяина, но не временщика.

— Прав Попов! — понеслось из гудящего зала.

— Хозяин земле нужен! Настоящий!

Квасов, недовольный, спустился в зал.

— Я все понимаю, — продолжал упорствовать он. — Понимаю и вижу, что здесь идет. А еще видел, как кто-то в свое время уловил ситуацию и сбежал из коллектива, подобно крысе с тонущего корабля.

— Если ты, Квасов, имеешь в виду меня, то ошибаешься. Я не сбежал из акционерного общества, а ушел в соответствии с законом. Неужто ты хочешь, чтобы и я работал за старые кирпичи?

Зал разразился громким хохотом. Квасов, до предела обозленный последними словами Попова, с затаенной злобой замолчал. «Ну, мелкий помещик, ладно! — заскрипел он зубами, глядя исподлобья на кандидата. — Крутого из тебя не получится. Мы еще посмотрим!» — а вслух крикнул, с явными нотками злости:

— Ты, Попов, мне рот не затыкай! У нас демократия!..

Филатов находился в правом углу зала все время, пока горел спор, если можно так назвать происходившее. Только тут Филатов увидел сидящих в первом ряду Ларису и Щукина. «И эта сволочь тут!» — чуть не вырвалось у него.

Он вышел на улицу. Снова лил дождь, хоть и не столь сильно, как ночью, а ровный, без грозы и ветра. Но обложной.

«Работа в поле отменяется, — понял он. — Пойду домой... А эта встреча не радует что-то, — вернулись мысли в зал. — Эх, жизнь наша несуразная!» — выдохнул в сердцах, накрыл голову капюшоном плаща и шагнул с крыльца под струи дождя. Ноги сами понесли его в Смородинку.

Незаметно пролетела неделя после отъезда следователя Зимина в Тамбов, и вдруг он снова прибыл в Заречие. Его появление для сельчан было неожиданным. Всем, кроме Жиркова. Найдя его, Зимин сообщил неприятное.

— Виктор Федорович, может, для вас моя новость будет ударом, но факт оста-

ется фактом. После тщательного расследования я твердо убедился, что все улики по делу об убийстве священнослужителя ведут в Заречие.

Жирков занервничал, выдал с трудом:

— И кого вы подозреваете?

— Конкретно — никого пока. Будем искать. Проверим все версии.

— Конечно, — согласился участковый. Стал рассуждать вслух. — Кто же у нас в Заречии мог решиться на такое? Стрелять из пистолета, да еще в священника!

— Стрелявший решил завладеть святыми деньгами... Главное — гильзы от пистолета Макарова. И больше ни одной существенной улики. Ушлый, видать, бандит.

— Майор, может, все-таки не наш он, — засомневался Жирков.

— Заречинский. Есть вещдок. Самокрутка. Городской такие не курит. Он и завернуть-то ее не сумеет... В общем, ищем мастера этой самокрутки.

— Ну, найдем того, чью самокрутку подобрали при осмотре места убийства. А дальше? Как доказать, что именно он был там, именно он стрелял?

— Вот это сделать гораздо труднее будет, — щелкнул языком следователь. — Трудно, но необходимо. Иначе грош цена нам...

Долгожданная встреча Филатова со Щукиным произошла совершенно для них неожиданно на улице Заречия в сумерках, когда Костя шел с работы из фермерского хозяйства Попова.

— Постой, Щукин! — громко окликнул Филатов. — Поговорить надо.

— О чем? — спросил, остановившись, Щукин.

Филатов подошел к Щукину и молча ударил кулаком в лицо. От сильного и неожиданного удара тот упал.

Щукин хотел подняться, но Филатов не давал, злобно бил лежащего ногами:

— Получил свое?! Непонятливый ты, вижу. Возьми в толк и уйди с моей дороги! — закричал Филатов. — Зашибу до смерти!.. Че молчишь?! Беги в милицию, строчи заяву! И пиши в ней, как увел у меня жену любимую и жизнь мою порушил!

Удары прекратились. Щукин убрал руки с окровавленного лица, с трудом открыл глаза. Филатов неспешно уходил. Но вместе с болью во всем теле Щукин почувствовал и свою вину перед Филатовым.

— С заявлением в милицию не пойду, но и от Ларисы не уйду! — утираясь носовым платочком, прохрипел вслед уходящему. Тяжело поднялся, держась за левый бок. — Сволочь ты, Филатов, исподтишка напал. Ничего, сегодня твой верх, а завтра мой.

Еще с начала лета зоотехник Щукин несколько раз напоминал председателю Зуеву, что надо заменить на Заречинской МТФ быка-производителя. Зуев обещал сделать это, но только в конце лета или осенью, когда в хозяйстве появятся хоть какие-то средства. На очередном наряде председатель порадовал зоотехника:

— Ну, Игорь Алексеевич, вот и пришла пора заменить быка-производителя. А то и впрямь всех коров попортим. В общем, оформляй командировку в Липецкую область. Поезди там по хозяйствам, авось и подберешь хорошего племенного бычка. Денег не жалея. Однако и не спеши. Собственно, не мне тебя, специалиста, зоотехника с высшим образованием, учить.

Рано утром Щукин отправился в Липецкую область. А вечером Филатов, проходя мимо бывшего своего дома, увидел: в саду топится баня. Решил действовать. В сгущающихся сумерках незаметно пробрался в сад, спрятался в зарослях молодой черемухи. Филатов знал, что Щукин уехал. «Только бы Лариска одна, без детишек, пошла мыться и не заперла бы дверь бани, — с волнением рассуждал

он. — Сережа уже большой, все понимает и отпадает. А девочка? Эх, только б не с ней!»

Баня топилась, но света не зажигали. Вскоре показалась Лариса в легком ситцевом халате. Сбежав с крыльца, направилась по тропинке. Филатов прошептал: «Лишь бы не спугнуть, лишь бы не увидела!»

Она вошла в предбанник. Включила свет. Сквозь густой пар в окно пробились слабые лучики света. Взяв березовый веник, Лариса сбросила халат. Распустила волосы, сняв резинку. Очертания ее тела плохо просматривались из-за густого пара. Она набрала в розовый пластмассовый тазик горячей воды, разбавила холодной и вылила на себя. Потом стала мыть голову шампунем. В это мгновение скрипнула дверь. Лариса испугалась:

— Кто здесь?!

Вошедший не ответил.

— Кто тут? — снова спросила она тревожно.

— Я, — ответил дрогнувшим голосом Филатов.

Она быстро промыла глаза, вылила воду из тазика, прикрылась им.

— Зачем ты здесь?!.. Че тебе надо?!

— Ничего особенного... Соскучился я по тебе, Ларисочка. Поговорить хочу...

— Я буду кричать! — пятась, пригрозила Лариса.

— Давай без истерик. Я люблю тебя. Люблю, похоже, сильнее, чем прежде.

Лариса изменилась в лице. Она попятилась от него дальше, уперлась спиной в стеллаж.

— Я по тебе так соскучился, — горячо зашептал он Ларисе на ухо. — Я не могу так больше...

...Лариса лежала молча, дышала неровно и негромко. Костя целовал ее мокрый лоб, безответные губы, пылающие щеки, ощущая трепет ее сердца, а потом и тела...

— Ну и как? Поговорил? Ты только этого хотел? — с горечью спросила Костю Лариса, еще лежа на стеллаже. — И что дальше? Как будем жить?

— Выгоняй Щукина, — бросил Костя, одеваясь. — А мы начнем с чистого листа.

— Это не так просто, — задумчиво протянула она, садясь.

— Проще не бывает, — усмехнулся. — Ты же смогла бросить меня.

— Тогда смогла. Тебя же не было рядом. А теперь, пожалуй, не смогу так поступить... Довольно, Костя, мучить меня! Не морочь мне голову! Уходи!..

Оставшись одна, Лариса залилась горькими слезами. И вдруг истерично захохотала. «Не пойму, не то я сама Косте позволила, не то он изнасиловал меня. Ха-ха-ха! — перестала смеяться. — Вот и попробуй, Лариска, разберись. Впрочем, чего тут разбираться? Он любит меня. Несомненно, любит! Оно и у меня в душе еще не все к нему зачерствело. Не пойму сама себя. Запуталась...» Отошла от стеллажа, посмотрела на то место, где всего несколько минут назад они были вдвоем. «А если это никакая не любовь, а просто месть? Как бы то ни было, я сама виновата. Что я, дура, натворила-а-а?!»

Покачиваясь, накинула халат и вышла из бани. Ее обдало вечерней прохладой. По телу побежали колючие мурашки не то от вечерней свежести, не то от сильного волнения...

Заканчивается жаркое лето. Филатов трудился у Попова. Каждый раз приезжал с работы в Смородинку на газончике-самосвале, чтобы утром пораньше вернуться в поле. КФХ «Нива» почти управилось с уборочными работами.

Вернувшись поздним вечером домой, Филатов вышел на крыльцо покурить и остолбенел: все небо над фермерским полем было охвачено огненным заревом!

— Горит поле наше! — понял он. Побежал в дом за ключом зажигания. — Мама! Поле горит! Наверняка кто-то поджег!

— Горит? Ох, беда-то какая!.. А ты, ты-то куда?! — Марья Ивановна выбежала следом за сыном, пытаясь остановить его.

Зарево пожара охватывало полнеба. Через четверть часа после выезда Филатов уже был на месте. Фермерское поле горело под ветер. «Что делать? — заметался Филатов. — Тушить? Чем?» Стянул с себя пиджак, начал им гасить пламя. Но хлеб, высушенный суховеем, горел с треском, несмотря на обильно ложившуюся росу. Огонь распространялся огненным драконом, и с такой силой и скоростью, что одному, без воды, не справиться. Едкая гарь с густым дымом резала глаза. Невыносимо першило в горле...

За всем этим наблюдал Квасов, не успевший уйти после поджога хлеба и спрятавшийся неподалеку в кустарнике оврага. Поджигатель видел и подъехавшую машину, и кто выскочил из нее. «Ну, Филатов! Ну, сволочь! Что, верный пес, хозяйское сторожишь? — взвел курок обреза. — Сейчас я тебя здесь навек оставлю. — Выплюнул потухшую сигарету. — Пристрелю как пса поганого. Ишь, праведник. Когда мне с семьей жрать нечего, вы с Поповым жировать вздумали? Не выйдет! Не дам!» Нажал на курок. Грянул выстрел. Квасов вытер мокрые от росы руки и побежал по оврагу к селу...

Из-за треска горящего хлеба Филатов не слышал выстрела и не понял сразу, что произошло. Только почувствовал сильный толчок в правое плечо, жгучую боль. Теплый ручеек крови с кисти руки закапал на землю. Поняв, что случилось, он мгновенно плюхнулся на землю. Затих, ощупывая левой рукой окровавленное липкое плечо.

Когда Попов и еще несколько сельчан прибыли на поле, оно уже сгорело дотла. Филатов, пересиливая боль в плече, вышел им навстречу.

— Начисто выгорело, Леха. Не смог я потушить, — корчась от боли, выдавил он.

— Один в поле не воин. Вот горькая истина, Костюха, — выдавил Попов, и только тут заметил, что Филатов едва стоит на ногах и держится за плечо. — Ты ранен?!

— Подстрелила какая-то сволочь.

— Я найду, кто это! Хоть из-под земли достану! А ты давай живо в машину ко мне. Нужно срочно к врачу!

Через сутки после пожара в Кирияновскую больницу приехала навестить раненого Лариса. Приехала тайком от Щукина. Стараясь быть незамеченной односельчанами, мышкой пробралась в палату к Филатову. Он лежал один.

— Лариса?! — удивленно воскликнул Костя, даже привстал.

— Как видишь, — виновато потупив глаза, ответила она, но тут же посмотрела на Костю. — Как чувствуешь себя?

— Лучше некуда, — через силу улыбнулся он. — Да ты не стой. В ногах правды нет. Проходи сюда, — похлопал по койке. Она присела на краешек. — Вот уж кого не ждал, так тебя.

— А ты сильно не радуйся. Учти, если я и здесь у тебя, это ничего не изменит.

— Ты так думаешь? — насупился Филатов.

Она не ответила, посмотрела ему в глаза, потом на плечо, на котором из-под бинта пробились бурые пятна.

— Сильно болит?

— А здесь, — он положил руку на сердце, — еще сильнее... — И вдруг резко сменил тон. — Ну, хватит. Проведала? Теперь уходи...

После ухода Ларисы Филатова навестили более важные гости. Жирков и районный следователь. Разговор повели о поджоге поля и покушении на убийство.

— Я не знаю, кто стрелял. Не видел и не знаю, кто поджег хлеб. Если б знал — убил бы гада без суда и следствия.

Пожелав скорейшего выздоровления, гости ушли ни с чем. Следствие и по этому делу дало сбой. А в первых числах сентября Филатова выписали из больницы...

13

Первый осенний месяц раскрасил листья в желто-багровый цвет. Воздух стал прозрачным, а по утрам на пожухлых травах лежала серебристая роса. К полудню при погожем солнечном дне ветерок срывал с трав и кустов серебристую паутину и, вертя-крутя в воздухе, нес в неведомую даль. Такое прекрасное осеннее время издавна называют в народе бабьим летом. Но за ним непременно наступает ненастье с заунывными, долгими дождями. В эту пору на человека нет-нет, да и нахлынут воспоминания. Воспоминания с хандрой, от которой трудно избавиться. Филатову избавиться от нее помогли сын, часто навещавший его, и охота, которую Костя любил, хотя и подзабыл в последнее время. А в эти пасмурные дни он с самого утра уходил с ружьем из дома. До позднего вечера бродил по окрестным заброшенным полям и дубовой роще, что в пяти километрах от Смородинки. Иногда заглядывал и на Круглое озеро, где перед отлетом гуртовались дикие утки. Нередко он возвращался с охоты без добычи, промокший до нитки. Каждый раз мать, глядя на измученного и уставшего сына, уговаривала:

— Что ты зря ноги бьешь? Сидел бы дома и не мок под дождиком. Не ровен час, заболешь.

— Да не могу я, мама, сидеть на месте! Тоска гложет! Заест совсем! А на охоте, на воле я о плохом забываю.

Когда не было занятий в школе, Костя брал на охоту Сережу. Уходили к Круглому озеру. С сыном ему было еще веселее...

В один из ненастных сентябрьских вечеров Филатов возвращался без добычи. Усталый, он еле передвигал натруженные ноги, однако на душе был покой. Погрузившись в воспоминания о детстве, не заметил, как его по дороге в Смородинку догнала подвода.

Филатов оглянулся и заулыбался:

— Эт ты, дед Гришаня...

— А-а... Залазь на полок. И живей, — скомандовал дед. — Тороплюсь я к вам в Смородинку.

Филатов послушался. Быстро снял ружье, запрыгнул в телегу, уселся удобнее:

— Зорька у меня заболела, — сказал старик. — Приплелась из стада, раздулась в боках, как бочка, и легла.

— Никак обкормил чем-то?

— Бог ее знает... За Кузьмичом еду. Наш шпингалет ить — ни в зуб ногой, — трещал дед, то и дело понукая лошадь. — А Кузьмич на этом деле собаку съел. Вон скока лет в колхозе, а опосля в совхозе ветеринаром отбарабанил! Сможет и Зорьку мою на ноги поднять. — Он нервно раскуривал «козью ножку». — Вот у нас на фронте была корова. Всем коровам корова!

Филатов заулыбался, зная сызмальства характер деда. «Сейчас что-нибудь загнет!» — предположил. И не ошибся.

— Она не только кормила нас молоком, но и к фашистам в тыл в разведку ходила. Ох, и умная была, стерва! Через минные поля с донесениями пробиралась в тыл гадам. Разведчики так маскировали свое донесение в ее рог, что ни одна соба-

ка не догадывалась. А там, на станции, эшелоны немецкие с живой силой и техникой.

Когда много накоплялось, тогда тока держись, фашисты!.. Кстати, на минном поле паслась. Мины чутьем брала, словно собака натасканная. На то поле и немцы, и наши боялись нос совать. А она спокойненько на минах травку щипала. Наестся, умница, и к нам в полк. Молочко несет!.. Наградить бы ее положено.

— В чем же загвоздка? — едва сдерживая смех, спросил Филатов.

— Но-о-о! Поспеша-а-ай, снулая! — подогнал дед в очередной раз лошадь и прищелкнул языком. — Животных посмертно не награждают, Костя. Жаль. Не судьба, видать. А с ней не поспоришь.

— Эт ты точно подметил, — огласился Филатов.

— Да, что надумает, то и сотворит хоть с человеком, хоть с животным, — продолжал дед, изредка помахая кнутом. — Вот в Польше, почти на границе с Германией, такая история случилась. Захватили мы немецкий аэродром, да так быстро, что ни один гад не успел взлететь. Эти трофеи потом на их же Берлин с «гостинцами» летали. Один трофей, «мессершмитт», и мне достался в подарок от командования. И стали мы по вечерам, когда на Берлин вылетов не намечалось, тайком от начальства на трофейных-то на танцы к девкам наведываться. Вечер, другой вхолостую. На третий подцепил я себе фрау. Девушку по-нашему. Фрау Эльзу. Неписуемой красоты! Завязался у меня с Эльзой роман. Ах, какая любовь разгорелась!..

— И что?

— Не перебивай, Костя! Слушай, — обиженно вспыхнул дед. — И вот в один вечер решил я пригласить Эльзу в гаштет. Эт по-нашему пивбар. Сняли столик. Заказали баварского пивка по две кружки и таранки. Сидим, потягиваем пивко, воркуем, что голубки. Вдруг открывается дверь гаштета, и с охраной вваливается сам Адольф Гитлер! Любитель он был по пивнушкам шастать. Офицерье все повскакивало, в струнку вытянулось, руки правые — вперед и вверх. «Хайль Гитлер!» — горланят. Я тут, признаюсь, остолбенел. А Гитлер, сволочь, со своей бандой, как назло мне, прям напротив нас за столик сел. Челка на левую сторону зачесана, под носом маленькие усики. Пьет гад пиво с наслаждением, аж причмокивает после каждого глотка. Да еще и подмигивать Эльзе моей начал! Тут я не выдержал и чисто на немецком ему...

— Да?! Откуда ж ты немецкий знаешь? — рассмеялся Филатов. — Ну-ка, трекни пару фраз.

— Вот ты чудак! — обернулся к смеющемуся Гришаня. — Иль я в Берлин не летал? Да я до корочки, от «а» до «я» — как пять пальцев... А сейчас, как назло, склероз, сволота. Вытравил из памяти весь немецкий язык. Хоть бы одно словечко оставил. Так нет, все подчистую!

— Ну и что с Гитлером тогда? — заторопил Филатов оправдывающегося рассказчика, видя, что почти доехали до Смородинки.

— Я ему в глаз по полной программе закатал. Должно, запомнил он мой кулак. Охрана фюрера и завсегда таи пивнушки замешкались, я и благополучно смылся. А опосля тужил, что не убил эту заразу. Может, и война раньше кончилась бы. Не судьба, значит... А мне после того инцидента с Гитлером уже нельзя было в Берлин. Его весь моей физиономией завесили. А скока дойчмарок за мою голову обещали-и-и!

— Сколько же? — хихикнул Филатов.

— Много, Костя. Рук и ног не хватит... А вот Эльзу, как мы Берлин взяли, я искал. С ног сбился. Но она словно сквозь землю провалилась. Была любовь — и нет... Трр...

— Ну, вот и приехали, — спрыгнув на землю, сказал Филатов. — Спасибо. Лечи

Зорьку. А бабе Федоре переды привет от меня. — И подначил: — Только ей про Эльзу ни-ни. Заревнует ведь.

— Меня-то? Моя Федора заревнует? Ха-ха-ха! Отревновала. Что было, то было, — сказал с напевом. — Да былъем-то уже поросло...

Марья Ивановна встретила сына у порога, радостная, веселая.

— У нас гостя, сынок! Наташа.

— Сестра?! Из Америки прилетела? — воскликнул удивленно.

Влетел в комнату, как был — одетый и с ружьем. Увидел за столом незнакомую белокурую девушку. Она, отставив чашку чая, встала.

— Ой, меня ведь тоже Наташей зовут, — засмузилась, краснея. — Ртищева.

— Ясно. А мы с вами, Наташа, как будто и крещеные, — хмыкнул. — По несчастью.

— Ах да, — грустно ответила Наталья. — В вас тоже стреляли. — Она посмотрела на Филатова сочувственно и почему-то вдруг ее миловидное лицо засветилось улыбкой.

Филатов затушевался, отвернулся. Снял с плеча ружье...

Когда он сел за стол напротив девушки, наступила неловкая пауза. Ее нарушила Наталья.

— Я у вас погощу несколько деньков. Вы не против?

— Ради Бога. Сколько угодно, — не задумываясь, сказал Костя. — И не надо «выкать». Давайте по-простому, на «ты».

Марья Ивановна была не просто довольна визитом Натальи, а рада, словно приехала родная дочь. Косте она тоже понравилась.

Весть, что у Филатовых гостит девушка, пострадавшая от бандитов, дошла и до Ларисы. Ее охватила такая ревность и ненависть к этой девушке, что она тайком от Щукина плакала. Он заметил неладное:

— Лара, любимая. Что с тобой?

— Ни-че-го! — отрезала и вышла из дома. Ее всю трясло, как в лихорадке.

Оставшись один, Щукин задумался...

Эмоции навалились и на Филатова. Он не мог оставаться один и неожиданно для себя стал все больше сближаться с Наташей. Однако в душе и в сердце продолжала теплиться надежда на возвращение Ларисы.

14

Алексей Попов, одержавший-таки победу на выборах, став депутатом районного Совета, немного отошел от фермерских дел и с головой погрузился в дела народные. Заботы по хозяйству в «Ниве» полностью переложил на плечи своей жены и Филатова. Попов, почти год возглавлявший в районе фермерское движение, изо всех сил старался создать как можно больше фермерских хозяйств. «В этом мне поможет статус депутата, — рассуждал Алексей. — Но надо доказать, что этот метод хозяйствования правильный!»

Как-то сентябрьским утром Попов явился в правление АО «Заречинское», которому грозило банкротство и введение внешнего управления. С натянутой улыбкой встретил визитера председатель Зуев.

— Заходи, Алексей, садись... И в каком же качестве пожаловал ко мне? Как фермер или как депутат?

— В качестве того и другого, Иван Иванович, — не обращая внимания на не очень-то дружелюбный тон, начал Попов. — По делу я. О полях в Федькиной гати. Вы предлагали их в виде пая Филатову... Я забрал бы те земли.

Зуев удивленно посмотрел на фермера-депутата.

— Так в чем же дело, фермер?! Земли бросовой полно-полно! Оформляй, как положено, через земельный и налоговый отделы, и вперед!

Разговор между Зуевым и Поповым еще не окончился, а в дверях кабинета показались Жирков и Зимин...

— У нас дело к вам, Иван Иванович, — сказал Жирков.

— Какое? — напряжился Зуев.

— Скажу конкретно, — начал следователь. — Надо собрать все свидетельства, выданные на землю. На время. Под предлогом проверки в районном земельном отделе законности выдачи свидетельств, правильности их оформления мы будем решать нашу главную задачу, не вызывая при этом лишних подозрений. Будем скатывать с каждого свидетельства пальчики.

— Для чего? — удивился Зуев.

— Сравним отпечатки пальчиков на свидетельствах с отпечатком, снятым с найденного на месте преступления бычка самокрутки. Так выйдем на человека, который совершил это преступление.

— Сделаю, — согласился Зуев. — Но за один день такую работу не провернуть.

— Сколько времени вам понадобится, Иван Иванович? — спросил Зимин. — Следствие и без того затянулось. Кроме того, обстановка у вас напряженная. В Заречии уже второе преступление с применением огнестрельного оружия.

— Постараюсь за два-три дня, — обнадежил председатель.

На ремонт Заречинской церкви материалы завезли еще в начале августа. Сразу начались было и работы. Однако вскоре остановились и возобновились лишь только в сентябре. Зато с размахом. Установили крест на главном куполе. Заново покрытые желтоватым оцинкованным железом, луковицы церковных куполов поблескивали под лучами даже неяркого осеннего солнца. Собрались к 27 сентября — Воздвижению Животворящего Креста Господня — краном поднять и установить церковный колокол. Полюбоваться, быть свидетелем необычайного события собрался и заречинский люд от мала до стара. Звенели голоса.

— Вот и у нас теперь будет на всю округу звенеть-переливаться малиновый звон! — радостно восклицал кто-то.

Начали подъем колокола. Старушки и старики, а за ними более молодые женщины и даже некоторые мужики тоже стали осенять себя крестным знамением... Вскоре колокол водрузили на звонницу...

Во время прогулок по окрестностям Смородинки Филатов не раз хотел спросить Наташу, как она оказалась со священнослужителем в тот вечер в Заречии и что вообще их связывало, но стеснялся. На этот раз решил, шагая чуть позади девушки:

— Извините, Наташа, за неактивный вопрос. Вы не похожи на богослуженку, тем более на монашку. Что вас связывало с убитым попом?

Ртищева остановилась, повернулась лицом к спутнику.

— Покойный отец Анатолий, царство небесное, был для меня самым близким человеком, помог мне в трудное для меня время, — ответила она. — Он для меня — как родной отец. Мне ясно одно, Костя: если бы не он, я, наверное, наложила бы на себя руки. Хотя у нас с ним разница в возрасте всего девять лет, я на исповеди открыла ему свою душу... А теперь вот встретила еще одного чуткого человека. Вашу маму, Марию Ивановну.

«Я не лгу», — прочитал он в ее голубых глазах, и в порыве нежности хотел обнять. Но она не позволила сделать это. Отвернулась и отошла в сторону.

— Очень жаль, что отца Анатолия не вернуть. Я ничего почти не помню из случившегося тогда. Помню только, что стрелял с обочины дороги.

С берега реки через пожелтевший, словно лисий мех, притихший луг приветливо блеснула куполами Заречинская церковь. Филатов кивнул в сторону храма:

— Можно считать, церковь эта — детище отца Анатолия.

— Он жизнь за нее отдал. Что в человеке есть хорошее, это его добрые дела.

Тем более, если они навечно.

На следующий день они побывали в Заречии. Посмотрев, как идет реставрация церкви, пошли домой. Неожиданно им встретился дед Гришаня. Он молча вскинул удивленные глаза, потом, прищурившись, пристально с ног до головы осмотрел девушку. Она засмушалась.

— А что эт с тобой за красавица? — не сдержал любопытства дед.

— Сестра троюродная из Норильска. Слышал про такой город? — отговорился Костя.

— Слыхать-то слышал, — недоверчиво бурчал старик.

И вечером неугомонный и легкий на язык дед Гришаня встретил Ларису и сообщил о приехавшей к Филатовым сестре. Лариса удивилась, зная, что у них в Норильске никакой сестры не было. И вдруг догадка черкнула по мозгам: «Это, видать, была она!»

В разведку тайно послала сына.

30 сентября поздно вечером в кабинете председателя долго горел свет. Шел разговор между Зуевым, Зиминым и Жирковым.

— По-моему, мы на правильном пути, — взволнованно заключил следователь. — Преступник — Квасов. Факты против него. Нашли же его окурок.

— Все может пойти насмарку, — предупредил Жирков.

— Почему? — спросил следователь.

— Потому что Квасов такой верткий, что из грязной лужи вылезет чистеньким, — вступил в разговор Зуев. — Единственная улика ничего вам пока не даст.

— Почему же? — начал нервничать Зимин. — Я ж говорю, пусть Квасов докажет, что он не... — следователь не успел договорить. Кабинет, контора, все Заречие погрузились в ночную темень: отключили электричество...

В раннее холодное утро Квасов собирал в курятнике яйца, гоняя из угла в угол обиженно кудахтающих кур. Внезапно отворилась дверь. В ней, закрывая свет холодного солнца, вырисовались две фигуры. В них хозяин сразу узнал участкового Жиркова и следователя Зимина. Сердце Квасова тревожно забилося, но он не подал виду и продолжал проверять гнезда.

— Дверь-то прикройте, господа-товарищи, — бросил им хмуро.

Дверь закрыли. На миг воцарилась тишина, изредка нарушаемая кудахтавшими курами.

Молчание прервал Жирков.

— Вопросов к тебе, Иван Квасов, у нас уйма, — начал Жирков. — И отвечать тебе на них придется точно и правдиво. Как на исповеди...

К обеду Ивана забрали в РОВД, увезли в Кирьяновку. К вечеру об этом узнали и в Заречии, и по всей округе.

Лариса, как и замыслила, отправила в Смородинку Сережу. На разведку. Узнать, действительно ли у Филатовых живет девушка, или дед Гришаня, как обычно, натрепался. Сережа забежал в дом запыхавшийся. Не увидав посторонней женщины, подскочил к отцу, посмотрел в глаза:

— Где?!

Отец сразу догадался, кого ищет сын.

— Сережа, успокойся, — привлек к себе сына Костя. — Ты и мама не так все поняли.

— Так где же женщина, которую с тобой видел дед Гришаня?

— Вон оно откуда ветер дунул, — улыбнулся отец. — Она погостила и уехала, сын. Так и передай маме.

15

В эти дни Лариса обнаружила, что беременна. Сообщить об этом Щукину не решилась, ибо ей не давала покоя догадка, и сердце говорило: «Отец ребенка — Костя». Время шло, увеличивался живот, скрывать дальше беременность от мужа было и невозможно, и рискованно. Выбрав удобный момент, сообщила:

— Игоречек, милый. Мне кажется, что у нас будет еще ребеночек.

От неожиданности Щукин вскочил из-за стола, но потом взял себя в руки:

— Ну и что? Ты же замужем. С мужиком живешь...

Лариса повеселела.

— Надо в Кирьяновку съездить. На учет встать, — зачестила радостно. — Что скажешь, милый?

Щукин перестал ходить по комнате, развел руки:

— А что в таких случаях говорят?

— А я... я подумала, может быть, ты против, чтоб я рожала.

— Боже мой, Лариса! Как ты такое подумать могла? Да, сейчас трудное время. Но бывали времена и похуже. И все равно женщины рожали. Рожай, дорогая моя! — твердо заключил он и крепко поцеловал жену в подрагивающие губы.

...Прошло две недели. За это время Лариса сильно изменилась. Она сама начала искать встречи с Костей. Но он стал редко появляться в Заречии, да и когда появлялся, избегал видиться с бывшей женой. Это навело ее на грустные мысли. «Вдруг у него с этой Наташкой Ртищевой роман? Ну и что? — спрашивала она себя.

16

Еще за неделю до престольного праздника Покрова деду Гришане пришла мысль: «Не открыть ли и мне свое дело, не стать ли бизнесменом? — думал недолго, решил: — В помощники возьму Федору. Чем не помощница? Будет на рынке торговать. Язык у Федоры подвешен что надо».

Поразмыслив, вечером поделился этим с женой.

— Ты что, обалдел? — буркнула старуха.

— А чем мы с тобой хуже других? И не враз я тебе это предложил. Долго обдумывал.

Федора удивленно и в то же время с усмешкой уставилась на мужа.

— А это дело особое, мать, — принялся рассуждать Гришаня. — Ты тока вдумайся! Торговля ить всегда прибыльна. Я буду плести лукошки, кошелки большие, средние и маленькие. Сейчас это самый ходовой товар в личном подворье. А хвороста для плетения полно в зувеских оврагах... Постепенно раскрутимся, а потом заживем под старость лет по-современному!

Федора на это ничего не ответила. Пожелала мужу спокойной ночи, отвернулась и завалилась спать.

Утром дед проснулся рано, оделся и вышел на крыльцо. За ночь землю припоорошило первым снежком. Старик покашлял, покурил в тишине и вернулся в дом. Жена уже встала, стонала, жалуясь на ноги.

— Не мудрено, мать. На дворе ненастье. Первый зазимок.

Федора погихонько размяла ноги, а Гришаня засобирався в дорогу.

— Хворост так хворост, — бормотал себе под нос, запрягая лошадь.

Овраги пролегли в трех километрах от Заречия. Когда к обеду ударили в колокол, звон был слышен и в овраге. Повозка деда уже была загружена, и он собрался тронуться в обратный путь, как вдруг на что-то наступил. От любопытства принялся разгребать мокрую от снега траву с опавшими листьями и ахнул.

— Ба-а! Обрезок ружья! Наверное, из него в Филатова стреляли, а потом спрятали, — рассуждал Гришаня, осматривая оружие. — Так не так, пушай милиция разбирается. Мое дело — доставить куда следует.

Вечером дед завернул находку в чистую тряпку, сунул под мышку и направился к участковому домой. Жирков был поражен.

— Вот так сюрприз! — сокрушенно качал он головой.

Гришаня сделал довольное и умное лицо, твердо заверил:

— Из него, из обрезка этого, той ночью при пожаре стреляли в Костю. Там и спрятали.

— Похоже, так, — протянул Жирков. — Теперь остается выяснить, чей это обрез.

— Вот и вот, — согласился Гришаня, хитровато посмотрев на участкового. — А под силу это нашему правосудию? Не надорвет пупок? Как думаешь, Федорыч? Жирков полоснул по деду недовольным взглядом.

На Покровское богослужение в еще не полностью отреставрированной церкви с утра звонил колокол, созывая на службу народ. И он, принаряженный и веселый, поспешно тянулся к храму. Не только из Заречия, а и со всех окрестных селений. Перед алтарем голосистый батюшка хрипловатым баском читает молитву Господню. Паства сгрудилась перед молитвенным столом с горящими свечами.

«Отче наш, иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...» — пел батюшка, пел церковный хор, пели прихожане, сумевшие к этому великому празднику, Покрову Пресвятой Богородицы, выучить текст молитвы...

В этот праздничный день за долгое время в церкви снова встретились Филатов и Лариса. Она была с Игорем, Костя — с матерью и оказавшейся снова в гостях у Филатовых Натальей Ртищевой. Каждый раз, кланяясь между молитвами, Лариса бросала взгляд на Костю и соперницу, стоявшую рядом с ним со свечкой в руке. Филатов делал так же. Их взгляды встречались. Это заметила Марья Ивановна...

Лариса теперь еще сильнее желала быть с Костей. Она больше не сомневалась, что носит под сердцем именно Костиного ребенка и поняла окончательно, что совершила огромную ошибку в жизни, не дождавшись мужа из заключения.

А Филатов, чем дальше шло время, тем больше терялся. Он уже не понимал, чего хочет. То ли возвращения Ларисы, то ли... В нем боролись два чувства: старое — любовь к Ларисе и новое — любовь к человеку, находящемуся рядом. К Наташе. Он не знал, как поступить с Ртищевой...

После богослужения за церковными воротами собралась небольшая толпа женщин. В центре их внимания была Клавдия Щеглова.

— Бабы! Новость сообщу вам!

— Какую, Клавдия? Хорошую, плохую? — посыпались вопросы.

— Сами судите... Я от самого Жиркова услышала, когда ездила в Кирьяновку по своим делам... Священника-то Ванька Квасов убил! И уже в том сознался... А видали, какой Нинка его сделалась? В церковь пришла. Видать, за муженька молиться.

— Прям, какую новость сопчила ты, Клавка, — сердито бросил кто-то из женщин. — Ивана, известно, за то и забрали.

— И это еще не все новости, бабы! Оказывается, в Филатова стрелял тоже Квасов. И поле Попова он же поджег.

— Зачем это-то сотворил, лишний грех на душу взял? Чего ему Костя плохого сделал? — загадели женщины.

Филатов и Наташа вышли из церкви чуть ли не последними. Проходя мимо кучкующихся женщин, Ртищева уловила на себе недружелюбный взгляд. По дороге в Смородинку Наташа с волнением спросила Филатова:

— Костя, когда мы вышли из церкви, одна женщина на меня так смотрела! Будто готова была сожрать. Я поняла, это была твоя бывшая жена, но не хотела тебе о том говорить.

— Пусть только попробует Лариска пакость тебе сделать! — сжал кулаки Филатов.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Жизнь в Заречии, несмотря на трудности, текла своим чередом. Были у людей заботы и тревоги, праздники и причуды...

Алексей Попов побывал в Тамбове на областном совещании фермеров и приобрел там видеомэганитофон «Голдстар», а также пару кассет фильмов с участием Шварценеггера, с мультфильмами про американского мышонка Микки-Мауса. Ездил на своей «Ниве», вернулся уже в сумерках. Заглушил мотор и довольный, с покупками, вошел в дом.

— Вот и я, — радостно сообщил жене. — Погляди-ка, что купил! — Положил на стол коробку с «видиком», сверху — кассеты. Скомандовал ребягте:

— Ну, что стоим?! Налетайте, распаковывайте!.. Управляйтесь тут, а я пойду загоню машину в гараж и вернусь мигом, — сказал жене.

— А мне что-нибудь купил, Леша? — провожая мужа до двери, спросила она машинально.

— Купил, — загадочно улыбнулся Алексей и прошептал на ухо: — Кое-что и тебе есть. Даже очень «что»!

Всей семьей до позднего вечера Поповы смотрели американские мультики, от души хохоча над проделками Микки-Мауса. Лишь около полуночи детишки, довольные, веселые, отправились в свою комнату спать. Через полчаса отец, выйдя из спальни, шепотом сообщил матери: — Уснули, Катюша. Может, перенести телевизор и «видик» к нам в спальню?

— Понятно.

— Что понятно? — спросил Алексей.

— Эротикку привез?

Он перенес телевизор и видеомэганитофон в спальню. Вставил кассету, начали смотреть. При первых же кадрах жена отвернулась от экрана, воскликнула:

— Тьфу! Один срам!

— Сексреволюция и в России, Катенька! Вот так! — громко прошептал Алексей и повалил жену на кровать...

...Екатерина долго не могла уснуть из-за сильного храпа мужа. Молча лежала в постели, смотрела в темноту, размышляла. «Любовь. Она есть ли вообще? Тем более такая, о какой любила читать в романах Тургенева, Толстого — чистая, нежная».

Она вспомнила свою первую любовь. Семнадцатилетней, она безумно влюбилась в заречинского парня Генку Фролова. Он был старше ее лет на пять. Отслужил в армии. Кате казалось тогда, что она не сможет жить без его ответной любви. А Гена к ней был совсем равнодушен. До определенного времени...

Сейчас Екатерина не знала, где Фролов и жив ли вообще. Ходили слухи, будто он скитается по стройкам, исколесил Север и всю Сибирь. Может быть, где-то там и осел. Но ходили и другие слухи. Якобы по пьянке он утонул в Енисее. Точно же никто не знал о его судьбе.

Она вспомнила, как однажды в клубе неожиданно для нее Генка пригласил ее на танец. Катя стояла с подружками у стены в фойе. С того вечера и начался любовный мираж...

Лежа в постели, она вдруг снова окунулась в то время. Она — такая счастливая! Такая веселая! Танцует с любимым медленный танец, а мысли опережают одна другую.

«Теперь Гена будет навеки мой!» — мечтала она. Она цвела от любви. Она верила в счастье. «О, если б я тогда могла знать или хотя бы предположить, о чем Генка думал, какие у него намерения ко мне!» — вздохнула Екатерина. Она не допускала плохого даже в мыслях. А он воспользовался ее чувствами. Вышло все, как в тумане: Фролов, как хитрый лис, провожал ее до дома, просил о новой встрече...

— Давай встретимся завтра у Сухого пруда в одиннадцать вечера, а? — предложил Гена.

— Ты меня любишь? — с затаенной надеждой спросила Катя.

— Да.

— И я люблю! Так люблю, миленький, что не смогу выразить мою любовь словами!

Он обнял ее за хрупкую талию. Спросил нежно:

— Можно я тебя поцелую?

Она в блаженстве закрыла глаза и тут же почувствовала на своих губах — его, влажные, теплые. Он так долго не отрывал их, что ей стало не хватать воздуха. Она резко оттолкнула кавалера.

— Ну, ты че? — не понял он.

— Хватит, Ген.

— Хватит, так хватит, — буркнул парень, будто и впрямь обиделся на нее...

Минул месяц... Уже начала отцветать рожь, наливаясь спеющим колосом. Как и договорились, Катя с Геной встретились у Сухого пруда. Ночь выдалась светлой, но чуть прохладной. Высоко в бездонном июльском небе горели холодные, будто кусочки льдинок, звезды и кучерявился месяц. От воды тянуло холодом. Гена накинул пиджак на плечи Кате:

— Ты ж замерзла.

Шли по поросшей травой росистой дороге. Ноги Кати в босоножках стали промокать. Она молчала. С поля донеслось голосистое: «Спать пора! Спать пора!»

— Нам еще не пора, — передразнил птицу Гена. — Так ведь, Катюша? — Предложил: — Давай передохнем в копне. Заодно и поговорим еще.

Она согласилась. Он надергал из копны свежего сена.

— Садись. Тут тепло и мягко.

Она присела.

— Ах, как хорошо пахнет! Какая сказочная ночь!

— И верно — красотища! — садясь рядом, поддержал он. — В такую ночь... —

Он принял к ее губам. Она не воспротивилась. Поцеловал еще раз и еще... Не встретив сопротивления, осмелев, Гена опрокинул ее на спину, трепеща от воодушевления, стал нервно расстегивать блузку на груди.

...Когда Гена скатился с нее, мираж прошел. Катя заплакала.

— Что с тобой? Иль тебе плохо было? — спросил он спокойно.

Она вздрогнула, непослушными губами выдавила, всхлипывая:

— Ты же не женишься на мне.

— Вот еще удумала. Почему не женишься?

— Я знаю. На таких не женятся.

Гена промолчал. Она вновь заплакала, но уже навзрыд. Его поведение, выраженное молчанием, красноречивее любых слов говорило, что эта встреча ее с любимым последняя... Так и вышло.

Екатерина разочарованно вздохнула.

«Мечты-мечты. Все мечтают о настоящей любви, да не ко всем она приходит», — она поправила подушку, подложила под ухо и вскоре уснула. Проснулась рано. С чувством, если не любви, то искренней благодарности, поцеловала спящего мужа. От поцелуя проснулся и он. Засмеялся:

— Вот как здорово повливал вчерашний сеанс эротики.

— Глупенький мой, — она снова поцеловала мужа. — Какой там сеанс? Люблю я тебя — вот и вся эротика.

2

Утром у Щукиных зазвенел дверной звонок. За ним — стук в дощатую дверь. Игорь вскочил с теплой постели. «Кого черт принес в такую рань?!» — ворчал он, выходя на крыльцо. На нижней ступеньке стоял ссутулившийся в потертой с заплатами фуфайке дед Гришаня. Сдвигая на затылок шапку-ушанку одной рукой, он крепко держал в другой кокающего петуха.

— Доброго утраца, соседюшка, — поздоровался дед и сразу затрепал, — вот решил пораньше заявиться. Вопрос, интересующий меня, решить.

— Доброе, — недружелюбно ответил Щукин. — Только что-то уж очень холодное... Так, какой тебя мучает вопрос, бедолага? — Глянул на петуха, отвернулся, прыснул в кулак.

— Надись видал я у тебя очень уж хороших кочетов. Хочу купить, аль, если можно, обменять. Больно уж мой развратничает, сволочь.

— Как это?! — сделал удивленное лицо хозяин, уже не сдерживая смеха.

— Наглейшим образом! — Гришаня тихо стукнул петуха по голове. — Петух вроде бы благородная птица. Он должен быть навроче султана в своем курином гареме. А мой паразит на другую птицу, не на курицу, глаз положил. Зарубить бы, да рука не поднимается... Мож, махнемся?

— И на какую же птицу Петя глаз положил? — продолжал раскручивать бесplatный юмористический спектакль Щукин.

— На уток.

— Ну-у, уморил меня! — залился смехом Щукин. — Сейчас посмотрим.

Он отпер курятник, кивнул деду в сторону насеста:

— Иди, выбирай на вкус. У меня петушки молодые, бойкие.

Вскоре облюбованный петух уже трепыхался в руках деда. Он суетливо благодарил:

— Спасибо, мил человек, что не отказал старику. Дай бог птице в обоих дворах водиться.

...Вечером, уже без звонка и без всякого предупреждения, дед Гришаня явился к Щукину и Ларисе. Дверь была незаперта, и гость прямо с порога засипел охрипшим голосом.

— Извиняйте, соседюшки, за причиненное беспокойство. Непогода загнала. Гляньте, что за окнами творится. Осень будто бы, а полной зимой пахнет. Снег валом валит!.. — И вдруг резко сменил тему: — Я вот что, хозяин. Решил, как полагается, сделку нашу обмыть. Бутылочку прихватил.

Хозяева пригласили деда за стол. Пока он трепал, Лариса нарезала хлеба, сала, в тарелки надила лапши с курятиной. Не забыла подать и огурчики. Закончив, развела руками:

— Чем богаты, дедушка. Огурчики малосольные. Ну, угощайтесь на здоровье. Хозяин же, садясь за стол, как бы невзначай добавил:

— Угощайсь. Лапша... из твоего петуха.

Дед никак не отреагировал на подковырку. Опорожнив рюмку, набрал в ложку супа, отхлебнул.

— Вкусно, хозяйка, — похвалил Ларису. — Отменно приготовлен супчик, хотя и из басурмана. Анчихристовой крови петух-паразит был...

Лариса молча слушала. Дед с азартом философствовал:

— Я так скажу, петух — неглупая птица. Расскажу одну историю, раз уж мы сидим за столом. Произошла в нашем селе. Лариса, должно, ты хорошо помнишь Игната?

— Конечно, помню, — ответила она. — И что?

— Ну вот, — продолжил гость. — Жил Игнат всего в саженьях в двадцати от Заготскота, который занимался скупкой скота и птицы у населения. Решил однажды Игнашка продать туда кур. Утречком снял их прямо с насеста с десятков, посажал в кошелку и петуха туда же сунул. Поскока народу мало было с курами, сдал свою птицу быстро. Получил квитанцию — и домой. Деньги не получил. Их тока после обеда выдавали. Дома Игнашка говорит жене: «Возьми квитанцию, сходи с обеда в кассу Заготскота, получи деньги. Я сам бы пошел, да что-то устал». Жена взяла у него документ, пообещала сходить. А Игнашка прикорнул на диване. А когда проснулся и вышел во двор, глянул и ошалел. Глазам собственным не поверил. Петух дома! И не один! Кур с собой привел... Вечером Игнат завел их в курятник. «Повезло нам, жена, — поделился радостью. — Деньги сами в руки идут!» — «Боязно, Игнат, — заволновалась она. — А вдруг...» — «Да не трясись ты! В жисть никто не догадается»... А утром Игнашка опять кур в кошелку и — в Заготскот. Приемщик принял у Игнашки птицу. Сам на петуха подозрительно так глядит. Но ничего не сказал, выдал квитанцию. А опосля спрашивает: «Игнат, почему ты вчера не сдал всех кур разом?». Ну, Игнашка-т не дурак. Промолчал. После обеда получил деньги в кассе и — в магазин. Накупил конфет, пряников внучатам, жене большой цветастый платок, себе бутылку водки. Вернулся домой, а петух будто и не покидал двор. И снова явился не один! Так несколько раз повторилось. Приемщик тут уж не вытерпел, заорал на Игнашку: «Ты че одного и того же петуха носишь и носишь?! Оно и куры, видать, не твои!» — «Как это одного? У меня их несколько одной масти», — не моргнув глазом, отрезал Игнашка. А сердчишко-то того, екнуло. «Да ты кого дурить вздумал?» — вспыхнул приемщик. «Никого не обманываю никогда», — оправдывается Игнашка, а у самого поджилки уже трясутся. «Вон отселя! Не то милицию вызову! Знаешь, что за махинации бывает?!» — «Знаю. Понял», — повесил голову Игнашка и отошел от приемщика... Все дни он дрожал пуще осинового листа. Через неделю встретились они в центре Заречия. Случайно столкнулись нос к носу. Игнат опять к приемщику: «Прости ради Христа. Бес попутал... Давай выпьем мировую и все забудем?» — «Не хочу». — «Почему?» — не понял Игнат. «По-человечески я тебя прощаю, — ответил приемщик. — Но пить с тобой, извини, ни за что не стану...»

Закончив рассказ, гость хмыкнул:

— Не пойму, почему молчим?

— Добрый человек попался тогда Игнату, — ответил Щукин.

— Не-е, не то я хотел сказать, чтоб понять, — задумчиво процедил дед. — Со всем другое. То, что Игнат потерял совесть напрочь — это так. А почему потерял? Потому что жил без веры, без боязни наказания обществом и презрения ближнего.

— Я не согласна, дедушка, — вступила в разговор хозяйка. — Некоторые всю жизнь живут без веры, но совести не теряют.

— Нет, матушка, — гнул свое дед. — Сейчас многие без веры живут, но у общества в целом всегда должна быть вера. Вот президент наш, Борис Ельцин, бессовестно на всю страну заявил, если цены поднимутся — на рельсы ляжет. И что? Рельс не нашел?..

Шукин недоуменно поглядел на новоявленного философа:

— Президент — не Анна Каренина, чтоб на рельсы голову класть.

— Нет, не желаю. Боже упаси. Но зачем на всю страну обещать то, чего не сделаешь? И что получилось? Общество после этого потеряло веру... Нам одна дорога остается — к Богу! Вот и потянулся снова народ в храмы. И только верующий человек, сколько существует земля, не терял и не потеряет совесть, как бы личная жизнь его ни гнула.

— Дед, да ты же не веришь в Бога, — упрекнула Лариса. — Всю жизнь был коммунистом.

— Понятно, Лариса. Думаешь, дед с ума выжил? Не так. И у нас была вера. — Гость обиделся, встал из-за стола. — Своя, но была. Без нее общество черствеет душой, теряет совесть... Я, матушка-соседушка, считай, прожил свое. Начал с глупой курицы и закончил чем... Вот ты, Игорек, скажи мне прямо, честно. Ты в Бога веришь или еще во что?

— Я... в Бога, — продолжая сидеть за столом, нетвердо ответил захмелевший хозяин.

— А вот и нет. И бессовестно брешешь сам себе и мне.

— С чего такой вывод, дед Гришаня?

— Есть с чего. В церковь не ходишь. Икон в доме не имеешь. Ну а теперь скажу вам обоим прямо, — продолжал глаголить гость заплетающимся языком. — Нету у вас совести. Потому вы бессовестно и поступаете с одним человеком.

— С Костей, что ли? — спросила Лариса прямо.

— С ним... С Филатовым...

— Ты-то куда свой нос суешь? — не удержалась Лариса. — Кто тебе дал право меня судить, да еще в моем доме?! А ну вали отсюда! Беги, звони кругом, что мы назло всем, — она погладила живот, — ребеночка родим...

От такой новости дед остолбенел и еле языком ворочал.

— Ты эта... того... Че сама-то мелешь? Не пила с нами, вроде... Тогда я побег, — пробурчал он.

Дверь захлопнулась, в комнате воцарилась тишина.

— Старый человек о вере и совести талдычит. Смешно-о-о! — громко захохотал Шукин, сам не зная, над чем смеется. Лариса недоуменно посмотрела на него. Ее тошнило от этого смеха.

3

Утром все село потрясла страшная новость. Далекая, необъявленная чеченская война, казалось, никогда не коснется здешних мест. А она коснулась. И еще как! Окутала общим горем заснеженное за ночь Заречие. В Шатойском районе погиб сын Виктора Галкина — Виталий, призванный год назад.

Потрясенный этой вестью, к сельсовету начал стекаться народ. Филатов с Наташей Ртищевой, направлявшиеся из Смородинки в Заречие в магазин, у сельсовета приостановились.

— Витьки Галкина сына убили в Чечне! — заголосила Клавдия Щеглова. — Везут...

— Как жалко! Какой удар матери!

— Надо пойти, Наташа, — сказал Костя тихо...

Снег, мокрый и липкий, беззвучно ложился на головы и одежду людей и почти

мгновенно тайл. За изгородью металась, надрывно лая, небольшая дворняжка лисьей масти. Костя отворил калитку, пропустил вперед Наташу.

В доме оказались лишь жена Галкина и пятилетняя дочь. Убитая горем женщина облачена во все черное. Лицо заплаканное, осунувшееся. Костя обнял ее.

— Ну, хватит, Оля. Крепись. Витальку не вернешь, а жить дальше надо. Прими наше искреннее соболезнование... А где Виктор?

— В Кирияновке, — утирая слезы, ответила Ольга. — Уехали с Поповым в военкомат. Как известие о Витальке получили... А я не могла. Не оставишь же кроху эту одну, — кивнула на дочь.

Филатову вспомнился Виталик. Лет семь назад весной в распутицу Костя делал второй рейс с комбикормом из Кирияновки. Грузженный самосвал глухо застрял перед мостом. Асфальта на дорогах еще не было, а накатанная грунтовка размякла от талых вод и дождей. Матерясь на чем свет стоит, Костя вылез из кабины и сам увяз в грязи. По мосту шли двое ребят. Один из них — Виталька Галкин:

— Здорово увяз!

— По самые уши, — поддакнул шофер, — без буксира не обойтись.

Ребята переглянулись. Виталька предложил выход:

— Хочешь, мы за трактором сбегает в отделение? А после покатаешь нас?

— Не вопрос! Конечно, покатаю.

Когда вытянутая трактором машина оказалась за мостом, Костя довез их до склада. И тут вышел маленький конфуз. Разгрузив самосвал, Филатов отказался выполнить их просьбу:

— Сейчас покатать не смогу.

— Почему? — надулись ребята.

— Еду в гараж. Это недалеко. А ваши дома рядом.

Обиженные, отбежали и, строя рожицы, принялись дразнить:

Ладно, ладно, дядя Костик,
Вертлявый, порсячий хвостик.
Если будешь еще лгать,
Будешь сам в отряд шагать!

— Ах вы!.. Да я вам сейчас, сорванцы!.. — припустился за ними Филатов. — Уши оборву!

— Не догонишь, не догонишь! — кричали пострелята, отбежав на холм.

— Эт я жадина?! — понял свою ошибку Филатов. — Ну-ка быстро в кабину.

Но ребятишки садиться рядом с ним не спешили, хотя очень хотелось показаться.

— Нет, мы гордые! — ответил Виталька...

Вскоре приехали Галкин и Попов.

— Витальку уже вывезли из части в сопровождении офицера и солдат. Через сутки гроб привезут в село.

Жена Галкина затряслась, и из ее груди вырвался истошный крик:

— Сыночек родненький! Я так тебя ждала день и ночь, а тебя... За что ты головушку свою сложил?! За чьи грехи? За чьи выгоды? — Она покачнулась и без чувств рухнула на пол...

Все Заречье в трауре. Люди собирались к дому Галкиных. В полдень на заснеженной улице показались крытые военные машины.

— Едут! Везут! — закричали бегущие впереди вездесущие ребятишки, еще не знающие горечи жизни. — Солдаты в машинах! — изумлялись они, провожая колонну из трех машин до самого дома Галкиных...

Солдаты, с хмурыми лицами, подрагивающими руками, осторожно сняли с

одной из машин гроб — цинковый, с прозрачным бронированным окном — и так же осторожно занесли в дом...

Похороны были на следующий день. Солнце то выглядывало из-за снеговых туч, то пряталось за ними. Для отпевания погибшего война был приглашен священник из Кирьяновской церкви. Похоронная процессия началась от дома Галкиных. Впереди шла старушка с иконой в руках. За ней следовали местный крепкий парень с тяжелым дубовым крестом, люди с венками. Гроб несли, меняя друг друга, прибывшие накануне солдаты. Перейдя мост, они погрузили гроб на машину, и процессия двинулась на Смородинское кладбище.

Хоронили младшего Галкина неподалеку от могилы Василия Филатова — Костинго брата. Закончилось отпевание. Слово взял командир части внутренних войск, в которой служил Виталька:

— Дорогие мои друзья, матери, жены и сестры, — сказал он, — отцы, сыны, братья! Мы проводили в последний путь нашего товарища, вашего земляка. Виталия Галкина. Каким он был? Скажу откровенно и честно: отличным русским солдатом! Смелым воином! Виталий выполнил с честью свой воинский долг... Очень жаль, что теряем вот таких прекрасных парней, как ваш Виталий Галкин... Вечная слава ему, вечная память! Командование и я лично ходатайствуем о награждении Виталия орденом Мужества и денежным вознаграждением. — Низко поклонился могиле. — Спи спокойно, а мы будем вечно помнить тебя... Дорогие родители, уважаемые Виктор Максимович и Ольга Степановна, преклоняюсь перед вами до самой земли...

Загремели автоматные залпы. Взметнулись в небо сорвавшиеся с ветвей вороны и галки, вспорхнули с кустов сирени воробьи. Наступила минута молчания...

4

За сутки до отъезда в Тамбов Наталья Ртищева решила выяснить свои отношения с Костей Филатовым. Оставлять все по-прежнему было уже нельзя. Люди осудят. Выбрав, как ей показалось, удобный момент, она начала издали:

— Загостились я у вас, Костенька. Уже целых две недели! Пора и честь знать.

— Почему? Никто тебя не гонит.

— Ты смеешься? Хорошо-то хорошо, но не могу же я вот так... на чужой шее сидеть. Я же не член вашей семьи. Разве не так? — теперь она пронзительно посмотрела на Костю.

— По-моему, нет, — замылся он.

— И еще вот что, — заливаясь от смущения краской, приступила к главному. — Меня интересует судьба наших отношений... Ты мне очень нравишься...

Припертый к стене обязательного ответа, Филатов растерялся. Он на самом деле не знал, что сейчас сказать. Попросил:

— Дай мне немного времени, Наташенька.

— Зачем?.. Ты все еще ее любишь?

— Нет, — безвольно сказал он, сам понимая, что лжет. Обнял Наташу, заговорил взволнованно: — Давай подождем. Время расставит все по своим местам.

Она взглянула в его глаза. В глубине их она увидела маленькую искорку надежды. Улыбнувшись, чмокнула в небритую колючую щеку.

Она уехала в Тамбов. Всего через неделю Филатов неожиданно навестил ее. Она и удивилась, и испугалась.

— Соскучился очень! — выпалил он. — Прости, если обидел тебя.

Она ничего не ответила, лишь улыбнулась нежно.

Через два дня Филатов вернулся в Смородинку. И тут неожиданно к нему явилась Лариса. Костя был в доме один.

— Ты?!.. Проходи, — выдвинул он и замолчал.

Никто не решался заговорить первым. Для Кости приход бывшей жены не был чем-то особенным. Он верил, что это рано или поздно произойдет. И вдруг в сердце кольнуло: «Сережа!»

— Что случилось, Лариса? Что-то с сыном?

— Нет. С ним все в порядке.

— Что тогда?

— Я беременна, Костя.

— Вон какие новости! И что? Ты с мужиком спишь, а я при чем?

От удивления на непонятливость Кости Лариса широко раскрыла глаза:

— Ты... ни при чем?.. Ты... в бане тогда... Ребенок у меня под сердцем... твой он! Неужели не догадываешься?!

Костя растерялся, но силой воли взял себя в руки, предложил ровным голосом:

— Сделай аборт.

— Что?! — она даже попятилась к выходу. — Я не за этим пришла!

— А твой знает о беременности?

— Конечно. Но думает, это его ребенок.

Филатов остался довольным. Ехидно улыбнулся.

— Это хорошо.

— А ты помнишь, говорил, что любишь меня и ждешь. Я хочу вернуться к тебе.

— Время не стоит на месте, Лариса. Много изменилось.

— Это мсть? — сквозь навернувшиеся слезы спросила она.

— Понимай, как хочешь.

— И все равно я не стану делать этого, — заявила Лариса.

Филатов дрогнул. В нем боролись жалость и ненависть.

— Я не изменю решения. Тем более что ребенок от любимого человека. От тебя, бессердечный! — Она надавила на ручку двери.

Костя широко шагнул к Ларисе, крепко обнял.

— Ты чья жена? Моя или его? — и, не дав ей ответить, толкнул к двери. — Уходи.

Лариса вылетела на крыльцо, обливаясь слезами. Пробежала мимо идущей в дом Марьи Ивановны. Она проводила бывшую сноху недоуменным взглядом.

— Ты ударил ее? Она вся в слезах...

— Не трогал я ее...

— И Наташу не тронь! Она чистая, словно стеклышко отмытое. Не задуривай ей голову!

— Это моя жизнь, мама. И еще раз прошу тебя, не лезь в нее! — крикнул Костя, выходя из дома.

5

Суд над Иваном Квасовым поначалу решили сделать выездным, в Заречии, но почему-то перенесли в Кирияновку... Иван Квасов сидел за решеткой на скамье. Глаза опущены, лицо посеревшее, осунувшееся. Изредка он поглядывал в зал, искал своих. Увидел жену, старших детишек, кое-кого из родственников. Здесь же были и односельчане.

Судья предоставил слово прокурору.

— Товарищи, — начал тот. — Рассматривается уголовное дело за номером пятнадцать... Квасова Ивана Павловича, 1959 года рождения, уроженца села...

Подсудимый почти не слушал обвинение. До него доносились лишь обрывки фраз: «Убийство. То есть умышленное причинение смерти... статья 105, часть вторая... покушение на преступление... с применением огнестрельного оружия...

статья... Уголовного кодекса... Поджог фермерского поля с причинением ущерба КФХ «Нива», фермеру Попову Алексею Юрьевичу... Умышленное уничтожение или повреждение имущества... Статья...»

— Признаете себя виновным по предъявленному обвинению? — задал вопрос судья.

— Да, — коротко ответил Квасов. — Да, но не совсем. Частично.

— Объясните суду, что означает ваше заявление «не совсем».

— Раскаиваюсь только в одном. В убийстве попа. Я не прощу себя за это никогда.

В зал суда пригласили свидетеля и потерпевшую Ртищеву Наталью Федоровну.

Наташа вошла в зал медленно и осторожно, будто кого-то боялась. Дрожащим голосом заговорила негромко:

— В тот страшный день мы с отцом Анатолием, как и в предыдущие несколько дней, собирали пожертвования на восстановление в Заречии церкви. В сумерках выехали из села. У моста вдруг раздался выстрел. В машине посыпались стекла, сама машина полетела в кювет. Что дальше было, я не помню. Потеряла сознание. Пришла в себя уже в больнице...

Потом слово взял адвокат:

— Ваша честь. Разрешите мне сказать несколько слов в защиту моего подзащитного. Он совершил инкриминируемое ему преступление от безысходности, в состоянии аффекта. На это противоправное действие его толкнула сама жизнь. Работая в акционерном обществе, он в течение более двух лет не получал заработную плату. Семья моего подзащитного, ваша честь, многодетная...

— От безысходности убил?! — выкрикнул кто-то из зала. — Так давайте убивать друг друга от этой самой безысходности!

— Тишина в зале! — постучал судейском молотком судья...

Дошла очередь до Филатова. Судья попросил подсудимого встать. Он встал, окинул Филатова презрительным взглядом.

— Перед тем, как вы решили стрелять в этого человека, вы узнали его? — спросил судья у Квасова, показывая на Филатова.

— Да! — не задумываясь, крикнул со злом подсудимый.

— Так почему ж вы стреляли?

— Я ненавижу таких! — нервно выпалил Квасов.

Зал многоголосо загудел. Квасова это взбудрило, и он напористо продолжил:

— Ваша честь! Таких несчастных, нищих, как я, сегодня уже много. А ведь в СССР мы были все равными. Почему же сейчас наглецы, хапуги и пройдохи без стыда и совести богатеют за счет таких, как я? Зачем же толкают нас к старому, плодят, по сути дела, помещиков? Вот и ничего не остается мужикам, как идти снова в батраки, тем более что на селе негде больше работать...

— У нас заслушивается не политическое, а уголовное дело, — напомнил прокурор. — Давайте отойдем от этих суждений и перейдем к делу.

После выяснения всех обстоятельств рассматриваемого дела и выступления с последним словом подсудимого суд удалился для вынесения приговора. А в зале разгорелся спор.

— Что ж? Давайте резать, душить тех, кто живет побогаче нас?

— Молодец, Квасов! Истинный борец!..

Шум-гам прекратился лишь тогда, когда прозвучал строгий голос секретаря суда: «Встать! Суд идет!» Зал внимательно слушал судью: «...Суд постановил: окончательную меру наказания Квасову Ивану Павловичу назначить в виде 25 лет лишения свободы с отбыванием срока в колонии строгого режима... Меру пресечения оставили прежней: содержание под стражей».

— Осужденный, — обратился судья, — вам понятен приговор?

— Да, — выдал сквозь навернувшиеся слезы Квасов.

— Вы можете обжаловать решение суда в вышестоящую инстанцию... — заученно проговорил судья. — На этом судебное заседание объявляется закрытым.

В узком коридорчике враз стало тесно и шумно. Начались суды-пересуды. Лишь жена и дети осужденного все еще оставались в зале...

После суда Филатов провожал Ртищеву на автостанцию. Шли быстро, чтобы не опоздать на автобус.

— Костя, я знаю, ты скрываешь от меня свои чувства к бывшей жене. Скажи мне честно, — попросила Наташа.

— Успокойся. Не нужен мне никто, кроме тебя, — взял он девушку под руку.

Она остановилась. Покачивая головой, высказала напрямую:

— Все-таки ты скрытный человек, Филатов. Но пойми и запомни, что я сейчас тебе скажу. Если ты задумал сделать что-то плохое, даже человеку, который причинил тебе зло, зло к тебе же и вернется.

— Зря ты так, Наташенька, — вздохнул Филатов. — Ну, мы пришли...

Проводив Ртищеву в Тамбов, Филатов ожидал автобус до Заречия и размышлял. «Не мстить и остаться навсегда с Наташей? — вертелось в голове. — Нет. Надо довести до конца. На моем пути остался только Щукин. А впрочем, хватит!..» — он даже в ожесточении швырнул окурок в снег и побежал к прибывшему автобусу.

Дума Филатова ждала хорошая новость. Радостная мать подала письмо:

— Наша Наташенька с детишками и мужем приезжают из Америки! К Новому году!

— Это еще не скоро, мама, — сказал он то ли ей, то ли себе.

— Ну, сынок, рассказывай, как суд? Чем закончился?

— Схлопотал Квасов по полной катушке.

6

Декабрь начался совершенно не по-зимнему. Выпавший за ноябрь снег растаял, земля вновь обрела серый осенний вид. С утра было пасмурно. Филатов вышел из дома мрачный. Ему позарез нужно было сходить в Заречие, а тут эта непогода. Противно чавкало под ногами. Низко плыли, сыпья на землю противную изморось, седые облака. Костя шагал быстро, огромными, до колен, резиновыми сапогами сбивая с мертвой высохшей травы прозрачные дождевые бисеринки. Черный парусиновый плащ почти насквозь промок. Филатов проходил мимо бывшей деревни Коверино. От нее остались только заросли и заброшенные сады.

«А ведь сколько было тут людей! — вспомнил Филатов. — Здесь, в 1970 году родившись, бегала, росла девочка Лариса, пока не увезли ее в Заречие родители...» Лариса Неклюдова. Теперь Филатова...

Сейчас, сокращая путь, Филатов шел по заброшенной земле. В уме он перечислял деревни, существовавшие когда-то вокруг Заречия: «За логом — Зуевка, Дубрава...»

Гибель деревень началась еще с пресловутого укрупнения хозяйств, с объявления отдаленных селений неперспективными. «А нынче это продолжается, — вздохнул Филатов. — Вымирает крестьянство. Иногда даже страшно думать, что ждет впереди!»

Заречие в такую непогоду будто вымерло. До самого магазина, что в центре села, Филатов не встретил ни души. В нем тоже никого, кроме девушки за прилавком — дочери хозяина этого частного магазина. На полученную накануне матерью пенсию за два месяца Костя набрал полную сумку продуктов.

— Тяжеловата сумочка, а до Смородинки не ближний свет, — почувствовала девушка.

— Ничего. Я через пустырь... Знаешь что, я пока все оставлю здесь, а перед закрытием магазина заберу. Мне еще к Попову надо по делам.

— Оставляй, — разрешила она, — только не опаздывай. Я ждать не буду.

Пока он был в магазине, погода чуть улучшилась. Облака приподнялись, прекратилась изморось. Филатов направился по центральной улице в сторону сельсовета. Оттуда вышла женщина. Он сразу узнал Ларису.

— Здравствуй, — первым произнес он. — А что с Сережей? Он что-то позабыл к нам дорогу. И в Заречии ни разу не встретился мне.

— Когда ему ходить? Сам бы, Костя, и проведаль сына.

Филатов понял хитрую уловку бывшей жены, решил отмахнуться.

— Не могу. Ты-то сама как?

— Я? — она заплакала, сквозь слезы выдавила: — Запуталась я совсем. Прости!

В душе Филатов даже мстительно радовался отчасти, что его «спектакль» удался.

— Что, жизнь несладкая?! А ведь я просил тебя вернуться. Помнишь? Что ты ответила?

— Ты собираешься жениться на этой святоше? — вместо ответа спросила она.

— Тебе какое дело? — выпалил он. — Наташу не тронь! Даже близко не подходи!.. Да, вот еще что. Пора решить вопрос о разводе. На днях подам заявление в ЗАГС.

— Подавай, коль хочешь.

— А об аборте подумай хорошенько. Не усложняй себе...

— Поздно, — оборвала она Костю. — Губить ребенка не стану.

— И все ж подумай! Узнает твой хахаль правду, что сделает?

Она застыла, поняв, что Костя все это время лгал и мстил, разыгрывал пошлые спектакли. Но открывать свои тайны и планы она не хотела и не собиралась. Никому. Даже Игорю...

Последним первым секретарем Кирьяновского райкома партии был Михаил Никифорович Фурсов. Ему было под шестьдесят, когда наступил последний день работы в этой должности. После указа Ельцина о прекращении деятельности КПСС Фурсов стоял в своем кабинете, смотрел в окно, как на площади имени Ленина с флагштока снимают красный флаг и поднимают новый. Глаза Фурсова заливали слезы. «Почему так?! — с болью думал бывалый коммунист. — Сколько труда было вложено, сколько создано хорошего за годы советской власти! И вот — даже истинные коммунисты сдали позиции...»

В марте состоялись выборы главы администрации. Кандидатов было трое. Полянский — исполняющий обязанности главы администрации, Чевелихин — редактор районной газеты, а также Ивлев — кооператор, владелец нескольких торговых точек. Предвыборная агитация проходила нетактично. Каждый поливал грязью своих оппонентов, сколько мог. Неожиданно для всех победу одержал 28-летний редактор, считавшийся демократом. Его называли человеком нового склада ума, поскольку он осуждал все, что сделала советская власть за семьдесят лет, провозглашал ее властью тоталитарной и преступной.

Фурсов глубоко переживал все это. Время шло, а Россия, как казалось Фурсову, топчется на месте. Власть, вместо того, чтобы заниматься делом, ругала все советское. Сама же постоянно совершала ошибки. Расстрел народных депутатов

Верховного Совета РСФСР из танков в октябре 1993 года. Война на Северном Кавказе. И в то же время — остановка заводов-гигантов, развал промышленности, фактическая гибель сельского хозяйства, развал армии, которую захлестнула дедовщина...

Когда начала создаваться КПРФ, Фурсов, не задумываясь, вступил в ряды партии. Затем возглавил коммунистов Кирьяновского района. Они избрали Михаила Никифоровича своим первым секретарем...

Следующий 1996 год обещал быть горячим. Летом — выборы Президента России.

А Заречье жило будто само по себе. Каждый выживал, как умел.

Утро. Екатерина Попова собрала старшую дочь Олю на спартакиаду школьников области. Проводив девочку, весь день ждала ее возвращения. Совсем неожиданно, перед тем как отправиться на автобусную остановку встречать дочь, к Екатерине явился Филатов. Муж был в это время на заседании райсовета.

— Опять Алексея нет дома, — огорченно вздохнул Филатов.

— Да, все в разъездах да в разъездах Леша... Ты проходи в дом. Чайком угощу. Может быть, как раз и подъедет Алексей.

— Спасибо, не хочу. Ты куда-то собиралась?

— На ферму.

— А мне спешить некуда. Пойдем, я помогу, чем могу.

Вдвоем управились быстро. Она перемыла молочную посуду, он почистил навоз. Вернувшись в дом Поповых, Екатерина все-таки напоила гостя чаем. Попив, Филатов засобирался домой.

— Ой, чуть не забыла. Леша тебе деньги приготовил. — Подала сверток и снова ойкнула: — Вот еще!.. Муж велел передать тебе, чтоб, если явишься, начинал ремонтировать автомобили в гараже.

— Понятно. Будет исполнено!

Екатерина заторопилась на автобусную остановку. Всю дорогу волновалась за Олю. И вот подъехал автобус, из него звенящими горошинами высыпались ребятишки.

Оля увидела мать:

— Мамочка! Вот! — развернула грамоту, — за первое место!

— Умничка ты моя! Спортсменочка-победительница! — крепко обняла Екатерина дочь. — Молодец! А я тебе что-то приготовила. Вкусненькое-е! — Она осеклась, пристально глядя в человека, вышедшего после всех из автобуса. Человек вроде нездешний. Сутуловат, длиннющая борода.

Уличный фонарь хорошо освещал приезжего. Екатерина видела даже, как на него, на огромный и, видимо, тяжеленный рюкзак падали искристые звездочки снежинок. Вглядевшись пристальнее, она прошептала чуть слышно: «Боже мой! Фролов Генка! Живой!»

Девочка тоже смотрела на дяденьку и думала: «Почему он всю дорогу в автобусе приставал ко мне с расспросами?»

Мужчина улыбнулся как-то странно и подошел к Поповым.

— Катя, узнаешь меня? — спросил с волнением. — Хотя... сколько воды утекло...

Катя боялась этой встречи. Она прижала к себе Олю, чтобы он не видел ее. Но Оля вспомнила, о чем дяденька расспрашивал ее в автобусе. О том, чья она, сколько ей лет. А когда сказала, что она Попова и назвала имя мамы и папы, страшно любопытный дяденька вовсе прилип к ней пуще репья...

— Живой, — проронила Екатерина. — А слухи были, будто ты утонул в Енисее.

— Живой, Катюша, колы стою перед тобой. Не привидение же, — отшутился. — Переверн взгляд на Олю, повернувшуюся к нему лицом. — Твоя?

— Моя.

— Копия...

— Хватит, Гена! — вспыхнула, как спичка, Екатерина. — Пойдем, Оленька, домой. — Обернулась на ходу. — С возвращением, Гена. И прощай.

— Почему же прощай? — не отставал Фролов. — Разве нам с тобой не о чем поговорить за столько лет?.. Эти глаза, овал лица... Копия же!

— Разговор окончен. Пошли быстрее, дочка.

Он долго смотрел им вслед.

Поежился от холода, вздохнул тяжело и двинулся в путь. Направился в Заречье к брату Петру. Прошло много лет, как Геннадий покинул это село. Уехал после разговора с Катей о беременности. Сбежал тайно, как последний трус. А перед этим заявил Кате: «Выкручивайся сама. Мне обзаводиться детишками рановато». Катя плакала, не находя нужных слов. А он просто ушел. И вскоре после этого завербовался. По комсомольской путевке умотал на стройку в Сибирь и как в воду канул.

Поповы, распрощавшись с Фроловым, шли быстро, с оглядкой. Дочь не вытерпела:

— Мам. Почему дядька так говорит?

— Ты уже знаешь, бывают люди хорошие и плохие.

— Знаю. Но почему я сильно похожа на него?

— Такое бывает, доченька. Люди, похожие друг на друга, называются двойниками. Получается, и вы с ним двойники.

— Да? Такие бывают? — продолжала сомневаться Оля.

— Бывают, радость моя... А мы уже пришли.

Оля грустно посмотрела на мать, опустила глаза и ни о чем больше не спрашивала.

Поздно вечером, когда дети уснули, Екатерина сообщила мужу о неприятной встрече.

— Фролов Генка объявился в Заречии.

— Как?! — аж приподнялся на локтях в постели Алексей. — Он же утонул!

— Жив-здоров, — взволнованно продолжила жена, сидя на кровати. — Ты понимаешь? Оля — копия Генкина. И он это еще в автобусе понял. А когда увидел Олю рядом со мной, окончательно убедился, кто она ему.

Она, чуть не плача, уткнулась в грудь мужа:

— Что нам делать, Лешенька?

— Может, поговорить с дочкой? Объяснить все честно.

— Я ей сказала, что он ее двойник.

Оба задумались, что делать дальше. Алексей переживал не меньше жены. «Черт принес эту сволочь! Сбежал от беременной, так и не совал бы нос сюда никогда!» — думал он.

Утром Филатов прибыл в Заречье и, не заходя к Поповым, направился в гараж, загнал машину на яму и приступил к ремонту. Открыл капот, нырнул под него.

— Привет, Костя! — раздался за спиной голос.

Филатов положил гаечный ключ на двигатель, спрыгнул с бампера. Вытирая руки ветошью, невесело спросил подошедшего Попова:

— Я слышал, что бабы на селе курлыкали, будто Генка Фролов вернулся.

«Уже понеслось», — отметил про себя Алексей. Вслух ответил:

— Знаю, Костя.

— Вы с Катей что думаете? — спросил Филатов после паузы.

— Не знаем, честно говоря. В любом случае, для Олечки будет удар, если все откроется.

— Вот принесла нелегкая дьявола! — рыкнул Филатов.

— А я Катюшу любил давно. И как узнал, что беременна, — сразу к ее родителям. Так, мол, и так, дочь ваша от меня в положении. И все думали, ребенок от меня. А вот лицо Олино выдало, и не утаишь... Сегодня воскресенье, девчата не в школе. Поговорить бы с ней. Самый раз. Да робость не дает. — Попов поправил шапку, хотя она и так была на своем месте. — Так что, дружище, и у меня началась черная полоса. Вот и Квасова реплика припомнилась: «Жизнь, она вроде цветка-чертополоха: красиво цветет, ярко, да колючая».

8

Декабрь 1995 года был насыщен событиями для Заречия.

В один из морозных вечеров Филатов прямо с работы решил провести сына, которого давненько не видел. Прихватил с собой часть полученных от Екатерины Поповой денег. Бывшая жена не подавала на алименты, и Костя помогал добровольно.

Щукин, возвращавшийся домой с охапкой дров, увидев неожиданного гостя, остолбенел.

— Не рад приходу? — спросил с явной издевкой Филатов.

— Почему? Пора бы и войну кончать, — спокойно ответил Игорь.

— Да, вот что. Я Ларисе говорил уже. Заявление на развод подал. По закону она еще моя жена, а спишь с ней ты... Я Сережу пришел проводить. Деньги принес.

— Не нужны нам твои подачки, — отрезал Щукин. — Мы не бедствуем, в достатке живем.

Не дождавшись мужа, на порог вышла Лариса, распорядилась:

— Гостя на пороге держать неприлично. Заходи, Костя, — и, пропустив вперед мужчин, проследовала за ними в дом.

Войдя, Филатов первым делом обшарил глазами все в поисках сына. Щукин догадался, сообщил:

— Сережа где-то гоняется с ребятами. Выходной ведь. Палкой не загонишь в дом.

— А то! — согласился гость. Обратился к Ларисе: — Я слово сдержал. На развод подал заявление.

Лариса раскрыла было рот, чтобы что-то сказать, но промолчала. Воспользовавшись паузой, Филатов достал деньги.

— Возьми, Лариса.

— Не нужны! — крикнула она с перекошенным от злости лицом, прекрасно понимая, что это очередная порция мести Филатова.

— Я ж не тебе с Щукиным даю. Сыну родному. — Положил деньги на стол. — Придет Сережа, передайте и скажите — от папы.

— Вот эт правильный поступок, Костя, — встрял в разговор Щукин. — Лариса, надо бы выпить «мировую», коль все нормализуется меж нами. Сообрази на стол...

— Я не мириться пришел, — отрезал Филатов.

— Жаль, — осекся Щукин. — А слухом Заречие полнится, будто ты собираешься жениться. Значит, и обиды старые побоку бы.

— Ты так думаешь? — ухмыльнулся Филатов. — Компромисса не получится.

— Знаешь что, друг ситцевый?! — не выдержав, огрызнулся хозяин. — Отстань ты от Ларисы! Я тебя не боюсь. И с Заречия мы не уедем!

— Меня бояться нечего. Скажу еще, ты, Щукин, дря меня ноль. А Ларису я и так не трогаю, — соврал под конец Филатов, снова пронзив бывшую жену острым взглядом.

Она молчала. Молчала и потому, что чувствовала свою вину перед Щукиным, боялась разоблачения.

Уходя, Филатов с насмешкой добавил:

— Береги Ларису! И не только люби, а и уважай. Она ведь беременна. — И с треском захлопнул дверь.

«Все! — злобно подумала Лариса. Взяла деньги, оставленные Филатовым. — Об аборте и думать не стану. Если сделаю, что Игорь подумает?»

Щукина слова Филатова про беременность Ларисы заинтриговали. Он спросил:

— Откуда Филатов знает о твоей беременности?

— А мир не без добрых людей, Игорь, — схитрила она.

— И то верно, — согласился он. — Дед Щукарь местный, Гришаня. И все же, дорогая, мутный твой бывший...

Она, ничего не сказав в ответ, ушла.

Филатов увидел Сережу на ледяной горке на окраине села в куче ребят. Позвал сына. Тот повернулся на оклик, но, узнав отца, не побежал, даже не пошел к нему, а грубо спросил:

— Что?

— Да ты что, сынок?! — удивился отец. Еще раз позвал. Сережа неохотно и медленно подошел, волчком поглядывая на отца.

Филатов спросил настороженно:

— Что произошло? Почему ты так разговариваешь со мной? И к бабушке носа не кажешь давно.

— Ты же, папка... — Сережа зыркнул на отца исподлобья. — Ты же жениться на другой собрался.

— Кто тебе такую чушь смолол?

— Мамка... Любит она тебя.

Филатов улыбнулся: «Победа!» Лицо его вновь порозовело.

— Неправда, что любит. Поверь мне. А тетя Наташа, она...

— Плохая твоя Наташка! — выпалил, убегая, Сережа.

Филатов грустно посмотрел ему вслед. Хотел снова позвать его, но понял, что не стоит.

После приезда Фролова в Заречие небо будто прорвало. Снег валил беспрестанно, прикрывая белым саваном несделанное и небубанное на полях акционерного общества. Люди стали быстро забывать, что такое труд. Жили, кто как мог, все больше погрязая в безделии и пьянстве. А сколько развелось шинков! В одном только Заречии — пальцев не хватает пересчитать. Самогон гнали почти в каждом доме.

— Наливай, брат! — говорил с утра Генка Фролов Петру. — Я, Петя, много повидал в этой жизни. Испыхал всю Сибирь вдоль и поперек. И повсюду творится невообразимое. Полный идиотизм! Деградация общества происходит...

Опорожнив стопку, Генка продолжил:

— Непонятно, какой народ населяет сейчас Сибирь-матушку необъятную. Всякого хватает. Не считая аборигенов, русские, украинцы, грузины, узбеки, немцы... А китайцев — хоть отбавляй!.. На стройках сибирских бабья было... — черкнул ребром ладони по горлу.

— Хватит мне трещать третий день про баб! — хлобыстнув стакан самогона, вскипел недовольный Петр. — В малине был, а до сих пор не женат!

— Понял претензию, — остановил брата Генка. — А на кой хрен мне жена, семья? Вот ты обзавелся семьей, а что ты, кроме Заречия вонючего, видал? Ничего. Живешь, как Емеля на своей печке-самоходке.

— Вот что, Генка!.. — вскочил Петр, сверкая злыми глазами. — Я с тобой ни капельки не согласен! Да ты меня хоть золотом осыпай, я из Заречия никуда! Тут у меня жена, дети мои.

Генка шмыгнул носом.

— Так, значит, по-твоему, весь смысл жизни в этом?

— Так в чем еще? В кочевании, как ветер? Пора остепениться тебе, брат... Спасибо Лешке Попову, он вырастил Олю и воспитал. Твою дочь.

— Я вот, может, и вернулся поэтому, — вставая из-за стола, пробурчал Генка. — Дык, Катька и разговаривать со мной не захотела.

— Поздно хватился. И Кате не о чем с тобой говорить.

— Почти тринадцать лет пробежало. Оля вон в какую деваху выливается. А главное, копия «я». И что же, в Заречии этого никто не заметил?

— Ты че, совсем идиот? Не вздумай мешать семье! Или...

— Что за шум? — в дом пришла жена Петра. — Опять воспитываешь прощелыгу?

— Пытаюсь. Только что-то не очень-то получается, — хмуро признался Петр, закуривая.

10

Каждую среду уже две недели подряд Гришаня и Федора рано утром выезжали в Кирьяновку на рынок. Так начался и этот день. Но вернулись старики недовольные. Уже вечерело. Проходивший мимо Филатов спросил:

— Что случилось, дед Гришаня?

— Хрен вот им! — выругался дед, снимая хомут.

— Кому?

— Мордovorотам проклятым. — Присел на грядущку саней. — Из-за них все насмарку.

— Да не расстраивайся ты. Скажи толком, что случилось-то?

— Рекетеры какие-то весь Кирьяновский рынок под себя подмяли. Дармоеды чертовы! Так все хорошо у нас с Федорой пошло, и вот нате вам! — в сердцах плюнул он. — Федора, она мастерица покупателя зазывать. Кто лукошки, кто кошельки покупает. Денежки нам в карман плывут. И вот... Нежданно-негаданно беда нагрянула. Я отлучился на четверть часа. Возвращаюсь, два лысых мордovorота возле жены. Слышу, один требует: «Ты, бабка, думаешь нам платить? Где хозяйин?» — «Да вот же, перед вами», — отвечает жена. «Этот старикашка плюгавый?», — смеются лысые. Федора моя до смерти перепугалась такому обороту. Не поняла, какую плату лысые выбивают. Протягивает им квитанцию, которую выдала администрация рынка. «Ты, бабка, с этой бумажкой в туалет сходи, — засмеялся один из амбалов. — Я таких квитанций тебе сколько хошь намалюю». А другой ко мне: «Так, дед, ты будешь платить?» — «За что?» — спрашиваю. «За место, — рыкнул первый. И нагло так: — Под небом!» Испугался было я такого оборота, да вспомнил годы военные, осмелел. Говорю в лоб: «За место под небом, ребятки, я на фронте кровинушку свою проливал. И за то, чтоб вы сегодня жили на нашей земле». Не подействовало на них. Тока разозлились сильнее. «Ну ты, вояка старый! Давай не дури! — напер на меня второй лысый. — Не то твой хвост бензинчиком окропим, а огонек, — достал закигалку, — у нас всегда при

себе». Я вижу, Федора моя белой стенки сделалась с испугу. «И пусть твоя старуха успокоится. А милиция... С ней у нас все сговорено. И вообще, если что вздумаете против нас, так вы — заречинские, а руки у нас длинные. Достанем враз. Усек?»

— А народ что? Молчал? — возмущился Филатов.

— Все будто воды в рот набрали. Ноль внимания на безобразия. Вот и займись попробуй бизнесом, русский Ванька!.. Так и отстегнул хапугам половину всей выручки нашей.

— И ты струсил?

— Поди, нет.

— Надо с Жирковым переговорить с глазу на глаз. Что он скажет.

— Прав ты, Костя. А бросать начатое, тем более платить поборщикам, — надо быть идиотом... Пойду лошадку в стойло определяю. Оно и Федору надо успокоить. Ты, Костя, про то, что сказал я, пока помалкивай.

— Обижаешь, дед Гришаня.

...До самого вечера Гришаня не отходил от Федоры, отпаивая корвалолом, подбадривая словесно. Она не успокаивалась, ворча:

— Все мало тебе! «Заживем по-человечески!»! Зажили? Трясись теперь день и ночь, как зайчиха, от волков ноги еле унесшая.

Слова жены сильно обидели Гришаню. Он тут же тайком чуть не рысью полетел к Жиркову. Застал участкового дома, куда-то собирающегося, одетого по форме. Вспокоенный дед ураганом влетел в дом.

— Беда, Виктор Федорович! Ох, беда! — запрочитал с порога. — Одолели твари! — стонал, чуть не крича, дед. — За горло! Срежь бела дня! Рекетеры, Федорович.

— Рэкетеры?! — удивился Жирков. — Где? У нас тут?

— Не совсем у нас. В Кирьяновке...

Немного успокоившись, старик подробно рассказал о происшедшем. Выслушав, Жирков подал лист бумаги.

— Пиши.

— А че писать?

— Заявление. Или ты уже подал там?

— Ага, там. Они сказали, вся милиция ходит под ними и их защищает. А нам с Федорой пригрозили.

— Вон оно что. Боишься?

— А то нет. Войну прошел, сколько раз смерти в глаза смотрел, и не боялся. А тут... за Федору больше боюсь, чем за себя.

— Не бойся! — стал успокаивать Гусева участковый. — Милиция вас защитит. Но пойми, сейчас с этими тварями распоясавшимися, крохоборами тоже идет своего рода война.

Постепенно старик успокоился и, убежденный Жирковым, с его подсказками решительно сел писать заявление в милицию.

Алексей Попов долгое время не решался поговорить с неродной дочкой. Назвать ее так — язык не поворачивался. Но он прекрасно понимал, откладывать разговор нельзя. Он с нетерпением ждал возвращения Оли из школы. Девочка после уроков направилась прямо домой. Неожиданно ее окружила кучка школьников:

— Приблудня! Приблудня! — задрезали мальчишки.

Пуще всех кричал Ромка, внук Клавдии Щегловой:

— Я слышал, Олька — дочка мужика, что у дядьки Петьки живет.

— А вам-то что до этого? — чуть не плача, спросила у ребят Оля.

— Нам ничего, — виновато потупили глаза девочки. — Это мальчишки... А ну-ка, пошли отсюда! — накинулись на них.

— Заступницы нашлись, — засмеялся Ромка. — Олька пусть знает, чья она. А то нос задирает: «Мой папа фермер, депутат!» Бродяга твой родной папа, пьяница!

Оля, глотая слезы, стремглав помчалась домой. Быстро войдя в комнату, где была только мать, бросила сумку. Сердце матери сжалось от предчувствия:

— Что случилось, доченька?

— Зачем ты врала мне, мама, что тот дяденька мой двойник?!

«О, Боже мой! Началось!» — резануло в голове. Мать судорожно глотала что-то застрявшее в глотке, не в состоянии подобрать нужных слов.

— Зачем, мама?

— Прости меня, Оленька! — прижимая к себе дочь, выдавила наконец Екатерина. — Так получилось... Я не хотела травмировать тебя.

— Значит, Роман правду говорил? Выходит, папа Леша вовсе мне не папа?

— Нет, папа. В жизни получается иногда, не тот папа, который родил, а тот, который вырастил ребенка, воспитал и дал дорогу в жизнь. Ты со временем это поймешь, доченька.

— Зачем тот дядька приехал? — захныкала Оля.

— Гена, то есть тот дяденька, твой... биологический отец. А приехал, потому что он здесь родился, учился, — поглаживая дочь по голове, объясняла мать. — Я тебе все расскажу, Оля. Потом. Пойми и ты меня. Хорошо?

— Я постараюсь, — согласилась на уговор девочка. Но тут же всхлипнула. — Мальчишки теперь мне прохода не дадут — ни в школе, ни на улице...

Вечером, узнав о семейной беде, Алексей сам заговорил с Олей:

— Ничего не бойся, миленькая моя, — успокоил он ее. — Кто бы тебе что ни говорил, ты, как была моей дочкой, так и останешься. Ясно?

Она кивнула.

После этого разговора Оля старалась не воспринимать всерьез дразнилки ребят. А Генка Фролов и не думал о ней. Он гулял, не просыхая. Петр сумел справиться с тягой к спиртному, а брат только клялся каждый день:

— Все! Завязываю. Воскресенье ныне. Отгуляю и баста! Завтра буду как стеклышко.

— Не ври, — не поверила очередному обещанию жена Петра.

— Не брешу. Во, зуб даю! — поклялся Генка. — Потом с дочкой повидаюсь, у Катьки прощенья попрошу, и в Сибирь опять. Все я сделал тут. Брата проведаль, сестру в Москве навестил, на могилке родителей душу отвел, чтоб не страдала. Все, уезжаю.

Через день после столь громкого обещания, Генка встретил Олю. Она возвращалась из школы одна.

— Здравствуй, дочка, — извиняющимся тоном приветствовал он.

— Здравствуйте, — дрожащим от волнения голосом ответила она.

— Почему «те», а не здравствуй? Я не чужой. Твой отец.

— Знаю я. И что?

— Вот... — Он достал деньги и сунул ей в карман. — А на меня не сердись. Прости глупого, что бросил тебя еще в мамкиной утробе. Я у нее тоже прощения попрошу и умоваю отсель. Может, больше никогда не увижу вас.

— Мне ничего от вас, дядя, не надо, — протянула деньги обратно.

— Не возьму, — попятился от денег Фролов. — Я тебе от чистого сердца. Прости меня! — Фролов кинулся прочь, постоянно оглядываясь на неподвижно стоящую дочь...

Катю он выследил на миниферме. Шел следом. Когда Попова отворила входные ворота коровника, Фролов вышел из-за сарая и по заснеженной тропинке направился к ней. Внутри коровника, несмотря на солнечную погоду, стоял полумрак. Катя чистила корову и не обратила внимания на поднятый животными рев. Лишь случайно обернувшись, увидела приближающегося Фролова.

— Стой! Что забыл? — приказала она.

Генка остановился в нерешительности.

— Катюша, ты даже видеть меня не хочешь? Столько лет... Я... — Фролов сделал шаг к Кате.

— Не подходи! — она выхватила вилы из яслей. — Я за себя не ручаюсь!

— Да не хочу я ничего дурного, Катюша. Я пришел прощения...

— Прощения?! Ты осмелился извиняться за свою подлость? Хоть и через столько лет, но нет тебе прощения моего!

— Нет прощения, — задумчиво повторил он. — Понимаю. Уйду непощеным. У меня одна дорога — в Сибирь.

— Вот и хорошо, — облегченно вздохнула Катя.

Он махнул рукой и ушел.

Генка сдержал слово. Попрощавшись со всеми, покинул Заречие. А в селе то затихали, то возобновлялись пересуды...

После памятной встречи с Филатовым в доме у Щукина Ларису ни на минуту не покидала идея отомстить бывшему мужу. И она придумала сделать это через Ртищеву. Вскоре и случай выпал. На автостанции Лариса столкнулась с Наташей, приехавшей тамбовским автобусом, и окликнула ее.

— Лариса, — удивленно воскликнула девушка. — Что вы хотите?

— Надо кое-что обсудить. Это важно для нас обеих, — сказала Лариса и, помявшись от нерешительности, вдруг призналась: — Я беременна.

— А я при чем?

— От Кости, — выдавила Лариса.

— А он знает? Что думает?

— Аборт заставляет делать и даже подал на развод, когда отказалась сделать, — честно ответила Лариса.

— Так, а я-то что могу сделать?

— Если ты оставишь его, он помирится со мной. Брось его. Зачем он тебе?

— Нет, Лариса, — решительно возразила Наташа. — Я не стану отталкивать Костю. Люблю его...

На этом разговор закончился. Ртищева добралась до Смородинки быстро. Напротив дома Филатовых остановилась, засмотрелась. Из трубы плавно шел дым. Сквозь шторы пробивался неяркий свет. Тополя роняли тени на снег. Она представила себя возле теплой печки, даже почудилось потрескивание горящих поленьев. Передернула зябко плечами и направилась к дому. Негромко постучала в окно, шагнула к крыльцу...

Наступил новый день. Наташа не задавала Косте никаких вопросов. Встав рано, сразу принялась помогать Марье Ивановне на кухне. Костя колот дрова, топил печь. За обедом все трое были веселы и общительны. Затем мать занялась своими делами, а Костя, довольный приездом Наташи, так и вился вокруг нее. Ей это было приятно, но диалог с Ларисой не давал покоя.

— Когда теперь приедешь, Наташа? — спросил Костя, когда та засобиралась уезжать.

— Точно не знаю, — уклончиво ответила она. — Может, на новогодние праздники или сразу после них. Может, на Рождество... А захочешь, сам приезжай ко мне.

Костя собрался проводить Наташу до Заречия. Мать тоже вышла на крыльцо.

— Ну, до свидания, Наташенька, — ласково попрощалась она. — Не забывай нас. Ты для меня, что родная дочка.

— Спасибо, — поблагодарила гостя и крепко обняла Марию Ивановну. — Не скучайте тут.

12

За пять дней до Нового года Филатовы получили долгожданную телеграмму из Москвы: МАМА КОСТЯ ЛАРА ВЫЕЗЖАЕМ ПОЕЗДОМ 31 МОСКВА ТАМБОВ ВАГОН 6 НАТАША 26 12 1995.

В Кирьяновку встречать сестру Филатов поехал на машине с Поповым. Ждали поезд недолго. Все время Костя волновался, боясь обознаться. Ведь столько лет не видел сестру! Он внимательно всматривался в каждого выходящего из шестого вагона. И вдруг сердце замерло: на перроне появилась женщина с детьми. Следом вышли незнакомцы. Они снимали чемоданы и другие вещи, ставя их на платформу. Потом один из мужчин, выгрузив вещи, вернулся в вагон. Филатов тут же бросился к сестре.

— Костя! — воскликнула Наташа радостно. Они крепко обнялись. — Помогите, пожалуйста, с вещами. Да, знакомьтесь, дорогие мои! Это Билл, мой муж. А это Джон и Эрис..

— Прий-атно очень, — пожимая руку Косте, говорил на ломаном русском Билл. — Я давно хотел увидеть. Я очень рад..

— Я тоже очень рад! — наконец-то, после всех треволнений пришел в себя Костя и принялся целовать родных...

До Заречия добрались быстро. У магазина Алексей Попов остановил машину, хлопнул рукой по баранке:

— Простите, господа. В Смородинку не проехать. Дорога никудышная. Придется вам выгружаться на время. Ты, Костя, ступай к деду Гришане. Его хвостатое такси везде пройдет, не забуксует.

Сестра Кости удивилась, почему надо ехать в Смородинку, но спрашивать не стала. Попов уехал, а Костя пошел к Гусеву. Вскоре к ним подкатились сани.

— Загружайсь! — скомандовал дед. — Прокачу до Смородинки с ветерком на лошадке мохноногой!

Дети, хохоча и толкая друг друга, моментально запрыгнули в сани, застеленные пахучим сеном.

— Ой, как приятно пахнет трава, Джон! — с восторгом заметила на русском языке Эрис.

Уложили вещи, которых оказалось так много, что еле поместились в сани. Возчик щелкнул слегка натянутыми вожжами.

— Но-о!.. Прокачу с ветерком!

— Не надо с ветерком. Замерзнем, — полусхутя попросила Наташа. — Так ведь, дед Гриша?

— Я не Гриша, — поправил старик. — Меня все больше Гришаня зовут. Я к этому привык.

— Что означает Гришаня? — поинтересовался у жены Билл.

— По-русски это Гриша, Григорий.

— А, Григорий, Аксинья, «Тихий Дон» — хорошая книга.

— Михаил Шолохов написал, — добавил Костя. — Прекрасный писатель. Считай, Билл, это Лев Толстой нашего века.

— Да, да, — в знак согласия закивал американец. — Как у нас Теодор Драйзер...

Тем временем выехали из села и съехали на обочину, на слабо накатанный санный путь. Дети и Билл с любопытством озирались по сторонам, пораженные целинными просторами. Дед, как и обычно, погонял лошадку, покрикивая.

— Как хорошо! — Билл первым нарушил молчание. — Простор, русская душа! Джон, Эрис, этот родной земля вашей мама!

— Мам, ты тут родилась? — задал вопрос удивленный девятилетний Джон. — В поле?!

Дед Гришаня развеял его страхи:

— Наташа родилась в Кирьяновке, в нормальном роддоме. А росла среди этих необъятных просторов. Сейчас увидите.

За разговорами не заметили, как доехали до Смородинки. Наталья ужаснулась уже на окраине села. Кругом пустые усадьбы. От дома до дома — верста! Лошадь по живот утопала в рыхлом снегу. Убогость и разруха больно сжимали сердце Натальи, долгое время не бывавшей здесь.

— Костя, что такое сотворилось тут, пока меня не было? — воскликнула она.

— Сотворилось, сестренка. А чего же было ожидать? Совхоз в Заречии ликвидирован. Акционерное общество, которое образовали вместо совхоза, обанкротилось. Земли брошены, пустуют. Безработица. Потому люди выживают, кто как умеет. Целые деревни вымирают!

— Ох-ох-ох! — сокрушенно закачал головой Билл. — Это плохо! Надо жить!

— Надо, — поддакнул Костя. — Вопрос, как теперь жить?..

Марья Ивановна с нетерпением ждала гостей. Несколькое раз выходила за калитку, пристально глядялась в пустую улицу. Наконец, они подъехали на лошадке прямо к калитке, а Филотова не могла сдвинуться с места. Она жадно глядялась в лица дочери, детишек, которых видела лишь на фотографиях.

— Мамулечка, что с тобой?! — взволнованно крикнула дочь, выбираясь из саней. — Тебе плохо?!

— Ничего-ничего, Наташенька. Со мной все в порядке, — успокоила ее мать. — Это я от радости.

— Бабушка, не надо плакать! — галчатами подлетели к Марье Ивановне внучата. — Мы тебя будем любить.

— Ну, здравствуй, мама, — сказала дочь, подойдя с мужем к матери, трижды, по-христиански, поцеловала ее и крепко прижалась к груди. И тоже не сдержала слез.

Дед Гришаня заспешил было в обратный путь, но Костя не отпустил и почти силой затащил отзывчивого старика в дом...

За веселым гудящим столом сестра спросила Костю, почему нет Сережи и Ларисы. Брат растерялся, замялся с ответом, выдал глухо:

— Они с нами не живут. Сережа иногда забегает к нам.

— Дети, хватит о грустном, — перебила их разговор мать. — Наташа, я опосля тебе обо всем расскажу. — А Сережу Костя приведет к нам.

— Мы за ним вместе с Костей ходим. Да, брат? — навязалась Наталья.

— И мы! И мы! — загалдели Джон и Эрис. — И мы хотим!

— А чего? — вмешался в семейный разговор подвыпивший дед Гришаня. — Лариска, как была, так и есть, соседка моя. С другим живет давно. А-а! — махнул рукой. — С тем мужиком у нее еще девочка народилась. Три годика ей... А Костю мне жалко. Во, истинный крест! — перекрестился. — Ну и Бог с ней, изменщицей. Пускай живет... — покачиваясь, направился к выходу. — А я... мне пора домой. Благодарствую за угощение...

Оставшись наедине, соскучившиеся друг по другу родные проговорили до полуночи. Лишь Джон и Эрис, умаявшиеся за долгую дорогу из Москвы до Смородинки, сразу после отъезда деда Гришани завалились спать...

Центральный дом культуры и клубы Заречинского сельсовета зимой перестали отапливать. Да что говорить о них?! Сама жизнь будто бы замораживалась. Не развивалась, а кое в чем и откатывалась назад. 29 декабря состоялось собрание акционеров АО «Заречинское» в здании школы, единственном помещении, где еще удерживали тепло. На повестке дня было всего два вопроса. Отчет о работе хозяйства в 1995 году (докладчик Зуев Иван Иванович) и проводы на пенсию этого же Зуева, которому еще в марте исполнилось шестьдесят. Гости из районного центра прибыли вовремя. Но народ шел на собрание неохотно. Дружно по привычке пришли пенсионеры. Их оказалось даже больше, чем остальных. Из любопытства заглянул сюда и Филатов. И не один. Привел с собою Билла.

Первым слово взял глава района Чевелихин. Высокого роста, интеллигентно одетый, со слегка вьющимися смоляными волосами. На лице — улыбка. Выступление он начал с пафосом:

— Уважаемые заречинцы! Разрешите поздравить вас с наступающим 1996 годом!.. — Сделал небольшую паузу, вздохнул. — Вот мы прожили еще один год. Нелегкий год. Но нельзя опускать руки. Надо, несмотря ни на какие трудности, продолжать жить. Мы столкнулись в уходящем году с ростом цен, особенно на горюче-смазочные материалы, на запасные части к сельхозмашинам и на сами машины, а с другой стороны — на низкие цены на нашу сельскохозяйственную продукцию...

Из зала посыпались выкрики.

— А мы тут при чем?! Мы трудимся, а сидим без гроша в кармане!

— К сожалению, это так, — согласился оратор, опустив голову, и тут же резко поднял ее. — Придется пока потерпеть.

— Сколько еще терпеть?! — новые выкрики из зала.

— До тех пор, дорогие мои, пока рынок перестанет быть стихийным, а станет более уравновешенным, конкурентоспособным, наполнится отечественными товарами...

— Красивая сказочка, — выкрикнул мужчина из зала. Повернулся к Биллу, попросил, хотя и грубовато: — Эй, зятек из США! Объясни нашим, что такое капитал и с чем его едят. А то тут кругом заладили одно и то же: рынок, стабилизация... Пока стабилизируем, подождем. Нахапали воруги и наглецы, и продолжают хапать все подряд...

Чевелихин забеспокоился: «Откуда в захолустье американец?!» Шепотом спросил у Зуева:

— На самом деле, американец в зале?

— Правда, — виновато заморгал Иван Иванович.

— Почему вы мне не сказали?! — зло процедил глава района.

— Мне откуда было знать, что американец припрется сюда аж из Смородинки! Зять он Филатовых.

— Плохо дело, Иван Иванович! — И сменив злую мину на спокойную, заговорил с залом. — Коль у нас такой гость из-за океана, давайте предоставим ему слово.

Стоящие в зале расступились, и перед Чевелихиным предстал совершенно обыкновенный человек, смущенный и явно не готовый к такому неожиданному повороту. Чевелихин протянул руку американцу, представился:

— Чевелихин Александр Анатольевич, глава администрации этого района.

— Маклейн, — назвалса Билл. Посмотрел на шурина. Костя кивком подбодрил. — Очень приятно знакомиться.

— О, вы говорите по-русски?! — удивился глава. — А я по-английски...

— Неплохо. А я... Я далеко от ваша жизнь. Но что я видать кругом, это очень плохо. Бедный люди. Нет работа. Работа дать людям. Растить крепко капитал. Хороший плата за работа, честно плата. Я первый, как приеду домой, положу мой капитал в ваш район. Но мне время нужен. Строить дорога, развить жизнь. Моей Натали есть тут родина...

Зал громко зааплодировал Биллу. Но кто-то, видимо, изрядно поддатый, хриплым голосом закричал недовольно:

— Ура-а-а! Прямо, как в песне! «Что Сибирь, что Аляска два берега, / бабы, водка, раздолье в пути...» Все правильно, и заживем на американских харчах!

— Кончай ты! — накинулись на остряка сразу несколько мужчин.

— Хорошо, Маклейн, — сказал Чевелихин. — Мы с вами обсудим этот выгодный, я предполагаю, для нас обоих, вопрос. Приглашаю вас посетить нашу администрацию. А пока приношу извинение за беспокойство.

— Спасибо, — поклонился Билл и широкими шагами зашпешил на свое место рядом с Костей. Он волновался. Ему показалось, что он сказал что-то не так.

Американец внимательно слушал весь доклад Зуева. Собственно, говорить Ивану Ивановичу было почти нечего. Он объявил, что хозяйство стало банкротом. В зале — столпотворение.

— Сухари бесхозяйственные!

— Сдавай дела, Зуев, отдыхай спокойно, если совесть позволит!

Все же проводили Ивана Ивановича Зуева — своего бессменного руководителя — на пенсию по заслугам. Парнем приехал он в Заречье после окончания сельскохозяйственного института. Пять лет ходил в агрономах. Потом стал директором совхоза «Заречинский». Обзавелся семьей... Со слезами на глазах благодарил Иван Иванович односельчан за все.

— Наша страна переживает трудное время, — с горечью заговорил Зуев. — И мы вместе с ней. Верю, мы переживем и это.

— Без куска хлеба и без штанов! — донеслось из зала.

Немного пороптав, люди стали расходиться. Многие не верили ни единому сказанному слову. Но в глубине души у каждого все же теплилась надежда на лучшее будущее...

К полудню 30 декабря в доме Филатовых уже стояла елка. Ее от Попова принесли Костя с Сережей. Наряжали старыми, много лет хранившимися на чердаке игрушками. Участвовали в этом интересном деле все. Наталья радовалась, словно ребенок. Она окунулась в свое далекое детство, вспоминала, какими были праздники в этом дорогом, до боли родном доме. И раньше елку ставили именно на этом месте. И наряжали тоже вместе, с матерью и братьями.

Наталья вспомнила случай. Костя был совсем маленьким. Брат Вася облачил в отцовский черный овечий полушубок, вывернутый мехом наружу, притаился за густыми пушистыми лапами ели и рычал из-за них, пугая сестру и Костю. Костя так испугался «зверя», что заревел и спрятался за диваном. Наташа тоже испугалась, но нашла силы, чтобы успокаивать плачущего братика. И едва вошла мать, услышавшая плач Кости, Наташа кинулась к ней.

— Мамочка! За елкой живой волк!

— Да ну?! — она хлопнула руками по бедрам, чуть не смеясь.

— Волк там! — показал пальчиком осмелевший при маме Костя.

Мать разом поставила все на свои места.

— А ну вылазь, лесной разбойник! — строго приказа она. — Ты зачем пугаешь детей?! — Но Васька и не думал выходить. Мать зашла с другой стороны елки и вытащила «волка» за ворот полушубка. — Вот, детки, какой волк. Брат ваш... Больше не пугай их.

— Не буду! — чуть не плача от маминого подзатыльника, пообещал Вася.

Когда Костя понял, что перед ним не злой зверь, а родной брат, от радости захолопал в ладоши и запрыгал вокруг елки.

— Васька не волк, Васька не волк!..

Наталья рассказала эту историю своим детям и племяннику. Все смеялись. Так здорово было всем вместе.

14

Два дня подряд непрерывно шел снег, но на третий зимнее ненастье закончилось. Днем потеплело, но к вечеру ударил мороз. На крышах выросли сосульки. Марья Ивановна, стоя у окна, любовалась, как невидимый художник расписывает узор на стеклах. Она ждала Костю. В доме никого, кроме нее, не было, и на душе было тревожно. Волновалась она из-за того, что после отъезда дочки с семьей в Америку не было никаких вестей от нее. Внучата подарили бабе Марье странный телефон. Прямоугольный, с множеством кнопок, а при включении весь горящий яркими огоньками. Но телефон молчал, хотя дочь сказала перед отъездом, что связь скоро будет во всем мире. Тогда можно будет дозвониться в любое время в любую точку Земли. Марья Ивановна часто смотрела на этот странный прямоугольный подарок. Но он продолжал молчать, тем сильнее навевая на сердце тоску и тревогу. Грустно и непривычно тихо было в доме без ребятишек. От волнения она все чаще ощущала боль и покалывание в груди. Все чаще принимала корвалол. Это происходило и сейчас. Ложилась, снова вставала, ходила по комнате уже более четырех часов. И вот опять она стояла у постепенно замерзающего окна. А за окном сгущались сумерки. Длинные зимние леденящие сумерки. Прячась от мороза, в поисках теплого местечка, воробушки и синички то и дело садились на окно, вертели головками, заглядывали в дом. Марья Ивановна включила свет и, еще раз пройдясь по дому, села на диван. Сердце неизменно часто колотилось, будто ему было тесно в груди...

Наконец-то послышался скрип сенной двери, следом знакомые шаги. Пришел Костя. Быстро разделся, повесил одежду в прихожей, зашел в зал. Марья Ивановна не шелохнулась.

— Мама, что с тобой? — забеспокоился Костя.

— Ничего, сынок, — отмахнулась она. — Только вот с сердцем что-то.

— Ты расстраиваешься из-за Наташки с семьей? Все будет хорошо.

Утром Костя отправил мать в Кирияновку, в больницу. Вернулся очень поздно. Несмотря на усталость, долго не мог уснуть. Ворочался, вставал, снова ложился. Вдруг вспомнилось детство, мама, папа, брат с сестрой... Проговорил вслух: «В выходной обязательно навещу мать в больнице». Повернулся лицом к стене и вскоре уснул...

Снилось, как возле кровати у изголовья матери стоит отец. Смотрит ей в глаза. Маленький Костя, спрятавшись за ширму, украдкой поглядывает на них. Отец нагибается к матери и четко говорит: «Вставай». — «Зачем?» — спрашивает она. «Пойдем, — отец протягивает руку и говорит: — Соскучился по тебе, Маша». Костя понимает, что отец давно умер. Хочет остановить отца, но она встает и идет за мужем. Маленький Костя выбегает наперерез им, хватается за подол мамы, умоляет: «Мама, не ходи!» — «Почему?» — не понимает отец сына. «Ты же умер, папа!» — испуганно кричит Костя. «Ты думаешь, мама твоя живая?» — со странной улыбкой спрашивает отец...

Филатов мгновенно проснулся. Вскочил, часто дыша с испугу. Включил свет. Заходил взад-вперед по комнате, успокаивая себя: «Это ж сон. Всего лишь сон! Мама жива! Но что за проклятый сон?!.. Надо немедленно ехать в больницу»...

Покурил, лег. Но до рассвета так и не уснул, тревожно вслушиваясь в завывающий за окнами сердитый ветер...

На другой день, вернувшись из больницы под вечер и убедившись, что с матерью все в порядке, Филатов неожиданно застал у дома Наташу Ртищеву. Очень обрадовался гостье. Они не виделись больше месяца. Уже прошли все январские праздники: Новый год, Рождество, Крещение. Филатова все это время тянуло к Наташе, но из-за американских гостей не мог поехать в Тамбов. Наташа тоже была занята в праздники, подрабатывала. Ей хозяйка магазина пообещала двойную оплату за те дни. А потом пришлось подменить напарницу, как нарочно, простудившуюся и неделю пробывшую на больничном.

Ртищева от соседей Филатовых узнала, что Марья Ивановна в больнице, и приехала в Смородинку. Увидав Филатова, Наташа поспешила к нему:

— Здравствуй, Костя! Что с Марьей Ивановной?!

— Уже ничего страшного, — успокоил он девушку, ведя к крыльцу.

Наташа обрадовалась и подняла глаза к небу. Над крыльцом грузно свисали утяжеленные инеем ветви берез. «Господи! Спаси-сохрани Марью Ивановну!» — прошептала она, пока Костя отпирал замок.

— Ну, как там мама себя чувствует? Что болит?

— Сердце... Переволновалась из-за сестры и внучат. Нет до сих пор от них вестей... Ты проходи. Замерзла ведь.

В доме было прохладно. У печки — ведроко с углем и дрова, загодя приготовленные хозяином.

— А от фермера тебе не влетит за прогул? — спросила Наташа.

— Отработаю. — Он близко подошел к ней, от счастья часто забилося сердце. — Так что не беспокойся, Наташенька. — И не в силах удержаться, в порыве нежности крепко обнял девушку и поцеловал прямо в теплые губы...

Весь вечер Наташа хлопотала по дому. Переделала уйму дел. Вечером, хотя Костя с Наташей были в доме одни и уже не сомневались, что любят друг друга, почивать легли врозь. Он постелил ей на диване, себе — на кровати в отгороженной спальне. В той клетушке помещалась лишь кровать, над которой обычно вешали ковер с изображением оленей. Кровать Марьи Ивановны оставалась пустой и выглядела сиротливой. Наташа не выдержала и заправила ее по-новому, придав ей опрятный вид.

«Вот и хозяйка в доме моем», — довольно отметил Костя. Наташа будто читала его мысли, улыбалась, но душу угнетала мысль о беременности Ларисы.

Костя уже спал. Наташа села рядом с ним на табуретке, влюбленными глазами смотрела на него, любясь: «Я встречала на своем пути немало красивых парней. Но все они были мне безразличны. Почему же этот простой деревенский мужик, да еще ранее женатый, запал глубоко в сердце?» Тихо встала с табуретки и отошла к дивану, на котором ее ждала мягкая теплая постель. Но уснуть не давали мысли о будущем: «Нет, я Ларисе Костю не отдам. Расскажу ему о нашем с ней разговоре... Неважно, что будет потом. Я люблю Костю! Это главное».

Она укрылась с головой и вскоре уснула.

Филатов и Ртищева шли в терапевтическое отделение Кирьяновской больницы по березовой аллее. При ветерке с украшенных пушистым инеем ветвей сыпались снежинки, посыпая натоптанную дорожку и Костю с Наташей. Снежные искринки под солнечными лучами слепили глаза, заставляя щуриться...

Костя потянул за ручку, дверь поддалась со скрипом. Запахло лекарствами. В раздевалке сняли верхнюю одежду, накинули халаты и было двинулись дальше, к палате. Но до нее не дошли. В коридор вышла Марья Ивановна. Костя тут же заволновался:

— Мама! Врач разрешил тебе встать?!

— Еще нет, — бросила мать в ответ и кинулась к госте. — Наташенька, как я по тебе соскучилась!

— Я тоже, Марья Ивановна! — искренне призналась Наташа и обняла старушку, словно родную мать. — А вы вот разболелись.

— Что поделаешь? Захворала...

— Да вы не волнуйтесь, ма... — Наташа раскраснелась: чуть не назвала Марью Ивановну мамой. — Можно я буду называть вас мамой?

— Конечно, можно, девочка моя! — обрадовалась Марья Ивановна. — Ведь ты не против, Костя?

— Только «за», — довольно ответил сын.

Вошли в палату. Сев на пружинистую койку, Марья Ивановна заговорила грустно:

— А я расстроилась, как проводила своих в Америку. Боюсь, не увижу их больше. Больно уж далеко забралась моя Наташенька... И этот молчит, проклятый! — вынула из кармана халата мобильный телефон. — Смотрю на эту игрушку и плачу. Жить-то мне осталось...

— Мама! Чтоб я впредь не слышал такого! — не дал договорить Костя. И вдруг повеселел, обнял за плечи Наташу и пообещал:

— Ты, мама, еще наших внучат понянчишь.

Мать недоверчиво взглянула на сына, потом на девушку. Они оба кивнули.

— Ох, как была бы я рада! — всплеснула руками мать.

— А я с радостью стану женой Кости, — подтвердила Наташа.

Все трое обнялись и замолчали, ибо все уже было сказано.

Дни для Наташи бежали незаметно. Скоро уезжать. Оставаясь в одиночестве, она много думала, взвешивала, строила планы. Филатов уходил ремонтировать машины в Заречье рано утром, возвращался поздно вечером.

Однажды брякнулся на кровать прямо в одежде. Вскоре задремал, не поужинав. Наташа на цыпочках тихо прошла в спальню, начала раздеваться. Обняла и с языка само собой слетело:

— Любимый мой... Ни за какие деньги не отдам тебя Лариске, что бы она ни говорила мне!

— Лариса? Что она тебе наговорила? — насторожился, отряхнувшись ото сна, Костя.

— Я хочу быть твоей. Навсегда, — сказала Наташа.

Она подробно поведала ему о встрече с Ларисой. Рассказывая, обдавала своим жарким дыханием и аккуратно снимала с него свитер. Костя ничего не понимал в ее сумбурных словах, тем более в поведении. Под ее ласками он, что послушный ягненок, давал делать с ним, что ей хотелось... Это была их первая самая близкая связь. И целая ночь — бессонная и бурная — одна на двоих...

За день до Наташиного отъезда в Тамбов Костя решил рассказать ей о происшедшем между ним и Ларисой, в том числе и в бане:

— Я попытался вернуть Ларису. Обещал все простить. Она отказалась. Тогда надумал мстить ей... Это было до знакомства с тобой, Наташа. Я даже не знал о твоём существовании. А что владело Ларисой, не знаю.

— Было. Ну и что? Может, она носит вовсе не твоего ребенка?

Оба замолчали, думая каждый о своем, и в то же время, получалось, об общем...

— Я не отдам тебя Лариске!

— Это ты правильно решила, Наташенька!

Написав заявление на рэкетиров, дед Гришаня усердно готовил свои изделия на продажу. Но в душе нет-нет да появлялся страх. При каждой встрече с Жирковым интересовался ходом расследования. В конце концов, надоел ему. Тот отвечал односложно:

— Ищем.

— Долго что-то ищите, — с ухмылкой ворчал старик и, делая вид, будто собирается удалиться, привирал: — Федора моя предлагает нас с ней подключить к сыску.

Участковый резко повернулся лицом к деду Гришане, рыкнул:

— Пошел к своей Федоре! И больше не морочь мне голову!

Старик, хотя и испугался грозного вида раскрасневшегося участкового, но не сдвинулся с места. Тихо спросил:

— Как поймаете мордovorотов тех, мне знать дадите?

— Обязательно, — не задумываясь, ответил Жирков, лишь бы от него отвязался неумный старик.

Обещание офицера милиции растворили страх в душе Гусева. А вскоре пришла долгожданная и желанная весть. Поймали! До этого страх упорно жил в доме стариков. С раннего вечера они запирали двери на все запоры. А ложась спать, Гришаня клал под подушку топор. Глядя на это, Федора истово перстом крестила все окна, молясь и приговаривая:

— Не приведи Господь, пожаловать супостатам в дом!

— Чего ты? — спрашивал Гришаня с кровати. — Ежель сунутся, я их враз успокою!

...Вскоре ему прислали повестку, чтобы срочно явился в РОВД. В Кирьяновку дед Гришаня отправился на рейсовом автобусе. Неохотно. В указанное время заглянул в кабинет следователя. За столом увидел совсем молоденького человека.

— Можно войти? — спросил тихо.

Парень оторвал взгляд от бумаг.

— Григорий Иванович Гусев? Из Заречия? Проходите, садитесь вот напротив.

— Благодарствую. — Старик грузно опустился на указанный стул.

Парень сразу принялся за дело:

— Хорошо, дедушка, что вы явились ко мне. Я следователь-дознатель. Капитан милиции Юрьев Виктор Федорович.

«Прям, как нашего участкового звать, — подумал старик и с любопытством принялся разглядывать парня. — Такой молоденький, а уже капитан!»

— Я пригласил вас, Григорий Иванович, как свидетеля и потерпевшего, для опознания задержанных по вашему заявлению. — Капитан нажал какую-то кнопку. Через несколько минут в кабинет ввели пятерых матерых молодчиков. Поставили к стене.

— Вы узнаете кого-нибудь из этих граждан?

Старик без труда узнал среди них двоих обидчиков.

— Вот этого узнаю, — показал на мордovorота в наколках. — И... — присмотрелся, чтоб не ошибиться. — Вот второй.

В присутствии милиционера дед Гришаня осмелел:

— Ну что, парни?

— Рано радуешься, дед, — ухмыльнулся лысый в наколках. — Денежки твои — тью-тью.

Задержанных увели, а старик, угнетенный, ничего не видя перед собой, вышел на улицу. Он тужил, что послушал Филатова и написал заявление участковому. Денег все равно не вернули. Дома он Федоре — ни слова о поездке. И вообще с этого дня они оба больше молчали. А дед перестал даже думать о своем неудачном бизнесе.

Всю неделю в голове Филатова властвовала одна мысль: «Щукин!» Как к нему подступиться и с чего начать? Наталью проводил утром в Заречие. Оттуда — в Тамбов. Она пообещала вернуться в выходные. Мать все еще в больнице, он навещал ее в субботу. В воскресенье отправился с борзыми на охоту. Ничего не подстрелив, сердитый возвращался домой через Зуевские овраги. Неожиданно увидел среди белогрудого зимнего безмолвия человека на лыжах. За плечами его вязанка хвороста. Человек скользил по снегу медленно. Филатов решил обойти его. И... оторопел: «Это же Щукин!» Решение пришло мгновенно. Филатов снял с плеча ружье. Осмотрелся: поблизости никого. Даже борзые умчались куда-то в поле. До Щукина оставалось шагов тридцать. Филатов выстрелил выше соперника. Звук был оглушительно-громким. Нажал второй раз на курок. В нос ударило пороховой гарью. Щукин отбросил хворост в сторону, упал лицом в снег. Утер им побледневшее с испуга лицо. «Живой! — понял, обрадовался. — Кто стрелял?» Посмотрел в сторону выстрелов и увидел Филатова. Щукин поднялся. Не страшивая снег, рванул на себе куртку, обнажая грудь.

— На, стреляй!

Филатов медленно направил оружие на соперника, но не стал стрелять.

— Ну, что ж ты?! Чего тебе надо от меня?!

— А ты, сволочь, до сих пор не понял? — опустил ружье, крикнул Филатов. — Убирайся туда, откуда тебя черти принесли на мою голову!

— Эх ты... — вздохнул Щукин. — Не пугай меня больше. Бесплезно. Ларису я не брошу, и никуда мы не уедем из Заречия.

— Осмелел?!

— Ну и сволочь ты, Костя! — бросил в ответ Щукин. С грустью подумал: «Не оставит он нас в покое, даже если и женится на Ртищевой. Не пойму никак, что за игру он ведет...»

Рассказав жене о случае в поле, Щукин раздраженно спросил:

— И что ему надо?

— Ничего. Просто злится и мстит напраую, — ответила Лариса. Подумала: «Значит, я Филатову все еще небезразлична!» Шел уже шестой месяц беременности...

Через день после встречи со Щукиным Филатов, работая в гараже, будто незначай рассказал об этом Попову. Тот вспыхнул:

— Ты что?! За решетку захотел? Зачем же такое вытворяешь? — удивился Алексей.

— Мщю.

— Идиот ты зацикленный! Что тебе даст твоя месть? Не забывай о Сережке! Ему что светит?

— Сойдусь с Наташей, и заберем Сережу. Она согласна.

Попов уже совсем не понимал рассуждений Филатова.

— Ты с ума сдвинулся! Наташка согласна. А Лариса и сам Сергей?

С этого разговора Филатов день ото дня замыкался в себе, черствел. И новая искра мести воспылала в его душе...

Марью Ивановну выписали из больницы в пятницу. Привез ее дед Гришаня на коняшечке-выручалочке. Ехали до Смородинки, с большим трудом выбираясь из цепкого снежного плена.

На следующий день после возвращения Марьи Ивановны разыгралась сказочная погода. Старушка собралась поиграть в карты у соседей через два дома. Костя в это время убирал дрова. Вокруг него юлой вертелся Бег. Выйдя на крылечко,

мать остановилась, сурясь от яркого солнца. Постояв, осторожно спустилась с крыльца, сообщила сыну:

— Я пошла играть в «петуха».

Не спеша, по очищенной от снега дорожке вышла за калитку и вскоре скрылась за углом. А Филатов услышал шум мотора, схожий с мотоциклетным. Кто-то подъехал к их дому. Вышел посмотреть.

У дома стоял снегоход. Возле него — участковый Жирков. Увидав Филатова, он быстро, по-медвежьи переваливаясь, подошел к нему:

— Ты что же творишь? Уже в людей начал стрелять.

— Пошутил я, Федорыч. Попугал только.

— За такую шутку с применением огнестрельного оружия я тебя к уголовной ответственности привлеку. Понял? Посадил бы... да Щукин против. В общем, давай расписку.

— Какую еще расписку? — вытаращился Филатов.

— Что оставишь Щукина в покое, — договорил Жирков. — Пора бы уж тебе смириться. Пусть Щукины живут спокойно. Тем более, я слышал, ты собираешься жениться. — Достал из планшетки листик бумаги, протянул Филатову. — Готовая расписка. Тебе остается только расписаться и написать дату. Если откажешься, я вынужден буду возбудить уголовное дело по всем правилам.

Филатов подписал бумаги. Участковый, кладя расписку в планшечку, снова строго приказал:

— А ружье носи мне. Конфискую.

Глядя вслед удаляющемуся на снегоходе Жиркову, Филатов спрашивал себя: «А зачем мне все это?» И не находил ответа.

17

Филатов решил поехать к Наташе. Тамбов встретил деревенского гостя беспрепятственным гулом машин, почти непрерывным потоком движущихся по улицам. Сравнивая город с тем, каким видел его пять-шесть лет назад, Филатов заметил большие перемены. Много новостроек, улицы чище, чем прежде.

Он быстро шагал с Центрального рынка, где наполнил сумки покупками, на улицу Карла Маркса. Там на съемной квартире проживала Ртищева. Здесь его ждало разочарование. Ее не оказалось дома:

— Наташа на работе, в магазине, — сообщила соседка по комнате.

Оставив гостинцы, Филатов отправился в магазин по названному соседкой адресу. Проехал на автобусе пять остановок. Выйдя, осторожно обошел работавшую снегоуборочную машину и тихо шмыгнул в частный магазинчик. Увидел женщину, сидевшую у кассового аппарата. Спросил, как найти Ртищеву.

— Вы Костя? Из деревни? — с явной готовностью помочь спросила кассирша.

— Откуда вы знаете, что я Костя?

— Догадалась, — улыбнулась кассирша. — Наша Наташа души в вас не чаает.

Весь день Филатов и Ртищева гуляли по зимнему Тамбову, пока не зажглись уличные фонари. Наташа жила в Тамбове уже семь лет, считала себя тамбовчанкой и знала улицы как свои пять пальцев. Она катала любимого гостя по всему городу и, как маститый гид, все показывала, обо всем рассказывала. Они побывали у памятника Зое Космодемьянской, у танка, в доме-усадебке Чичерина. И, конечно же, в женском монастыре на Московской. Уставшие, счастливые, они пришли в съемную комнату. Соседка уже собиралась на работу в ночную смену...

Ночевали вдвоем. Никто им не мешал...

— Когда мы будем жить вместе, Костенька? — спросила Наталья, провожая его утром.

— Хоть сейчас, — выпалил он, но, подумав, серьезно уточнил, — а лучше после свадьбы.

— После свадьбы? А она будет у нас? — с надеждой спросила она.

— Обязательно...

Домой Филатов вернулся под вечер. Встретившая сына Марья Ивановна была необычайно радостна. Она получила долгожданное письмо из США. Дочь сообщила, что добрались до места благополучно, у них в семье все хорошо. Пока он читал письмо сестры, мать с нетерпением ждала от него других новостей. Костя рассказал о том, как Наташа живет в Тамбове, и разговор вновь вернулся к родной сестре.

— Вот так Наташа наша! — воскликнул Костя радостно. — Обещает прислать нам денег на покупку дома! Это ж надо, — восторгался Костя, — на новый дом в Кирьяновке!

— Я в Кирьяновку не поеду, сынок, — неожиданно заявила мать. — А вы езжайте. С Наташей.

— Вот это номер — поп с гармоней! — удивился сын. — Как это, вы езжайте? А ты? Наташа давно считает тебя матерью. Нет, мы тебя тут одну не оставим. Да и мы в Кирьяновку не поедем. Если надумаем перебираться, то только в Заречие.

— Там же Лариса.

— Что нам она? Она сама по себе, мы с Наташей сами по себе. — А в голове: «Изжить с Заречия Щукина — вот это дело. Пусть тогда Лариска понюхает, как жить одной. Пусть поймет, наконец, как было больно и обидно мне, когда бросила меня»...

Глава района Чевелихин с большой надеждой и волнением ждал из США известий об инвестициях. Билл не соврал — он действительно снова прилетел в Россию и попросил Костю съездить с ним к Чевелихину. Филатов неохотно, но согласился. В приемной главы гостей встретила секретарь.

— Минутку, — попросила она и зашла в кабинет главы. Вскоре вышла и вежливо пригласила войти.

Чевелихин отодвинул на столе кипу бумаг в сторону, встал навстречу гостям, оправдываясь:

— Погряз в бумажках... Проходите к столу, присаживайтесь!

Гости окинули взглядом обстановку кабинета. Обычная планировка. Канцелярские столы буквой «п», растения в горшках, на стене портрет Ельцина.

— Присаживайтесь, господа, — повторил Чевелихин.

Филатов поморщился от этого слова, ныне часто звучащего в обиходе, особенно в кругах начальства. Сел рядом с Биллом.

Разговор об инвестиции получился живым и довольно плодотворным. Американец вновь сделал акцент на необходимости в районе упорной работы с землей, полной модернизации сельского хозяйства, оснащения его новой, современной техникой и технологиями, обучения и привлечения крестьян к труду по-новому. Он был уверен, что при таком подходе можно очень быстро добиться прибыли. Он говорил о том, что в фермер в США — одна из самых престижных профессий, и что в скором времени так же будет и в России. В конечном итоге Чевелихин и Маклейн остались удовлетворенными встречей и договоренностью. Провожая его и Филатова, глава района крепко пожал руки гостям.

По дороге в Смородинку Билл не выдержал, спросил шурина:

— Что тебе не нравится?

— Все! — бросил коротко Филатов. — Творят вот такие господа, как Чевелихин, что хотят. Делают вид, что все понимают, все делают на благо народа. На деле же закрывают глаза. На развал страны, на всеобщее обнищание народа. Зато

с пеной у рта поносят советское прошлое. Разве в СССР было плохо простым людям? И вообще с медициной, образованием, пенсиями... Мы первыми послали человека в космос. Весь мир чествовал Юрия Гагарина...

— Ес, Костя. Ты патриот хороший. А холодный война уже нет. Есть мир...

— Где мир, Билл?! — вспыхнул Филатов. — Война продолжается. У нас полыхает Кавказ. Кому нужна эта война?

— Наверно, ты прав. Но надейся на хорошее завтра. Иначе жизнь страшный, адский...

За рассуждениями незаметно дошли до Смородинки. У дома Филатовых Билл все же высказал мнение:

— Демократия — это и хлеб, и свобода, и говори, как думаешь. Не бойся никто.

— Говорить я могу. Ты прав. Но что говорить мне, ограбленному, все потерявшему, униженному и оскорбленному?

...Прощаясь у вагона на железнодорожном вокзале, Билл, обнимая Костю и похлопывая по спине, подбодрил уверенно:

— Помни, Костя. Все будет о'кей!

Летели дни, недели. Филатов не заметил, как кончился январь, вот уже и февраль подходит к концу. Костя с нетерпением ждал Наташу. Каждый день после работы он спешил из гаража на автобусную остановку с надеждой: «Сегодня Наташа обязательно приедет!» Но одиноким и грустным в ненастных зимних сумерках возвращался в Смородинку. Сокращая путь, шел по снежной целине, по насту. Сходя с берега на ослабевший после оттепели лед, он услышал сквозь шум ветра и обледеневших камышей истошный крик. Подумал, что показалось. Вслушался.

«Помогите!» — явно расслышал призыв о помощи, доносившийся из камышей. Мгновенно обогнул опасное место, выбежал на чистый лед ближе к другой камышовой заросли в сторону Черного затона. В протоке полыньи заметил барахтающегося в воде, пытающегося выбраться на хрупкий, ломающийся лед человека. Тот, увидев Филатова, взмолился осипшим голосом:

— Костя, помоги ради Бога! Погибаю!

— Щукин?! — удивленно процедил Филатов. — Вот оно как в жизни случается.

— Не помогаешь? Оставляешь гибнуть?! Да побойся Бога! — крикнул из последних сил тонущий.

— Бог простит, — цинично бросил Филатов, отворачиваясь.

Щукин закоченевшими непослушными руками все же сумел стянуть тянущую ко дну фуфайку. Она медленно, с пузырями, скрылась под водой.

— Бог все видит, Костя! — выбиваясь из последних сил, прокричал Щукин.

— Если так, пусть он тебя и спасает...

Отошел Филатов недалеко. Какая-то сила повернула его обратно. Он сломал большой сук ветлы. Лег на него и медленно и осторожно двинулся по льду. В метре от Щукина остановился.

— Так ты, Щукин, о Боге вспомнил? А когда с чужой женой спать ложился, помнил о нем?.. Ты думаешь, я вернулся спасать? Не-е-ет. Потому что подумал, а вдруг Щукин выберется сам и живым останется. — Филатов издевался над тонущим соперником, а сам все ближе продвигался к нему. — И мне ведь ничего не стоит помочь тебе отправиться... к щукам твоим. Как ты думаешь? — Не получив ответа, продолжил: — Утоп, и все. Я тут вроде бы и ни при чем...

— Ты совесть потерял! — хриплым голосом огрызнулся Щукин. — Из-за бабы!

— О, милоч! Раньше из-за баб стрелялись. А мне вот повезло. И стреляться не надо. — Схватил за волосы, окунул бессильного в ледяную воду. Приподняв, не дав отдышаться, спросил с ехидцей: — Жить хочешь?.. Не молчи, падла!

— Хочу... Я все понял, Костя! — отфыркиваясь и жадно хватая ртом воздух, ответил окоченевший соперник.

— Нет не все. Брось брюхатую суку! Пусть хлебнет чашу, какую я хлебаю после ее измены! Понял?

Щукин увидел в мутных глазах соперника неподдельный гнев, какой бывает у психически ненормальных. И ради семьи своей выдал:

— Я сделаю все, что ты хочешь.

— Ладно, уговорил, — Филатов посмотрел на дрожащего от холода и страха соперника. Повернулся на спину, чтобы снять брючный ремень. Луна в морозном небе, будто тоже замерзая, дрожала. Филатов кинул один конец ремня тонущему.

Щукин ухватился за ремень. Филатов потянул за другой конец.

Он взял Щукина под мышки и оттащил от гиблого места. Раздел по поясу, снял свою рабочую фуфайку, надел на уже не владеющего руками Щукина. Взвалил его на плечо и, сгибаясь под тяжестью, двинулся в село.

У Щукинского дома, осторожно поднявшись по ступенькам, Филатов прислонил зоотехника спиной к стенке, тихонько постучал в знакомую дверь.

— Оставайся жить, — бросил Щукину и спрятался за угол дома.

За дверью раздался голос Ларисы.

— Кто там?

— Я, Ларисочка, — еле слышно просипел Щукин.

18

После купания в ледяной воде Щукин более двух недель валялся в постели. Как только ему полегчало, он стал планировать побег из Заречья. Выздоровев окончательно и решив уходить в эту ночь, он долго стоял у кровати спящей дочери, мысленно обещая ей вернуться. А сам подумал: если вернется, простит ли его любимая женщина?

Рано утром, тихо, стараясь не разбудить спящую Ларису, Щукин спешно собрался и покинул дом. Мартовское небо висело над Заречьем черное, словно растрепанная овечья шерсть огромной кудели. В утреннем полумраке, видимо, из-за перемены погоды, одиноко гасли последние звезды. А далеко-далеко, спрятавшись в бездонном небе, из-за куполов церкви осторожно выглядывала в серой мгле бледноликая луна.

Щукин остановился. Поставил убогий багаж у ног и, щурясь, долго всматривался в купола церкви и в возвышающиеся над ними кресты. Зажженная для прикуривания спичка осветила его лицо. Оно было задумчиво, бледно и хмуро... Потянуло табачным дымом. Щукин стал кашлять раздражительно, громко, нарушая предутреннюю мертвую тишину. С куполов и с креста церкви взметнулись и разлетелись галки...

Откашлявшись, Щукин низко поклонился. Он то ли попрощался с кем-то, то ли просил прощения у всех, считая себя виноватым. Взял нехитрый свой скарб и скорой походкой зашел по тропинке из осевшего весеннего снега к автобусу...

Утром Лариса проснулась необычно поздно. Не сразу обратила внимание на отсутствие мужа. Не сразу же заметила и обыкновенный в клетку тетрадный листочек, придавленный деревянной хлебницей. И только когда проснулся Сережа, Лариса, ощущая непонятную тревогу на сердце, спросила у сына:

— Сережа, ты не знаешь, куда собирался с утра дядя Игорь?

— Нет. Он мне ничего не говорил. А что?

— Его нет нигде, — нервничая, Лариса машинально отодвинула на край стола хлебницу. Взяла листочек бумаги, быстро забегала глазами по тексту:

«Милые мои, Ларисочка, Виктория и Сережа. Я вынужден покинуть вас. Про-

стите меня. Не из-за сложившихся обстоятельств я не могу поступить иначе. Как только обустроюсь, дам вам знать. Лариса, может быть, ты сейчас меня не поймешь. Что поделаешь? Иначе поступить не могу. Прости, прошу еще раз. Игорь».

Лариса плюхнулась на стул. Читала и перечитывала записку и все ниже опускала голову. Глаза ее затуманивались, по щекам текли слезы. Она сразу все поняла: «Это Костиных рук дело! Но как он смог заставить Игоря бросить семью?» Она не находила ответа. «Сволочь! Сволочь ты, Филатов! — шептала с ненавистью, ощущая себя одинокой, покинутой, всеми преданной, и вдруг осадил сама себя, бросив раздраженно: — Но и Щукин не мужик! Трус!»

Сергей, часто моргая, смотрел на плачущую мать, на жмущуюся к ней сестренку и не понимал, что же случилось с дядей Игорем...

19

Вскоре поползли по селу разные слухи и пересуды об исчезновении Щукина. В основном перемывали косточки Ларисе, и до этого бесцелно раз мытые-перемытые. Щукина видели в то утро заречинцы, ехавшие с ним в автобусе в Кирьяновку. Но никто не интересовался, куда, почему и зачем он едет. Более-менее наблюдательные все же заметили, что он был задумчив и печален. Лариса никому не сообщала о пропаже мужа. Зато ее беременность уже не была ни для кого тайной. А заречинская «сорока», Клавдия Щеглова, неустанно летала по селу, стрекотала:

— Вот несчастье! Как не везет Лариске с мужиками! — Щеглова делала сочувствующую мину. Но тут же преображалась: — Сама виновата! Кто был прав? Я! Зачем Лариска бросила законного? И на кого променяла! Ха-ха-ха! На бычатника! Это ж самец только на это самое и способен. Жить не жил, а настрогал двоих!

— Одну, дочку, — поправляли ее и в то же время не переставали смеяться окружавшие Щеглову женщины. — Второго ребенка еще родить надо.

— Родит, — не сдавалась Щеглова. — Эт наше, бабье...

— Вот когда родит, тогда и судите, — прервал стрекот Щегловой Алексей Попов, случайно проходивший мимо столпившихся женщин. — Теть Клава, вот как я скажу. Может, хватит воду лить, пока Лариса не родит? И не нам о том судить.

И Петр Фролов, до появления здесь Алексея Попова единственный мужчина в этом бабьем клубке, молча слушал весь их стрекот. А тут не выдержал:

— Верно, Клавдия, ты в Заречии, прямо сказать, жар-птица! Как же это, после смерти мужа твоего больше ни один мужичок тебе крыльга не обжег?

— Мой покойный, царство ему небесное, а земля пусть будет ему пухом, мне их так опалил, что другому и палить нечего уже.

— Кто б тебе язык твой поганый подпалил, — в сердцах крикнула одна из женщин.

— Ха-ха-ха! Ой-ой-ой! Гы-гы-гы! — разразилась толпа.

Ажиотаж вокруг внезапного отъезда Щукина постепенно прошел. Да и кого, собственно, можно было теперь удивить тем, что мужик бросил двоих детей и беременную жену, если каждый божий день с экранов телевизоров, не щадя ни взрослых, ни детей, говорили об очередных свадьбах и разводах поп-звезд, их любовников и безудержных развлечениях? Телевизор учил жить по-новому, высмеивая целомудрие, верность, доброту...

Никто, кроме Филатова, не знал истинную причину бегства Щукина. Сам же Костя, узнав об этом, почему-то не очень обрадовался своей победе.

«И что дальше? — рассуждал победитель. — Щукин трус. Я не думал, что он сдержит слово. Я бы и сам на его месте наобещал чего угодно. Шкуру свою спасает? Оно и мне лучше уж так, чем в тюрьму. А если бы загремел я? А Наташа?! Открыто ли мое сердце для нее? Кажется, да...»

В апреле, в самый что ни на есть пик ледохода, с Клавдией Щегловой приключилась беда. Унесла льдина назойливую неугомонную заречинскую сороку вместе с дощатым мостушкой. Местные мужики ставили этот мостик для удобного перехода с берега на берег, чтобы во время летней дойки не делать дальний круг до капитального бетонного моста. Зимой мосток заковывал лед, весной в половодье сносило. В прошлом году он уцелел, потому что река Польной Воронеж не сильно поднималась в половодье, так как лед растаял на месте.

Беда. Кто ее ждет? Никто... Щеглова сама не могла ответить, зачем ей понадобилось в опасное предледоходное время идти на другой берег. Наверное, как говорится в народе, черт дернул. Щеглова была уже на середине пути, когда почувствовала, как плывущая большая льдина ударила в мостик. И огромная крыга вместе с вмержшим в нее мостком оторвалась от берега. Ее вынесло течением к середине реки. Клавдия мертвой хваткой вцепилась в чудом уцелевшие перила мостка, как капитан за штурвал, и замерла. А льдина ускоряла ход. Только тут она опомнилась, стала кричать, звать на помощь. Но кругом — ни единой души. Течение убыстрялось. Полая вода журчала страшно. При повороте русла вынесло льдину с мостком и Щегловой из-за крутого заросшего ольхой берега. Она увидела двух ребят, закричала не своим голосом: «Погибаю! Спасите!»

Случайными очевидцами беды оказались дети — Сережа Филатов и Оля Попова, пришедшие полюбоваться ледоходом. Увидев Щеглову, они сначала растерялись. Сначала забегали по берегу, не зная, что делать. Потом бросились в село.

Люди переполошились. К реке на помощь Щегловой помчались кто с веревкой, кто с багром, а кто — в растерянности — просто так.

— Так где Щеглова? Куда бежать? — неслось отовсюду.

— К мосту большому! — кричала Оля Попова.

— А может, она уже и мост проплыла. Времени вон сколько прошло, — высказал свое предположение Сережа.

— Теперь Клавдия наверняка к Смородинке подплывает. Там и надо ее спасать, — рассудил один мужик.

— А может, за мост ухватилась, ежель не растерялась, — предполагал другой. Женщины кричат свое:

— Мужики, что вы телитесь?! Утопнет ведь баба, хоть и язва!..

Щеглову и вправду обнаружили в районе Смородинки. Закричали, ободряя ее: — Эй, Клавдия! Как ты там?

— Караул! Гибну! — ответила она уже осипшим голосом.

— Держись, — прокричали ей с берега...

В спасательной операции участвовал и Филатов. Он прекрасно знал эти места. Взвесив возможности, вывел:

— Здесь мы Щеглову не сможем снять со льдины. Слишком широкая река. Только за деревней. Там уже. А над речкой большое дерево нависло. Почти от одного берега до другого. Понадобится только веревка и багор. — И вскочил на холку лошади близстоящего ездока. — Жми, друг!

Быстро добравшись до того места, Костя Филатов и Петр Фролов расположились на разлапистых ветках, нависших над водой. Льдина с Щегловой приближалась к ним. Люди на берегу закричали:

— Хватайся за веревку крепче и держись!

Фролов с дерева опустил веревку до воды. Вот уже Щеглова в считанных метрах!

— Хватайся! — кричал ей Фролов.

Она ухватилась. В тот же миг Филатов прыгнул на льдину, крепко привязал веревку к мостку. Фролов тоже спустился с дерева, подал другой конец веревки стоявшим на берегу.

— Тяните! — командовал Филатов.

Мужики и женщины быстро потянули за нее, крича привычное: «Раз, два — дружно!»

— Тетя Клава, бросай веревку! — сказал Филатов.

Щеглова будто не слышала его, вцепилась в спасительную веревку. Он повторил:

— Отпускай. Я же привязал ее к мостку.

Щеглова непонимающими глазами глядела на Костю. Он подошел к ней и с силой разжал пальцы. Только тогда она поняла, что опасность миновала. Обняла Филатова.

— Спаситель мой! — просипела в слезах.

— Да не я, тетя Клава, — смутился Филатов, кивнул на берег. — Это вон они. А еще благодари моего Сережу и Олю Попову. Если б не они...

Между тем на берегу уже работали баграми, подтягивая мосток. Когда он ударился о берег, Филатов и Щеглова сошли с мостика, словно моряки с корабля. Бабы бросились к Клавдии, обнимая, начали бранить:

— Как же ты додумалась на мосток попереться?

— Ох, бабоньки! Бес попутал. Хотелось... а вышло...

— Хотелось как лучше, а получилось как всегда! Ха-ха-ха! — заржали мужики...

— Все бы вам шутить, — отмахнулась Щеглова и стала всех подряд от чистого сердца благодарить за спасение...

20

Ртищева решила, наконец, перебраться в Смородинку насовсем. На этом настаивал и Филатов. Тем более что они намеревались сыграть свадьбу сразу после Пасхи. По предложению Филатова это торжество должно было пройти с широким деревенским размахом, а по настоятельной просьбе Ртищевой — еще и с венчанием в Заречинской церкви. В память об убиенном отце Анатолии навечно скрепить венцом союз Филатова и Ртищевой.

По окончании службы Филатов сам поговорил с батюшкой о возможности повенчаться в этой церкви. Тот с охотой согласился. Теперь оставалось только назначить дату. Выбрали 21 мая. И пошли дни больших забот и хлопот...

Впервые за длительное время Филатов встретил случайно на улице Ларису. Живот, в котором она носила уже третьего своего ребенка, расплел до предела. До родов оставалось совсем немного. Увидав Ларису, Костя поздоровался.

— Скоро? — кивнул на живот Костя.

— Тебе-то зачем, — неприязненно бросила она. — Ты ж женишься. Рад?

— А то.

Помолчав, перебарывая сухость во рту, спросила в лоб:

— Твоих рук дело?

— Ты о чем? — переспросил он.

— Не прикидывайся дурачком! Игорь из-за тебя уехал?..

— Да, — не дав закончить фразу, вспыхнул он. — Твой Щукин трус, а не мужик! Ты это поняла?

— Сволочь ты! — испепеляя Филатова взглядом, взвизгнула она и шарахнулась от него, как от заразы.

— Я — да. Но и ты тоже, — крикнул вслед бывшей жене. Понуро опустил голову. Договорил сам себе: — Оба мы два сапога пара!..

А вскоре произошла еще одна, неприятная и по сей день незабываемая для Филатова встреча. С родным сыном.

— Сережа! — позвал Костя.

Сын не остановился на оклик отца. Он догнал Сергея, спросил требовательно:

— Ты не хочешь отца знать?!

— А ты почему не даешь маме жить? — огрызнулся мальчик.

Слова и поведение сына острой иглой пронзили сердце Кости. Он растерянно смотрел на злое лицо сына и не находил ответа.

— Прости, сынок, — выдал, наконец. И встрепенулся, осененный новой мыслью. — А давай жить вместе?

Мальчик недоверчиво и настороженно всмотрелся на посветлевшее лицо отца. В душе блеснула надежда на хорошую перемену.

— С ней?

— Да, с ней. С тетей Наташей, — подхватил Костя, тоже с затаенной надеждой.

— Я о маме! — обиженно вскрикнул Сережа. — Я с ней и с Викой буду жить! Понял?! — И отошел, ускоряя шаг. Он не видел, как изменился в лице отец...

Филатова после встречи с Ларисой заедало одно: почему не заявляет в милицию? Одно ее слово, и снова Косте — решетка. Теперь же он точно знал: ее заявления не будет. Видимо, она раскаялась в своем давнем поступке, продолжает любить, потому все прощает. Но было еще одно обстоятельство, которое заставляло Ларису помалкивать. Приближались роды. Это пугало Костю, и он с большим усердием вился возле Наташи. О Ларисе старался не думать вообще. А о сыне? Как о нем не думать? Костя старался найти выход, но не находил...

Лариса с нетерпением и нервозностью ждала весточки от Игоря...

Наташа Ртицева сильно переживала, страдала душой и сердцем из-за своего безродства. Жалела, что судьба не дала ей счастья жить в родной семье. А теперь очень надеялась, что их с Костей семья будет крепкой. Наташа замкнулась, нося в себе и скрывая от всех, даже от любимого Кости, эту тайную надежду на счастливую женскую жизнь и уже недалекое материнство. О своей беременности Наталья несколько раз порывалась сообщить Косте, но, в конце концов, решила сделать это в день их свадьбы.

Свадьба...

Гостей и родни собралось не так уж много, но и немало. Началась она, как установилось по традиции, с выкупа невесты. Выкупали из дома Поповых. Дружкой Кости был Витька Галкин. А вот с подружкой невесты вышла небольшая заварка. Наконец сошлись на приглашении Наташиной соседки по комнате.

Екатерина Попова, встав в дверях грудью, не пропускала «купцов» и жениха к невесте. Кричала им залившимся голосом:

— Невеста у нас дорогая! Платите побольше! Без дорогого выкупа не отдадим Белоснежку! Не скупись, жених! Уйдешь с невестой, да с пустым карманом!

Платить не хочется, а невесту надо забрать. Толкотня у дверей. Напор желающих заполучить невесту усиливается с каждой минутой. Все стремятся пробиться сквозь защищающих неприступную крепость невесты. Подвыпивший Петр Фролов, протиснувшись вплотную к Екатерине, начал читать свою притчу:

Эх, Екатерина! Живешь — хоронишься,
С бабой спать — торопишься,
Ешь быстро — давишься,
Как ни старайся — не поправишься!
Так вот и мы сейчас.

Она ответила на его побасенку своей:

А у Петки, у дружка,
Хороша побасочка.
Чтоб зайти — плати, дружок,
Вот моя побасочка.

Отступила Екатерина. Жених со свитой прорвался к невесте. Не с пустыми карманами. Взял ее тонкую нежную ручку и надел на палец золотой с бирюзовым камушком перстень.

— Видите, как наш Костя любит свою Натаху! — бахвалился дружка.

— Видим, не слепые, — ответила за смущенную подружку невесты Попова. — Только пока еще не свою. Его будет она только после венчания. И не Ртищева, а Филатова.

— Это нетрудно и недолго исправить! — закричал Галкин. — Ну-ка, Костя, бери невесту на руки и под венец!

От Поповых свадебная процессия на легковых автомобилях, украшенных шарами и двумя кольцами, направилась в церковь. У церкви Наталья, в фате и дивном лебедино-белом платье с длинным шлейфом, вышла из машины вслед за женихом. Осыпаемые со всех сторон рисом и монетами, они пошли к воротам. Их с нетерпением и нескрываемым волнением уже ждала с иконой в руках Марья Ивановна, а с хлебом-солью — вездесущий дед Гришаня.

Хлеб жених с невестой отведывали по очереди. Из толпы окружающих понеслись громкие возгласы.

— Значит, будет хозяйкой в доме!

— А кому же, как не ей?!

— Хорошо кусает, значит, хорошо и работает!

...По красной ковровой дорожке от церковной двери жених с невестой шли, взявшись за руки. К венцу остановились в паре метров от батюшки. Он, осеняя венчающихся крестом, забасил:

— Венчается раб Божий Константин рабе Божией Наталье во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Согласен ли ты, раб Божий Константин, взять себе в жены рабу Божию Наталью?

— Да, — с радостью ответил Филатов. — Согласен.

— Венчается раба Божия Наталья рабу Божию Константину. Согласна ли ты, раба Божия Наталья, стать женою раба Божиего Константина?

— Да, согласна, — трепеща от волнения, ответила Ртищева.

Батюшка поочередно надел на головы молодых венчальные короны, от души пожелал:

— Живите долго, счастливо, в здравии и радости, не гневите Бога, дети мои. Держитесь друг за друга, когда постигнет вас горе или беда, и Бог будет оберегать ваш союз...

Из церкви торжества перенеслись к Филатовым. Дом их — небольшая пятистенка с пятью окнами. Потому Костя заранее смастерил впереди дома навес на случай дождя. Но погода не испортила праздника. Громко играла музыка, так что ее было слышно во всей деревне. А какая же свадьба без подначивающего слова?

— Горько! Горько! — чаще всех кричал Алексей Попов, заставляя молодоженов подниматься и под счет: раз, два, три... целоваться. И только готовясь произнести тост, Попов прокричал противоположное, шутя: «Сладко! — И пояснил, вызвав смех: — А то губы пооткусываете друг другу.

Серьезно заговорил, обращаясь к молодоженам:

— Дорогие Костя и Наташа. Жизни вам ясной, светлой, счастливой. Чтобы не было у вас в семье горя. Выпьем же все за это! — Не дожидаясь, выпил залпом рюмку самогона, поморщился и рывкнул во всю глотку снова: — Горько!

И опять грянула музыка... А какая свадьба, тем более деревенская, без гар-

мошки?! Играть пригласили смородинского старика, бывшего совхозного ветврача Кузьмича, единственного гармониста во всей округе. А под гармошку все идет. И пляски, и частушки, и песни на любой вкус. Стоило Кузьмичу заиграть частушки, как вышли в круг дед Гришаня и бабка Федора, на время даже забывшая о больных ногах.

— Милый мой, куда ты едешь? — начала Федора.

— Милая, к Саратову, — ответил Гришаня.

— Милый мой, возьми с собой...

— Куда же дурковатую?..

Не вытерпел и Петр Фролов. Выскочил в круг, запел свое.

Косил клевер и овес,
Перешел на вику.
Любил девок, потом баб,
А теперь заику!..

Дед Гришаня пустился вприсядку перед Федорой.

Я пришел, она стирает,
Я свое давай просить.
Не подумайте плохого —
Чтоб колечко поносить.

Баба Федора в ответ:

Мы с миленком тешились
На коровьем стоиле.
Когда милый целовал,
Все коровы воили.

Изрядно захмелевшая фермерша Попова смотрела-смотрела, слушала-слушала и, плюнув на звания и авторитеты, вылетела в круг:

Мы с миленком на пруду
Труссы оба мыли.
Когда милый обнимал,
Труссы и уплыли!

— Во дает, Катька-фермерша! — орали взрослые. Ребятишки хохотали, визжали, топали ногами...

...Гуляние длилось дотемна и обошлось, что бывает нечасто, без драки. Люди стали потихоньку расходиться. Уезжали заречинские гости. А около полуночи Костю ожидал сюрприз, приготовленный Натальей, теперь уже молодой женой. Она, краснея и волнуясь, нежно обняла супруга и прошептала на ухо:

— Миленький, у нас будет ребеночек!

— Что? — не сразу понял он. А когда дошло, оробел.

— Правда, что ль? Точно будет?

— Точнее не бывает, Костенька. Я такая счастливая!..

Это была для Филатова большая и радостная новость. А утром его ожидала новость другая. Ее принес дед Гришаня, заглянувший опохмелиться:

— Лариска вчера родила.

— Как? — вытаращил глазища Филатов.

— Как все бабы рожают, — спокойно ответил дед.

Если раньше Филатов немного сомневался, что Лариса беременна именно от него, то прикинув в уме сроки, убедился: «Она не обманывала». Впервые за прошедшее с тех пор время он почувствовал свою вину. Пожалел о своем жестоком спектакле...

— Кого родила? — спросил тихо, глухо.

— По слухам, вроде бы мальчонку... А этот... папаша-то куда делся? — сокрушенно покачал головой дед. — Сбег. Ни себе, ни людям...

В этот же день тайком ото всех Попов свозил Филатова в Кирияновку в роддом. На обратном пути Алексей напустился на друга:

— Ты че творишь, идиот?

— Ничего особенного, — задумчиво ответил Филатов. И не в силах больше скрывать тайну и боль, рассказал всю правду.

— Вот как, — сокрушенно выдохнул Алексей, выслушав. — И что будешь делать дальше?

— Представления не имею, дружище!

— Ох, как жалко мне ее!

— Кого?

— Наташу.

— Наташу, — задумчиво повторил Костя. — Нет, Наташу в обиду не дам. Даже самому себе. Вот так, Леша.

21

После цветущего, благоухающего мая сирень почему-то распустилась с запозданием, лишь в июне. Зато в Зуевских оврагах и на пустыре за Смородинкой степной стоял темно-зеленый лес колючего чертополоха. Костя любовался на распускающиеся розово-красные цветки его. Время склонялось к полудню. После обильных дождей солнце нещадно жарило землю.

— Ведро, — произнес Филатов вслух, — и, видать, надолго.

А перед глазами — Лариса, которую по его просьбе привез Попов. Она в легком ситцевом платье шагает к дому. На руках — новорожденный малыш, закутанный в конверт легкого байкового одеяльца с синей ленточкой — для мальчиков. Навстречу маме выбегает сияющий Сережа. За ним — спотыкаясь, Вика, дочка от Щукина.

— Мама, покажи, кто в одеяльце! — кричит нетерпеливая Вика.

— Кирюша — братик твой, — отворачивая одеяльце, отвечает мама.

За всем этим с рыдающим сердцем наблюдал из укрытия — густых веток сирени — Костя Филатов...

И сейчас, вспомнив это, он почувствовал, как колотится сердце. «Хватит!» — приказал себе и уже хотел уходить, но остановился: какой кругом чертополох! Глядя на колючие цветки, вздохнул. «Ну, что — месть моя удалась... О, Господи! Но что же мне теперь делать? Как вырваться из своего чертополоха?!..» Постоял в задумчивости. Махнул рукой. «Да ну ее к черту, эту Лариску! У меня теперь прекрасная жена. Настоящая, законная жена! Она тоже ждет...»

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Прошло более десяти лет...

Время. Где оно берет свое начало и куда течет? Каждому на нашей грешной земле оно отпускает предназначенное: рождение, цветение, увядание и смерть. Капли секунд, стекая и собираясь в единое целое, превращаются в минуты, часы, дни, годы. Годы — в столетия. И так без конца...

По законам времени жило и живет Заречие. Живет по-своему. Многих ее обитателей время унесло на сельское кладбище. И не только дряхлых стариков и старушек, но и крепких мужиков и женщин.

Практически вымерла Смородинка. Штукла в ней единственный жилой дом. Остальные постройки давно заросли буйным кленом, крапивой да репейником. В единственном жилом домишке, из трубы которого в холодное время еще шел дымок, живут бывший ветеринарный врач Кузьмич и его жена-старушка. Им уже за семьдесят, потому и решили в Смородинке коротать последние дни. А дом прямо рядом с кладбищем...

В 2002 году вымерзшие в трескучие морозы при малоснежье некогда бушевавшие, радовавшие глаз сады теперь отпугивают торчащими сухими верхушками яблонь, груш и вишарников. Но по-прежнему в весенне-летнюю пору в яркой зелени не прекращается разноголосое пение, щебетание птиц и стрекот кузнечиков вечером...

Семья Филатовых тоже покинула Смородинку. Переселилась в Заречие в построенный на возвышенности, в полукилometре от церкви, дом с высокой мансардой под современной профлистовой крышей. Дом хорошо виден со всех сторон села. Строили его не спеша, года два. Первым делом заложили крепкий фундамент. Успели возвести сосновый сруб, а к осени укрыть крышей. В таком виде стройка перезимовала. На следующий год дом обложили, утепляя и украшая облицовочным кирпичом. В то же время производили штукатурно-малярные работы. Даже подвели водопровод.

Все это делала наемная бригада из зарубежья — солнечного Узбекистана. Костя Филатов сам нанял ее. Случайно. Будучи на железнодорожном вокзале Тамбова у билетной кассы. Увидел расстроенных чернявых парней и мужчин, заинтересовался, кто они, куда собираются ехать. Оказалось, их обманул нахал-наиматель. Почти ничего не заплатив, выпроводил за ворота с помощью амбалов-охранников. Филатов предложил им свою работу. Построить дом. Они, не раздумывая, даже с радостью, согласились... В бригаде из четырех узбеков лишь бригадир был русский — мужчина средних лет. Но национальность не интересовала Костю. Сам же Филатов работу и принимал. Остался доволен, честно рассчитался со строителями...

И вот — дом готов к приему новоселов.

По старинному обычаю, первой пустили в него кошку. «Мур-мур», — мурлыкала она, обходя все комнаты и углы. Видимо, считая свою миссию выполненной, выгнула спину, деловито подняла хвост и вышла на середину прихожки.

Довольная новым домом, Наталья Федоровна Филатова смотрела на кошку, а мысленно благодарила Костину сестру-тезку и ее мужа Билла за большую помощь в строительстве этого жилья. А сама не отпускала руку дочки Кристины, а другой легонько толкнула в спину сына Вову — второго ребенка в семье Филатовых, шустрого и очень любопытного. Отбежав к кошке, сын повернулся к матери, спросил:

— А почему Муську ты пустила первой? Что она будет делать?

— Обживается Муська наша. Видишь, как рада новому месту.

Володька, довольный, подбежал к сестре, потянул за руку.

— Заходи, Кристина! — Наталья отпустила дочь, и Вовка, перелезая с сестренкой через высокий порог, восторженно кричал: — И мы с тобой будем обживаться, как Муська!..

Вот так Филатовы перебрались в новый дом. Постепенно его просторные комнаты наполнились новой мебелью и всем необходимым.

Жизнь в Заречии за десять лет сильно изменилась. Только не так, как хотелось человеку, рожденному на земле, желающему трудиться на ней и жить до конца отведенных ему Богом дней. Именно жить, а не существовать, просто сводя концы с концами. Акционерное общество «Заречинское» давно обанкротилось, просуществовав с введением внешнего управления всего два года. И теперь кругом — богатейший чернозем, непаханный, неухоженный. После распада хозяйства мно-

гие сельчане свои паи отдали в аренду в КФХ «Нива» Алексею Попову. За счет этого брошенные недавно земли начали постепенно возделываться. Земельные наделы фермера расширились почти к Смородинке.

Костя и Наталья Филатовы с участием Марьи Ивановны тоже вознамерились заняться фермерством. Долго все взвешивали, наконец, решились. Попов помог им с нужными бумагами, и Костя с женой в Кирьяновке оформили беспроцентный целевой кредит на развитие КФХ под названием «Филатовский колос».

Прошел год. Сельчане сначала побаивались отдавать свои земельные паи новообразованному КФХ. Их выручил опять Попов. Помог деньгами и Билл через его управляющего в Кирьяновке. Он вложил немалый капитал в развитие района. Американец не ошибся: инвестиции приносили прибыль.

Новый глава Кирьяновского района Михаил Егорович Широков, сменивший на выборах Чевелихина, работал второй срок. Широков — человек средних лет, уравновешенный, отзывчивый и, что немаловажно, умелый хозяйственник.

— Дерзай, Константин! — постоянно подбадривал он Филатова. — Тем более что тебе есть на кого положиться!

— Стараюсь, Михаил Егорович, — в тон главе отвечал он.

И Филатов действительно старался. Два года назад в его хозяйстве было пятьдесят гектаров пахотной земли, а стало — двести. Все предыдущие годы Попов был для друга Кости настоящей «неотложкой». Иногда Алексей говорил, припоминая давнее:

— Вот плоды моей задумки! Помнишь, как мы с тобой спорили? Прав я был! Теперь идем с тобой одной дорогой. И не стоит ставить палки в колеса.

— Мне? Тебе палки?! — удивился Филатов. — Ты что? Разве после всего, что ты для меня сделал и делаешь, у меня рука поднимется на подлость? Твою помощь век не забуду, Леха!

— А если забудешь? — почти серьезно спросил Алексей.

— Тогда лови на слове. Отвечу, — заверил Костя.

Жизнь в семье Филатовых шла, как виделось со стороны, степенно, размеренно и счастливо. Однако безоблачным небо было только для супруги. Наталья жила, как ей казалось, с верой и любовью к мужу. Она не знала, даже не чувствовала, что Костя все это время, старательно и удачно скрывая от всех, встречается с первой женой, с детьми Сережей и Кириллом...

После бегства Щукина Лариса не находила себе места. В ней вскипала злость то на Костю, то на Игоря. То внезапно в душе наступало странное равновесие между ними, как равный груз на обеих чашах весов, и Лариса временно успокаивалась. После родов, когда Кириллу исполнился годик, она перестала думать и о Филатове, который жил с новой семьей, и о Щукине. Правда, от последнего она все же ждала хоть какую-нибудь весточку. Но ее не было, и Лариса перестала ждать. Вдруг — солдатское письмо с адресом воинской части на конверте. И не откуда-то, а из Чечни! Ничего не понимая, трясущимися от волнения руками разорвала конверт, вынула желтенький мятый лист и быстро пробежала глазами по неровным строкам:

«Здравствуй, Лариса! Не знаю, простишь ли ты меня за мое внезапное исчезновение и долгое молчание. Все это время начинал писать тебе, но каждый раз рвал писанину. Я знаю, что ты не простишь мое предательство и будешь до конца жизни считать меня подлецом, трусом. Это так. Но я, пересилив себя, после двух лет скитаний на Кавказе, многое повидал и переоценил. Прости же меня и пусть простят дети. Виктория и теперь уже, несомненно, родившийся ребенок, сын или дочь, напиши, кто, и Сергей. А у тебя прошу прощения больше, чем у кого-либо. Простите! Целую всех. Прощайте!»

Письма были еще. Были и ответы. Потом переписка прекратилась. Перестал писать Щукин...

А с Костей после долгого времени она встретилась случайно, на улице под вечер. И вдруг что-то невообразимое, словно вихрь, закружило их начинающие сесть головы.

— Как живется, Лариса? — спросил Костя, глядя в глаза.

— Спасибо, что хоть поинтересовался через столько времени, — с усмешкой бросила она. — С твоей помощью... Но, слава Богу, теперь я хоть свожу концы с концами. — Вздохнула горько. Все же спросила:

— А ты как?

— Да нормально, — отрезал он. Потупился и начал сконфуженно извиняться: — Виноват я, Лариса. И перед тобой, и перед детишками. Но... ты первая погубила нашу любовь.

— Любовь?! Разве она была?

— Была. Еще какая...

— Да... И будь прокляты та ночь, то украденное тобою зерно с совхозного поля, тот судья, что влил за это тебе целых пять лет, хотя все совхозу вернули. Только не вернуть того, что произошло, не исправить ошибок.

Костя огляделся, не видит ли кто-нибудь их.

— А тебе хотелось бы все вернуть и исправить ошибки? — вырвалось у Кости.

Она широко раскрыла глаза. Потом осмотрелась: «Не дай Бог, кто-нибудь увидит или услышит!» И твердо сказала:

— Нет.

— Ну, ведь врешь, Лариса! И мне, и себе, — взяв за руки, горячо прошептал Костя.

— Вру, — плачущим голосом выдавила она.

И вдруг он предложил:

— Завтра, как станет смеркаться, приходи к подсолнухам у Сухого пруда.

Она ничего не ответила. Она сама не понимала, почему так радостно заколотилось ее сердце. Сделав несколько шагов, оглянулась на уходящего Костю, потом еще раз и еще...

В назначенное время Лариса не появилась. Густели сумерки. Костя работал на тракторе неподалеку от Сухого пруда. В нем еще боролись противоречивые чувства. Он понимал, что поступает подло по отношению к Наташе. Но не мог перебороть желания встретиться с Ларисой. Любовь, зажженная искрой далекого, но незабытого прошлого, разгоралась сильнее и сильнее. И он с нетерпением ждал эту встречу.

Темнело. Он спрятал трактор, заглушил двигатель. Ларисы все не было. «Не придет!» — огорчился Филатов. Лег на траву, нервно покусывая кончик былинки, прислушивался. Но кроме шума ветра и стрекота кузнечиков — никаких звуков. И он даже не поверил собственным ушам, когда вблизи послышались легкие осторожные шаги: «Лариса!»

— Я давно жду. Думал, не придешь.

Лариса молча подошла к нему. Постояв, присела на траву рядом и объяснила задержку:

— Кирюшу укладывала спать... Костя, а вдруг... прознают о нас, что мы... — Лариса замолчала. По ее телу пробежали мурашки. — Ой, какой стыд!

— Трусись!

— Мне-то чего? Я одинокая. Это ты бойся.

— Верно говоришь. Но это пусть тебя не волнует. Я вот что хочу — исповедаться перед тобою.

И Костя подробно рассказал о происшедшем в ту зиму на реке между ним и Щукиным.

— Неужели ты смог бы утопить человека? — испуганно отклонилась Лариса.
— Смог бы, тогда... Люблю тебя! — вдруг приглушенно выкрикнул Костя и, забыв обо всем на свете, потянулся к Ларисе, крепко и жарко обнимая.
Она не сопротивлялась, лишь шептала, прося:
— Только, пожалуйста, без этого, Костенька...
— Без чего?
— Чтоб... без ребенка... Беременеть Наташке своей предоставь...
Любовная сладость, утеха, стоны, рожденные в полуночной немоте. Тишина...
— А ты и правда любишь меня! — улыбнулся довольный Костя.
— Не любила, не пришла бы.
Филатов ничего не ответил. Да и о чем было говорить. И так все яснее ясного...

2

Студеное январское утро. Заречие, засыпанное снегом, просыпалось. Холодный, дрожащий над селом воздух застыл. Тишину нарушил колокольный звон, ставший привычным седьмого января, в день Рождества Христова. Звон разбудил Кристину. Сладко позевывая и потягиваясь, она позвала маму. Никто не ответил. Кристине очень хотелось услышать родной мамин голос. Услышала другой. Бабушкин.

— Че галдишь попусту? Мама, мама... — проворчала Марья Ивановна. — Будто не знаешь. Уехала она.

— А Володька?

— С ними он.

— Мамка с папкой уехали в Тамбов или в Кирьяновку?

— Уехали. А тебе спать надо меньше, не то проспишь и счастье свое. Давай собирайся живее, — пробурчала бабушка.

— Далеко?

— Отсюда не видно, — пошутила бабушка, чтобы развеселить внучку. Только видя, что та улыбнулась, прижала к себе, погладила по непричесанной головке. — В церковь, внученька. Одевайся, и я сейчас быстренько соберусь.

— Бабушка, сегодня Рождество?

— А зачем мы в церковь идем...

— Знаю, знаю, — Кристина вприпрыжку отбежала от бабушки.

— Ах ты, хитрушка! — погрозила пальцем бабушка, смеясь. — Ежель знаешь, зачем спрашиваешь?

— Из интереса.

Кристина была уже одета и, засмеявшись, вылетела за дверь. Бабушка, осторожно ступая, поплелась следом...

Посеребренные снежной пудрой церковные купола, крики галок, взлетевших от людской суеты у входных ворот. Птицы, проделав несколько облетных кругов, вновь спустились на кресты. С высоты опасно взирали на движущиеся людские силуэты. Вот дед Гришаня ковельет с палочкой в руке. Сильно сдал в последнее время. Годы нещадно делали свое дело. Но была еще одна причина. Два года назад похоронил он свою верную Федору. Пустой дом, одиночество, затяжные осень и зима, немые стены, звенящая тишина, которую нарушал только телевизор. С весны дед Гришаня ждал дочку Варвару из Винницкой области Украины. Обещала приехать насовсем. Но загвоздка получилась у Варвары из-за продажи там имущества.

Муж Варвары Иван Викторович Дьяченко умер. Жить одной в поселке после смерти супруга стало тяжело. А после «оранжевой революции» и осложнения от-

ношений между Украиной и Россией жизнь для Варвары стала вовсе невыносимой.

Дед Гришаня шел медленно, опираясь на костыль. Метрах в ста от церкви дорога переходила в хорошо утоптанную тропинку. На ней и догнали деда Марья Ивановна с Кристиной.

Остановившись, он оперся на палку, медленно повернул седую голову, прищурился. Узнав подошедших, повеселел.

— Здравствуйте, дедушка, — поздоровалась Кристина.

— Крестинка! Ай, ай, ай! Как вымахала! — Повернулся к старушке. — Им ра-сти, Марья, а нам вниз грести... А я не запомнил, как с моей Федорой на свадь-бе Кости с Наташкой частушки шпарил да впредь наяривал. Теперь, увя. Ви-дать, резвость мою покойная с собой унесла. А ты, Марья, не сдавайся.

— Стараюсь...

3

Кирилл, кровный сын Кости Филатова, в Заречии для всех по-прежнему оста-вался Щукиным. Его тайна до сей поры не была раскрыта. Мальчик рос мелким, худеньким, слабеньким, но с добрым, отзывчивым сердцем. Он очень любил сосе-да, дедушку Гришаню — веселого и забавного человека. Едва Кирилл научился ходить, дед рад был привечать мальчонку, полюбил его, как родного внука.

— Кирюша-соплюша! — шутил дед.

Старшие не особо на него обращали внимание. Дочь Ларисы Вика, вертлявая, словно юла, беззаботная, росла вольной пташкой, большую часть времени гуляла с подружками.

Сергей тоже вырос без строгости, постепенно совсем отбился от рук. Ходил нахохлившимся кочетом. Где какая заварушка меж парнями, он тут как тут — почесать кулаки. Единственным человеком, кого он слушался, была Ольга Попо-ва. Он уважал ее с детства. Время подошло, призвали Сергея в армию.

А Кирилл, повзрослев, целыми днями пропадал в доме напротив, у Гусевых. Несмотря на то, что друзья нередко дразнили его «стариком-домовиком», деда Гришаню он не оставил. И тот в нем души не чаял. Брал его с собой на рыбалку, катал на лошади. Особенно доволен был мальчик, когда дедушка разрешил ез-дить на ней верхом. Так и вошел Кирюша в семью соседа-старичка...

Когда закончилась служба, и дед Гришаня вышел из церкви, его у ворот уже поджидал Кирилл. Вернувшись домой из школы, где на каникулах готовился спектакль, он тотчас отправился к церкви. Встретил и проводил старика до дома. Мальчик всегда помогал ему во всем. И дров натаскает, и печь затопит. И сейчас сделал то же самое... Старик сидел, не раздеваясь, у печки, громко и натужно кашлял в кулак и курил. Дым сигареты плыл сизой ломаной ленточкой по ком-нате. Покурился, по старой привычке заслонив полсигареты, бросил окурочек на железный лист возле печки, специально прибитый к полу на тот случай, если вдруг из нее выпадет уголек. Кирилл сидел напротив старика на самодельной табуретке.

— Весной, ежели доживу, Кирюша, газ проведу, — пообещал дед.

— Хорошо, — по-взрослому ответил мальчик. И добавил, черкнув ребром ла-дони по горлу: — Тебе газ во как нужен. Легче будет...

— Легче, — задумчиво потянул старик, вспомнив покойную Федору. — Толь-ко жить мне невмоготу, Кирюша. Нету моей ворчунюшки-Федорушки...

— А ты все равно живи!..

— Буду жить, помощничек мой, раз Господня воля такая...

Буду так частенько у горячей печи коротали они долгие зимние вечера. Кирилл

с большой охотой слушал деды забавные и смешные, не то правдивые, не то выдуманные рассказы.

— Вот это да! — восклицал мальчик, бросая на рассказчика пристальный взгляд. — Не врешь?

— Ей-богу, нет. А на кой мне врать?

Кирилл не всегда верил старику, даже когда тот божился и крестился. Старик же в таких случаях всеми силами старался убедить в правдивости рассказанного. Если понимал, что это не удалось, переходил на что-нибудь другое.

— Как брат Сергей служит на Кавказе? Что пишет?

— Все про Ольку дядь Леша Попова спрашивает. Надоело прям.

— Тебе это не нужно, конечно. А он любит, раз интересуется. А она? Пишет ему? — любопытствует старик.

— Пишет. А Сережка все спрашивает, с кем Олька ходит в клуб... Вот придет весной, так пусть сам и смотрит, с кем она...

4

Когда Кристина с бабушкой пришли из церкви, Костя, Наталья и Вовка уже вернулись из Кирьяновки. Кристина, обиженная тем, что ее туда не взяли, надулась. Наталья, не услышав от дочки обычного приветливого слова, насторожилась.

— Что, чадунюшка моя? — Не получив ответа, попыталась шуткой развеселить, — «Федул, что губы надул?» — «Кафтан прожег». — «А велика ли дыра?» — «Один ворот остался...» — Мать рассмеялась и заметила, как дочь, хоть и скрывая, улыбнулась. — Ну, так что губы надула?

— Как что?! — окрысилась Кристина. — Говорили... а сами...

— Да, обещали тебя взять с собой. Но ты, ангелочек наш, так крепко и сладко спала. Папа не велел будить тебя. Пожалел. И чего там, в Кирьяновке, интересного? Ничего особенного. А на улице холодрыга!.. Эх ты, глупенькая моя. Без мамки часочка прожить не можешь. Пора взрослеть. Тринадцатый годок пошел!

Кристина за талию обняла мать, крепко прижалась к ней, ласково и горячо защебетала:

— Не могу я, мамулечка, без тебя! Ну, ни минуточки не могу!..

Наталья прекрасно понимала, дочь сейчас в переходном возрасте. Загадочном, капризном и, самое опасное, непредсказуемом. Из интереса, но так, чтобы не обидеть Кристину, нежным голоском спросила:

— А тебе разве плохо было с бабушкой? Вот и в церковь ходили. Рождество Христово пели...

Костя, став в открытых дверях, пристыдил Кристину:

— Почти взрослая девочка, наверное, уже на мальчиков поглядываешь, а?

— Не нужен мне никто, — стыдливо опустила глаза дочь.

— Врет Крестя! — закричал вбежавший в зал Вовка. Скорчив рожицу и высунув язык, завертелся возле сестры. — Врешь! А Кирюшка не заглядывается?

— Эт Щукин, что ли? — спросила раскрасневшаяся Кристина.

— Да! Забыла? — продолжал язвительно атаковать брат.

Костя вопросительно уставился на жену: что, мол, не остановишь детей. Наконец, не выдержал и тоном, не допускающим возражений, заговорил с Кристиной: — Вот что, дочка. Маленькая ты или скоро невестой станешь, не важно. Но о Кирилле забудь. Он тебе не пара.

— А я и не думаю о нем, — мгновенно ответила она.

— Поняла, дочка? Даже думать не смей об Кирилле! — приказал отец, возвращаясь на кухню.

Кристина, дождавшись, когда отец закроев дверь, шепотом спросила у мамы:

— Почему?

— Так надо, — уклончиво ответила Наталья, не желая открыть тайну. — Подрастешь, узнаешь. А папу ты слушайся. Он плохого не посоветует. — Сказала спокойно, надеясь, что на этом тема о Кирилле будет закрыта. Но следующие слова Кристины ошарашили мать.

— Я знаю, почему. Потому что мама Кирюши была женой папы.

— Дочка, прекратим этот разговор! — нервно попросила Наталья.

— Почему? Что плохого сделал вам Кирилл?!

— Ничего. Но лучше тебе с ним не встречаться...

С тех пор на вопросы о Кирилле мать с отцом отвечали обиняками, путано. Однако Кристина, как ни приглядывалась, не находила в нем ничего плохого. Не нравилась Кристине только непонятная ей привязанность Кирилла к деду Гришане. Но нет, не из-за этого родители запрещают ей встречаться с ним. «Почему же?» — пыталась угадать она...

5

Лариса после дезертирства Щукина все годы была свободной женщиной. Потом, начав тайно встречаться с Костей, перестала и думать о Щукине, не говоря уже о его возвращении к ней. Без мужа в первые годы было тяжело одной с кучей детишек. Единственными помощниками ее были Сережа и Вика. А еще — коровка. Заготавливать корма для буренки-кормилицы помогал по доброте своей Алексей Попов. Изредка кое-что подкидывал Филатов. Самые трудные годы постепенно миновали...

Тайные встречи некогда бывших супругов продолжались. Об этом никто не догадывался. Так думали эти любящие друг друга грешники. Но на самом деле был человек, который давно заподозрил Костю в нехорошем — жена его, Наталья. По резко изменившемуся поведению мужа, слабому вниманию к ней она почувствовала неладное. Однако гнала прочь подозрительность, успокаивала себя, мол, ничего подобного Костя не позволит. И все-таки...

— Костя, признайся честно, — спросила Наталья однажды, когда муж вновь пришел домой очень поздно. — Ты изменяешь мне?

— Я?! Любимой жене? — стал выкручиваться он. — И с кем же?

— С Лариской, — ответила твердо, пытаясь заглянуть в его глаза.

— Вот додумалась, — опроверг Костя, отворачиваясь. — Я тебе ни с кем не изменяю.

Она с облегчением вздохнула. От этого доверчивого вздоха в сердце Кости кольнуло. Он повернулся, с жалостью посмотрел на жену. Сейчас, когда он солгал ей в очередной раз, ему стало стыдно. Всего на мгновение...

Однако поведение мужа и после этого не изменилось. Наталья все чаще ловила себя на мысли, что не верит ему, но старалась сдерживать себя и не заводила неприятных разговоров с Костей. Свекровь видела нелады между ними, но не могла понять, из-за чего они возникли. Марья Ивановна очень переживала. Однажды не выдержала, спросила:

— Наташа, что меж вами происходит?

— Ничего, — пожала плечами сноха, но насторожилась.

— Я не слепая, дочка. Говори правду... Думаешь, он с ней? — напрямую спросила Марья Ивановна.

— Да, — всхлипнула Наталья и прильнула головой к свекрови.

В наступившей тишине Марья Ивановна, как маленькую, гладила сноху по голове.

— А может, неправда? Зачем ему Лариска? У него есть ты, дети родные... Чего теперь-то ей надо?! Семейку разбить?.. Ну, придет, я ему всыплю по перво число!

— Ой, не надо, мама. Может быть, все это только наши догадки.

— Хорошо. Поживем — увидим.

На том и порешили...

Когда от Щукина перестали приходиться весточки, Лариса неоднократно задумывалась: «Почему?» Через некоторое время она обратилась в Кирьяновский районный военкомат с просьбой сделать запрос в часть № 12378 об Игоре. На запрос военкома через месяц пришел ответ за подписью командира части, гвардии подполковника Шмелева «Сообщаю Вам, что старший сержант Щукин Игорь Алексеевич после сильного ранения рук и излечения в госпитале города Моздок Республики Северная Осетия (Алания) был комиссован и отбыл из нашей воинской части 15 октября 2002 года».

Однако это сообщение Ларису не так уж и расстроило. У нее теперь снова был любимый — Костя! А с ним и море по колено! И это отвлекало от мыслей о раненом, нуждающемся в поддержке Щукине. Нередко она мысленно даже благодарила Костю за изгнание Игоря из Заречья. Она пыталась вообще забыть Щукина. Да как забудешь, если рядом Вика? Она смутно, но все же помнила папу Игоря. Гордилась им и яростно защищала, когда кто-либо из подружек называл его трусом и беглецом. «Мой папа — герой! Он воюет на Северном Кавказе. Защищает нас от бандитов и террористов». Вика, когда дома никого не было, брала папины письма, даже не ей, а матери адресованные, и читала вслух...

Кирилл, носивший фамилию Щукин, подрастая, начинал понимать кое-что в происходящем, но по-своему. Он отличался от сверстников необычайной усидчивостью, спокойствием. А еще наблюдательностью. Взрослея, обещал себе: «Как вырасту, запишусь в ВДВ и тоже, как отец, уйду на войну. Если кто будет плохо отзываться о нем, буду с тем драться до смерти! А дядя Костя Филатов бесовский человек! По его вине папа ушел...»

6

Сергей Филатов из поколения, рожденного еще в СССР, здоровый, бойкий. Ему, как и отчиму Щукину, и павшему в Чечне земляку Виталию Галкину, и тысячам таких же парней России, выпала доля и пороха понюхать, и по полной испытать настоящие армейские тяготы и лишения. Закончив срочную службу в мотострелковой бригаде, Сергей заключил контракт еще на два года. И лишь теперь, спустя четыре года, возвратился домой в Заречье. Здесь отважного парня ждали не только родные, но и Ольга Попова, его первая и единственная любовь. Она не понимала и не разделяла задумки любимого, была категорически против контракта Сергея, даже обиделась, когда он остался служить дальше. А Сергей хотел предстать героем в глазах не одной Ольги, преданно ждавшей его, а всего Заречья. Уходил Сергей Филатов на воинскую службу весною и домой вернулся в ласковом цветущем мае.

Весть о его возвращении разнесла по селу всезнающая и неугомонная, хотя и изрядно постаревшая Клавдия Щеглова. Запыхавшись, влетела она в дом матери Сергея.

— Ларисочка! Новость-то какая для тебя! Сынок твой вернулся!

— Сереженька?! Где же он?

— В Кирьяновке. Там его видали, — тарыхтела Щеглова. — К зазнобушке своей побег. К Ольге Поповой. Ить все годы ждала.

— Знаю, ждала Олечка. Не меньше меня переживала. Слава Богу, теперь все позади! — Лариса перекрестилась.

— Так радоваться надо, а у тебя глаза на мокром месте. Эх, бабы мы, бабы! Горе — ревом, радость — тоже плачем.

— Да радуюсь я, тетя Клава. Ой, надо и Вику порадовать...

Майский цветущий, благоухающий сад. Опадающий с яблонь цвет, словно скалочный снег, усыпает землю. Тепло. Среди этого дивного царства стоит длинный стол, по-праздничному накрытый цветастой скатертью и сервированный. Шум голосов, шутки, смех.

Гостей пришло много. Ольгины родители, ее сестра Люба, отец Костя Филатов с женой Натальей, бабушка Марья и Володька. Кристину, правда, оставили дома. Среди гостей и сосед, бывалый солдат, участник финской и Великой Отечественной войн, дед Гришаня. Тут же его дочка Варвара с сыном Олегом — ровесником Ларисиною Кирилла. Сам Кирилл и Вика не могли нарадоваться на вернувшегося из армии брата. Они, хохоча, по очереди примеряли его форму.

Началось торжество. Сергей с невестой Ольгой сидят за столом на «царском» месте. Первым слово взял отец. Поздравил сына с окончанием воинской службы и с благополучным возвращением домой. Глубоко вздохнул, глаза его заблестели.

— Сережа, — вдруг дрогнул голосом Костя. — Я прошу у тебя прощения за то, что не мог дать тебе, что надо было. Но я рад, что, благодаря твоему характеру с филатовской закваской, из тебя получился крепкий, настоящий русский мужик! Да, я виноват, сынок...

— Отец, — прервал Сергей, — не надо о прошлом. Что было, то и сплыло. Надеюсь, навсегда. Да? — многозначительно намекнул.

— Я тоже надеюсь, — пристально взглянул на сына Костя. — Тогда давай о будущем. Как собираешься жить?

— Я пока об этом серьезно не думал, — улыбнулся Сергей, обнял Ольгу за талию. — И не одному мне это решать... Хотя есть одна задумка. Поехать в Тамбов к дяде Биллу в «Агровис».

— Молодцы, что так сразу решили, — похвалил довольный отец.

...Вечером любопытный Кирилл почти не отходил от брата. Расспрашивал о Кавказе, живущих там людях. Но так и не услышал от Сергея того, чего добивался. Разочарованно громко вздохнул:

— А я думал, там...

— Что там? — хмыкнул с усмешкой брат.

— Что там война настоящая. И я видел по телеку, как напали на наших. А ты был там?

— Пришлось побывать, братишка, — вздохнул Сергей, положив руку на хрупкое плечо брата.

7

Скоро Лариса проводила Сергея в Тамбов. Коротала дни почти все время одна. На душе было скверно. Через сутки после отъезда сына раздался долгожданный звонок по сотовому телефону. Она очень ждала этого звонка. От Кости. Назначили время и место встречи.

— Теперь ты от Натальи твоей не скроешь, — поправляя растрепавшиеся волосы, заметила Лариса.

— Что скрывать? — не понял Костя. — Она и так уже на взводе.

— И что делать будем?

— Найду выход, не беспокойся, — после короткой паузы заключил Костя.

Ему было жалко Наталью, но в тоже время не хотелось прерывать встречи с

любимой женщиной. Он не мог себе представить, как будет жить — хоть без той, хоть без другой. Решила все Лариса.

— Я больше не приду на свидание. Грех встречаться с женатым и обманывать... Да, была у нас с тобой любовь. Я ее погубила. Я виновата в этом. И сейчас мы любим друг друга, но у нас с тобой длинные хвосты. Их нам не обрубить.

Костя слушал справедливые и верные слова любовницы, а в голове — одна мысль. О жене. Наталья уже не раз заикалась о его неверности, будто видела его с Ларисой. А теперь, когда протешились почти до рассвета, чем оправдывать перед женой свое отсутствие столь длительное время, да еще и ночью? Он перебирал все возможные варианты для оправдания и не находил. А Лариса, сидя в машине, смотрела на него с жалостью, ни капельки не жалея себя, виноватую...

В село вернулись полями. Он проводил Ларису от реки к огородам. Через них она, оглядываясь, прошмыгнула в сад, затем к дому. Осторожно отворила дверь. На цыпочках прошла к кровати, легла. Ни звука. «Спят бедные мои детишки. А мамка... Подлая ваша мамка!» — прошептала в сердцах и заплакала...

Филатов вернулся в поле. Домой заявился лишь в десять часов. Мать со злостью накинулась на него:

— Где шлендал всю ночь, паразит?! Что ты творишь, дурья башка?! Жена, дети, а ты... Сын сделал вид, будто не понимает.

— Не притворяйся глупеньким! Опять с Лариской, с этой потаскушкой бесстыжей, блудил, ирод!

— Да что вы все, с ума походили, что ли, мать? В Кирьяновке в администрации на совещании допоздна продержали. Ночью лишь вернулись с Лехой Поповым. У него загудели с устатку. У него же я и проспал до утра.

Марья Ивановна двинула сына кулаком в спину.

— Бреешь! На совещании... Ты кому лапшу на уши вешаешь?! — Толкнула сына в дом. — Иди, Наташке сбреши. Мож, поверит.

Володя, увидев отца, засиял от радости, закричал громко:

— Мама! Папа пришел!

«Ах, глупый малыш! — мысленно Костя отругал Вовку. — Все, теперь попробуй оправдаться перед женой».

Как ни странно, он не услышал от нее ни крика, ни каких-либо упреков. Она вела себя необычно. Ее будто и не интересовало, где и с кем находился всю ночь муж. Она ровным голосом спросила:

— Костя, долго будет продолжаться твое вранье? Твои глаза выдают тебя.

— Тогда поговори с ней, — вместо ответа предложил он.

— С ней?! — удивилась жена, поняв, что попала в точку. — О чем конкретно? О том, как ты изжил Щукина, чтобы взяться за старое? Боже мой, какая же я дура была!

— Погоди, Наташа. Не пори напраслину, не рви сердце свое и успокойся, — прервал Костя. — Ты где-нибудь видела меня с Лариской, или кто-нибудь говорил тебе, что нас видел?

— И так ясно. Ты всякий раз говоришь будто правду, но потом... Я уже не верю тебе, Костя, как бы ты меня ни убеждал, что не изменяешь мне.

«Он и сейчас лжет, — думала она, и еще одно настойчиво вертелось в голове: «Что же нужно Косте в жизни?»

...В том году Троица выпала на конец июня. Многие заречинцы в эти дни посещают могилы родственников, друзей, просто бывших знакомых. Смородинское кладбище утопает в зарослях диких цветов и кустарников. При влажном воздухе неповторимые ароматы разносятся вокруг. А в утренние и вечерние часы здесь звучат и волнующие душу соловьиные трели...

Дед Гришаня с дочкой Варварой навстали могилку Федоры. Невысокий могильный холмик не огорожен — так велела сама покойная. Деревянный крест выгорел от солнца. Цветы, посаженные вдовцом, скромно цвели. Обветшавшие, полинявшие венки на кресте и на холмике загадочно шуршали при порывах ветра, будто разговаривая с покойницей.

Старик опустил на колени и поклонился до земли холмику. С трудом сдерживая слезы, стал причитать:

— Что же ты, милая моя Федорушка, покинула меня и не берешь к себе? Я не могу больше гостить тут, на этой грешной земле, без тебя. Нет сил моих жить дальше...

В ответ — звенящая тишина. Ее прервала Варвара, стоящая чуть позади отца.

— Папа, зачем такое говоришь, чего просишь? А меня на кого оставишь? Жить надо, папа. Жить, пока Господь разрешает.

— Нет, дочка, — не согласился старик. — Не хочется мне. Да и не жилец я уже. И чем скорее к Федоре, тем лучше.

— На все воля Божия, папа, — повторила свою прежнюю мысль Варвара. Подошла к могилке матери, перекрестилась. — Спи, мамочка, спокойно. Царство Небесное тебе. — Снова перекрестилась и пристроила к кресту, к фотографии Федоры зеленые веточки березы. Другие воткнула возле креста в могилку. Затем достала спички и свечи, зажгла их. Ветер тотчас заиграл с золотистыми язычками пламени, качая их в разные стороны.

Старик с дочкой постояли еще немного у могилки, сквозь слезы глядя на фотографию любимого человека. Потом низко поклонились, перекрестились и направились к выходу.

8

Тайна. Сергей Филатов хранил ее давно. Он на Кавказе дал слово отчиму Щукину не говорить об этом никому. И по приезду домой Сергей продолжал носить ее в своем сердце. Но слишком тяжелой оказалась эта ноша. И однажды, глядя на мать, не выдержал:

— Мам, мне нельзя об этом говорить. Особенно тебе. И я не знаю, нужно ли говорить.

— О чем, сынок? — насторожилась Лариса.

— Не буду томить... — Сергей, волнуясь, заходил по комнате взад-вперед. — Знаешь, кого я встретил в военном госпитале в Моздоке?

Сердце Ларисы оборвалось. Она догадалась, о ком собирается поведать сын. Предчувствие ее не обмануло.

— Дядю Игоря встретил. Мы оба были удивлены. — Сделал паузу, поглядел на мать. Продолжил невесело. — У него нет обеих рук. Одной, кажется, левой — по плечо, другой — по локоть. — Сергей вздохнул. — Щукин полный инвалид. И чтобы не быть никому обузой, просил меня никому о случившейся с ним трагедии не говорить. Особенно тебе, мама. Про моего отца Костю тоже спрашивал. Я Щукину все выложил тогда. А отца возненавидел, как врага. И сейчас почти так же отношусь...

— Когда это было? — вырвалось у матери.

— В 2007 году.

— Где Щукин сейчас?

— Точно не знаю. Скорее всего, в Тамбове.

— Жаль, что не знаешь. А об отце своем так не отзывайся впредь, Сережа... И вообще, даже я не знаю, кто из нас больше виноват... — сказала Лариса и испугалась собственных слов. — Да, отец виноват тоже, но не перед тобой. И винить только его не надо. Он очень любит тебя.

— Мама, дядя Игорь не сбегал, как сбегает подлецы. Он ушел. Ушел, потому что пообещал моему отцу так сделать. Я тебе расскажу все подробности о том случае на реке.

И Сергей выложил всю правду. А главное открыл то, что Костя Филатов скрыл от Ларисы.

— Так что, мама, дядя Игорь не трус, — заключил рассказ Сергей. — Наоборот, он — человек чести.

— Но толку-то теперь? Где его искать? Я через военкомат делала запрос. Оттуда сообщили о тяжелом ранении Игоря. Но и там не знают, куда именно он уехал. И все это было, наверное, еще до того, как вы с ним встретились.

— Трудно, конечно, найти. Сам он не даст о себе знать и даже на просьбу сообщить, где находится, не ответит. Впрочем, откуда он к нам в Заречье приехал?

— Приехал-то из Рязанской области. Только теперь там уже нет никого из его родственников. А я буду искать, как смогу.

Сергей попытался отговорить мать от розыска Щукина. Никак не получалось. Она тем временем боролась с желанием-нежеланием навсегда порвать любовную связь с Костей. Сожалела обо всем, что произошло за минувшие годы после ее согласия стать женой Игоря. Главной виновницей считала себя. Но осуждала и бывшего...

Наталья любила мужа, но сердцем чувствовала его неверность. А более всего мучилась от неведения. Встретила как-то Екатерину Попову. Мгновенно созрел план проверить честность супруга. Перекинувшись несколькими фразами, заинтересовалась:

— Мой благоверный ночевал у вас?

Хотя вопрос застал Попову врасплох, она быстро сообразила, что между Натальей и Костей происходит неладное. Солгала ей.

— Было такое как-то. А что?

— Когда? — не ответив на вопрос Екатерины, спросила Наталья.

— Не помню точно, — выкрутилась собеседница.

И такой ответ удовлетворил любящую жену. Она повеселела. Попова заметила, как щеки Натальи разругались. Тут бы и прикусить язычок Екатерине, да любопытство взяло верх.

— Изменяет тебе Костя?

— Точно не знаю, но подозреваю.

— С Лариской, думаешь? Не похоже. Успокойся, Наташенька.

Наталья действительно успокоилась после того разговора, жила вновь с надеждой на семейное счастье.

А Екатерина сразу после той встречи рассказала о ней Алексею. Выслушав жену, он занервничал.

— Вот, сукин кот! Блудня! Эта морда безответственная точно встречается с Лариской!

— Почему ты так уверенно говоришь?

— Потому что знаю... они до сих пор любят друг друга. Но как же они могут после всего?.. Костя столько напакостил Лариске в отместку за Щукина... А Наташу мне очень жалко. Если Костя на самом деле изменяет жене, он просто последняя сволочь!

— Что же делать, Леша? Хорошая семья может распасться!

— Да, может. Все тайное выплывет наружу. — Алексей нервно заходил по комнате. Он вдруг вспомнил обещание Кости: «Наташу я в обиду не дам!»

— Ну, гад! — грохнул по столу кулаком. — Где ж твое честное слово, Филатов?..

На следующий день Попов специально приехал в КФХ «Филатовский колос». Светало. По всему селу безудержно и беспрестанно горланили петухи. Филатов, увидев друга в такую рань, удивился и насторожился

— Что случилось, Леха? — крикнул еще издали.

— Голова седая, а ты все кобелем ходишь. А обещания свои помнишь?! Такой красивой и преданной бабе изменяешь! Сволочь!

Филатов поглядел по сторонам. Кроме них во дворе КФХ — никого. Облокотился на капот машины, спросил:

— Ты хочешь, чтобы я перестал встречаться с Ларисой?

— Будь мужчиной в первую очередь!

Филатов отошел от Попова. С какой-то горьковатой усмешкой истерично закричал:

— Хоть убей, не могу я бросить Ларису! Пытался, не получается!

— Давай я поговорю на эту тему с Ларисой?

— Не смей вмешиваться! — вскипел Костя, заводя машину.

— Ладно, не буду... Только печально кончится твоя с Лариской связь...

9

Нина, жена осужденного Ивана Квасова, жила без него все годы очень тяжело. Лихие девяностые. Одиночество. Тоска по мужу. На ее плечи легли каждодневные хлопоты, воспитание детей. В моменты особо тяжкие, со зла костерила мужа выскочку за его настырный характер, длинный язык и за то, что натворил. Себя ругала, что вышла за Ивана замуж. Хорошо еще, старшие дети помогали ей и по хозяйству, и ухаживать за младшими.

За 12 лет пребывания Ивана на зоне Нина со старшим сыном несколько раз ездила в Пермский край, где в колонии строгого режима Иван отбывал срок.

Как-то возвратившись домой из последней поездки, Квасова привезла новость, которая изменила жизнь Ларисы и Кости. И не только. Новость нарушила во всем Заречии затишье в пересудах об исчезновении Щукина... Будучи в Тамбове, Квасова случайно заметила вроде бы знакомого человека — в троллейбусе, следовавшем по третьему маршруту. На выходе этот человек оказался рядом с Квасовой. И хотя он сильно изменился и был без рук, она узнала его: Щукин!.. Он тоже узнал ее. Быстро отвернулся. Квасова не отступила.

— Здравствуй, Игорь Алексеевич!

Тот сделал вид, будто не узнал. Спросил:

— Вы — меня? А вы кто?

— Я Нина Квасова. А вы Щукин Игорь Алексеевич, наш бывший зоотехник, — застрочила она. — Вы что ж, скрываетесь, что ли? Ох, рук у вас нет. Как же?..

— Да, я Щукин, — прервал он Квасову. — Но я очень прошу вас, Нина, никому ни слова, что видели меня. Особенно Ларисе и детишкам. Не хочу портить им жизнь.

Получив от Квасовой весточку об Игоре Щукине, Лариса утвердилась в своем желании во что бы то ни стало найти его...

Володя Филатов в один из вечеров настойчиво допытывался у отца:

— Пап, а что такое финансовый кризис?

Отец без труда смекнул, откуда ветер дует.

— Нахватался по телевизору? — усмехнувшись, спросил Костя.

— Заплати налоги и спи спокойно. Это реклама такая.

— Реклама, — согласилась мать.

— Темный я, — вздохнул отец. — Не знаю таких пословиц...

— Что темный, верно. — Наталья искусно перевела разговор на другую тему, волнуящую ее. — Смотрю внутрь тебя, Костя, чтобы увидеть, что там творится, но ничего не вижу. Темно там.

— Ты о чем?

— Смотрю, будто через затемненное стекло, и ничего не вижу... — Она взяла Володю за руку, чтобы увести, но остановилась. — Теперь я точно знаю, ты весь черный внутри. Ни одного светлого пятнышка. А иногда я вообще не вижу тебя.

— Это еще что? Как понимать? — злился Костя.

— Так и понимай. Не ви-жу-у. Ты не маленький и прекрасно понимаешь, о чем я говорю.

— Если ты о ней, то это полный бред. Я давно не встречаюсь с Лар... — Костя, взглянув на сына, осекся. — Ну, зачем ты опять за старое?!

— Не я, а ты. Одно только не пойму, какую роль ты для меня выбрал.

Невольный свидетель этой семейной сцены, сын сначала принял все за шутку, придуманную для него родителями. Наконец, затопал ножками, закричал:

— Вы ругаетесь? Зачем? Я вас обоих люблю!

— Мы тебя тоже, ягодка моя. — Наталья погладила мальчика по головке, бросила на мужа осуждающий взгляд и увела сына в другую комнату.

Оставшись один, Костя сел на диван, со всей очевидностью в голове всплыло: «Разве не видишь, не понимаешь, что семья вот-вот развалится? Лишишься жены, детей, а, возможно, и матери. Ради чего лишишься?»

— Наташка! — прошептал Костя, и в памяти всплыли слова: «Я буду тебе верной женой...»

С каждым днем он все глубже впадал в апатию. Двойная жизнь опустошала его. Он чувствовал, что в скором времени может потерять и Наталью, и Ларису. А тут новый удар: до него дошли слухи о появлении в Тамбове Игоря Щукина...

10

Погода в это лето была какой-то странной. Жаркая, сухая. В то же время шли дожди. Но их явно не хватало земле. Сухой пруд почти весь высох. От него осталось лишь маленькое болотце. Бывшее дно пруда потрескалось, превратившись в бесчисленное множество вязких блинов. В третины легко проходила, даже плашмя, ладонь...

Костю Филатова в последние дни ни на минуту не оставляли самобичующие мысли: «То, что я на зоне задумывал в отместку Ларисе, были цветики, — констатировал он. — То, чего тут натворил сначала, тоже цветочки, а проделанное мною со Щукиным — это уже ягодки. И не просто ягодки, а горькие, страшные плоды. Я считал его трусом, ничтожеством, а на деле вышло, что он — герой...»

Он не находил покоя. Вдруг звонок Ларисы. Дрожащим от волнения голосом она заявила:

— Все, Костя. Надо кончать с нашими встречами. Что было — то было. Нам не суджено быть вместе.

— Ты права... — стараясь быть спокойным, сказал он. Затем его голос дрогнул. — Но, знаешь, я... мы...

В трубке Ларисы раздались гудки, означающие конец связи...

11

Неделю гостила Лариса у сына в Тамбове. Но туда ее привело желание не только проведать Сергея, но и разыскать мужа. Но где именно искать Щукина, она не знала. Во все городские райотделы милиции подала заявления на розыск.

А дома тем временем созревала еще одна проблема. Кирилл возненавидел Филатова из-за подлого поступка со Щукиным. Мать не понимала, откуда в юном хрупком существе столько злобы.

— Что плохого тебе сделал дядя Костя? — беспокоилась мать. — Чем обидел?

Сын удивился позиции матери.

— Обидел! Из-за этого гада папа уехал из Заречия и пошел воевать! Так все считают.

— Так уж и все?

— Нет. Деда Гришаня так не считает почему-то.

— Ну вот. Оказывается, не все, — успокоила мать. — Виновна в отъезде... Игоря, — ей не хватило совести и духу сказать «папы», — больше всех я. На днях снова поеду в Тамбов искать его.

— Может, он не хочет, чтоб мы его искали.

— Почему так думаешь?

— Потому что, если бы папа хотел вернуться к нам, давно бы сам нас нашел.

— А может быть, Игорь боится, что я ему не прощу его бегства и трусости?

— Папа мой не трус! — громко возразила вошедшая Вика. — Трус на войну не пойдет.

12

В доме Филатовых — никого. Тишину нарушил резкий звонок мобильного. Его услышал со двора Володя. Забежал в дом и взял трубку.

— Алло! Кто там? — прокричал громко.

— А кто у телефона? — спросил женский голос.

— Я, Володька.

— А я твоя родная тетя Наташа из Америки.

— Тетя? Из Америки? — переспросил мальчик. Он раньше никогда не видел тетю Наташу и не слышал ее голоса. — Откуда вы знаете, что я Володя?

— Ну, растерялся, — засмеялся голос на другом конце связи. — Ты же сам так назвался. — Понимая, что детским вопросам не будет конца, попросила: — Вова, позви к телефону кого-нибудь из взрослых. Лучше всего — бабушку Марью.

Мальчик с телефоном в руке выбежал на улицу, крича во все горло:

— Бабушка! Бабушка! Наташка звонит!

Марья Ивановна заторопилась, на ходу о фартук вытирая руки:

— Давай скорей телефон! Никак что-то стряслось... Алло, дочка!..

Наталья звонила из Рима, где в качестве переводчицы была с американской делегацией. Дочь сообщила матери, что Билл скоро будет в России. Джон женился и живет в Вашингтоне, занимается своими делами. Эрис пока не определилась, чем займется, и живет с родителями...

Как только переговоры закончились, внук засыпал ее вопросами:

— Кто такой Билл?

— Муж тети Наташи.

— А почему у него такое странное имя?

— Так назвали. Иди домой, не мешай работать.

Недовольный Володя вышел во двор и чуть не столкнулся носом к носу с Кристиной. Он обрадовался: есть с кем пообщаться.

— Кристина, тетя Наташа звонила.

— Из Америки? — равнодушно заметила сестра.

— Ну, да. Билл скоро приедет...

Семья Филатовых снова ждала гостя, но уже не в Смородинке, в дряхлом домике, а в Заречии, в доме современного типа.

Из Советского РОВД Тамбова на имя Ларисы пришло сообщение о том, что Щукин Игорь Алексеевич найден. В тот же день она и Сергей явились по адресу. Шел сильный, но довольно теплый дождь, возможно, последний в это лето, ибо заканчивался август. Непогода не остановила их. С двумя милиционерами, осторожно обходя лужи, торопились они в спальный район города, в частный хоспис, расположенный в бледно-сером двухэтажном здании. Из фойе первого этажа по крутой лестнице поднялись на второй этаж.

У Ларисы мурашки побежали по коже. По длинному коридору сновали инвалиды, кто без рук, кто без ног. Она представила мужа... без рук. Защемило сердце, закружилась голова. Но нашла силы встрепенуться и вместе с сыном и милиционерами зайти в кабинет заведующей...

Она увидела мужа. Прошло тринадцать лет со дня его отъезда из Заречья. Теперь перед ней предстал совершенно другой человек. Худой. Лицо осунувшееся. Без рук. Лево́й не было совсем, а кисть правой заменял протез. Им и обнял Игорь жену. Оба долго молчали, с большим трудом сдерживали наворачивающиеся на глазах слезы, оба не знали, что говорить. Первой молчание нарушила Лариса, шепча:

— Что же ты делал все эти годы?

Муж долго не отвечал. Он все еще был уверен, что никому не нужен, а эта встреча подобна сладкому сну, который скоро и навсегда прервется. «Так ли? Неужели я еще нужен этой милой, добросердечной женщине? — Щукин не видел никого из рядом стоявших, кроме нее. — Если и так, зачем осложнять ей жизнь? Это будет подло с моей стороны». И он произнес сквозь слезы:

— Не надо бы этого!

— Надо! — горячо возразила Лариса. — Поедем домой!

Щукин, молча, не осуждая и не благодаря, посмотрел на Сергея, открывшего Ларисе тайну.

— Поедем, милый мой, — повторила плачущая жена.

— Зачем я тебе, семье такой? — уже вслух высказал сомнение он.

— Зачем?.. Вот видишь Сережу?

— И что?

— Мы вместе, понимаешь, вместе искали тебя. Ведь так, сын?

Сергей кивнул. А Щукину вспомнился Моздок, госпиталь, встреча с пасынком, их диалог. И Игорь начал сдаваться.

— Мне все, до капельки, известно о произошедшем между тобой и Костей, — обнимая его голову, говорила жена. — Я ждала тебя все годы, надеялась, вернешься. А ты... Я поняла, что-то страшное произошло с тобой. Стала по всем инстанциям бегать, запросы делать...

Они еще долго не отпускали друг друга, обнимаясь и целуясь. А когда на минуту отшатнулись, Лариса твердо заявила: «Что было, то было. Теперь все будет иначе». Он не понимал, тем более не мог знать, на что под словом «было» намекает жена. И подумал: «Я виноват. Пообещал Филатову уехать. Но если бы не пообещал, он бы утопил меня. Утопил? А может, он и не собирался этого делать?»

Заломило плечо — фантомная боль! И Щукин с горечью подумал: «О, калека! Лучше бы Филатов тогда убил!..»

— Собирайся, милый мой, — настаивала жена. — Тебя ждут дома. Вика и... — Лариса замялась: назвать Кирилла Игорю сыном или признаться? И солгала: — ...сын, которого ты не видел еще.

— Вот и я говорю: зачем ему, не видевшему и не знавшему меня, да и всем вам беглец, к тому же калека?

— Не говори так, дядя. Ты нужен нам. Знаешь, как Вика тебя любит?! Гордится тобой. Письма твои бережно хранит, читает-перечитывает. Даже подружкам!

— Ладно, — проговорил Щукин. — Поеду... Проведаю Вику и Кирилла. Потом обратно в хоспис. Не могу и не желаю быть вам всем постоянной обузой.

— Ну, хватит, Игоречек, милый! Не оставляю тебя в хосписе. А сбежишь от нас, и под землей найду!

— А как Филатов? Он с Натальей живет? — совершенно неожиданно спросил Щукин.

— Да. У них двое детишек уже.

— Тогда... поехали домой, — сдался Щукин.

14

Наступила золотая осень. Прямо будто сошла с картины Левитана... Гостившая у родителей в выходные дни Ольга Попова и сестра Люба, весело болтая о том о сем, шагали в центр села в магазин.

— Племянница, зашла бы! — окликнул стоявший возле своего дома Петр Фролов. — Дело есть. Сколько лет родня... — Сестры переглянулись, засмеялись, зашли за изгородь, поздоровались. — Не спешите?

— Нет вроде бы, — ответила старшая сестра.

— Тогда проходите в дом, — отошел чуть в сторону Фролов, пропуская девушек. — Отец, Генка, пишет?

— Писал. Бросил.

— И совесть не мучает его, бродягу, — вздохнул Петр.

Ольга замолчала, зато Люба прыснула, надула губы.

— Какой там отец...

— Верно, племянница, — вздохнул Петр. — А что поделаешь, если у него в голове пусто, один только ветер гуляет... Присаживайтесь, сейчас чаем угощу. Поговорим.

— О чем? — полюбопытствовала Люба.

— О свадьбе... Да вы садитесь за стол. Я сейчас мигом приготовлю чаек. А пока вот вам чашечки, сахарок, конфеточки, — тараторил он, ставя все на стол. Шустро сходил за чайником. — Теперь чего bestолку судить Генку. Жизнь и так уже наказала его. А я вот не могу себя простить и, видать, не прощу...

— За что же, дядя Петя? — удивилась Ольга, даже опустила на стол чашку, поднесенную было к губам.

— Я же с самого рождения твоего знал, что ты дочь Генкина. И росла у меня под боком, а я делал вид, будто ты чужая мне. Молчал до самого приезда брата-идиота.

— Так что ж поделаешь теперь? — вздохнула Ольга.

— Молчал я, чтобы не травмировать тебя, Оленька. И вот... — Он резко поднялся, вышел в другую комнату. Вернулся с толстым конвертом. — Тебе послание. От отца. Опомнись, паразит. К свадьбе прислал деньги. Тут и письмо. Прочитайешь, сама все поймешь.

— Не возьму от него ничего! — спрятала руки за спину Ольга.

— Возьми, пожалуйста. Не то Генка подумает, что я не исполнил его просьбу. Еще хуже — что я прикарманил деньги.

Молча наблюдавшая за ними Люба вступилась:

— Бери, сестричка. Я бы взяла... — Сделав несколько быстрых глотков, поставила чашку на блюдце. — Отца простить все-таки можно и нужно. В жизни всякое случается.

— Да? — то ли у сестры, то ли у Фролова спросила Ольга. — Но это же подло!

— И все-таки, сестра, взять деньги — это не грех, — вразумительно заключила Люба.

Петр почти силой всучил конверт с деньгами Ольге.

— Дядь Петь, а где он сейчас? — заинтересовалась Люба.

— А кто его знает, где черти носят. Чита, Бурятия... Последнее письмо было из Амурской области. Вот, — показал фотографию Ольге, — тоже тебе.

Разглядывая черты отца на фотографии, она почти примирительно проговорила, обращаясь неизвестно к кому:

— Почему не прислал мне домой? Постарел как, бездомный!

— Постареешь от такой жизни, — заметил Петр. — Ни семьи, ни кола, ни двора. Кругом лишь лес да дрова...

15

Филатов узнал о возвращении Щукина. И хотя злобная ненависть к нему прошла, неприязнь осталась. А Щукин никуда не ходил, из Заречья не уезжал. Лишь в последние дни стал проводить время на реке с Кириллом и Олегом. Прослышал о возвращении беглеца и дед Гришаня. В девяностые годы, когда Щукин гулял, а потом и сошелся с Ларисой, тем самым разбив семью Филатовых, старик сердился на Игоря. Но время, говорят, лечит. И вот дед решил навестить Щукина.

— Мир дому сему, — заскрипел старик, с трудом переступая высокий порог, — здоровья и благополучия, какого каждый желает себе.

Лариса, услышав знакомый голос старика, давно не бывавшего у нее, вышла навстречу.

— Проходи, дедушка, садись, — весело пригласила она.

Приглашение и тон хозяйки пришлись по душе гостю.

— С возвращением, Игорь. Вот оно как повернулось все.

— Вот так, дедушка. Не зря говорят, чему быть, того не миновать, — поддержал старика Щукин.

Воспользовавшись маленькой паузой, старик кивнул на протез:

— Как же тебя угораздило, Игорек?

— Как всегда бывает на войне. Не я один там пострадал.

Дед старелся что-то разглядеть на Щукине, но не мог. А язык уже работал:

— Война — штука жестокая, безразборчивая. Сам испытал на собственной шкуре. И в финскую, и в Отечественную. Господь миловал — живым вернулся домой. И вот уже девяносто второй годок по земле родной топочу. Правда, силы уходят, чувствую. Ноги вообще не слушаются... — И вдруг перешел на другую тему. — Ну, а там, на Кавказе, что за война? И чья ж там идеология водится? Главное — чья?

— Наша, дедушка, — без промедления ответил Щукин. — И цель у нас одна. Единение России. Хотя есть еще неверушки. Ждут еще чего-то. А я думаю, чего ждать? Укрепим путинскую вертикаль.

— Понятно, — тяжело поднимаясь со стула, протянул старик. — А ты, я утвердился, герой. Так что прости меня...

— Тебя-то за что прощать? Не ты же посылал меня и других воевать.

— За мнение прежде о тебе прости. Плохое оно было.

Только после этого до Щукина дошло, зачем приходил старик. Попросить прощения. Но не понял главного. Зачем? Пристально посмотрел на давнего, с философскими склонностями, соседа. Вспомнилась ушедшая в историю их сделка с петухами. А сейчас перед ним сидел сутулый, немощный старик, еще о чем-то думающий.

— Так и не тянуло тебя все прошедшее время в Заречье, к жене, к детям? — поинтересовался дед.

— Еще как! — искренне ответил Щукин.

— Что же мешало?

— Совесть перед Ларисой за побег. А уж о детях и говорить нечего. И не хотел в глазах Филатова выглядеть идиотом.

Старик помедлил с ответом:

— А что Филатов выгадал? Живет с семьей. И что? — оглянулся, нет ли поблизости Ларисы, тихо сообщил Щукину. — Плохо с женой живет. Скандалы у них.

— Почему вдруг? — хмыкнул Щукин.

— Эт не знаю. Чужая семья потемки. Двое детишек у него с Наташкой. Девочка и мальчик. А Кирилла родила Лариска прям в день свадьбы Кости с Натальей...

Разговор мужчин прервала вошедшая Лариса.

— Вот сорванцы, непоседы! Медом, что ли, их кормят на этой речке?.. Лодки резиновой нет... — резко перевела разговор. — Варвара твоя дома, деда Гришаня?

— Козлят поит.

— То-то я слышу, будто детишки грудные плачут.

— Ой, ить и мне пора до дому, до хаты, — заспешил старик...

Постепенно Щукин стал появляться не только на своих задворках, но и на улицах Заречия. Но по-прежнему — то ли из-за боязни, то ли из-за нежелания видиться — избегал встречи с Костей Филатовым. То же делал и Филатов. Но оба понимали: живя в одном селе, встречи не избежишь...

В один из погожих дней дед Гришаня, хоть и с большим трудом, но добрался до КФХ «Филатовский колос». Сел на скамейку возле сторожки. Рядом поставил костыль. Увидав старика, Филатов подошел к неожиданному гостю.

— Тяжело добирался? — спросил участливо, присаживаясь рядом.

— Да уж... Все лето был, что бычок на привязи... Гляжу, техники у тебя во дворе много стало. И чья ж она? В смысле, отечественная или же...

Филатов не успел и рта открыть для ответа, а гость определил:

— Заграничная, вижу.

Филатов прекрасно понимал, что старик пришел не ради интереса к технике. Встал со скамейки, сделал вид, что ему некогда, значит, и гостю пора уходить.

— А ты не хитри, дед. Я же чувствую, не за этим ты явился.

— Верно угадал, Костя.

— Так зачем пришел?

— Знаешь, человек обычно редко сначала думает, что делать. Наворочает что-нибудь гадкое, а потом спохватится: что я натворил?! Ан близок локоток, да не укусишь. Я вот тоже о многом пожалел, только не исправить уже ошибки. Упущен шанс. А ведь можно было! Ты соображаешь, о ком и о чем я?

Филатов нахохлился. С воинственным видом снова подсел к старику:

— А меня совесть не грызет. Я никогда не испытываю этого чувства.

— Ошибаешься, — возразил гость. — Тебе надо попросить прощения... Помириться придется. Жить-то вам суждено в одном селе, ходить по одной земле. И делать вид, что ничего не было — грешно, по-моему. Грех этот надо снять с души.

До Филатова, наконец, стало доходить, о ком намекает старик. Стал возражать ему. Но тот не принимал возражения и гнул свое:

— Из-за тебя, жестокости твоей он стал таким. Ты понимаешь?!

От холодного, осуждающего взгляда старика Филатову стало не по себе. Он за-вертелся.

— Я Щукина не посылал на Кавказ!

Старик отодвинулся от бывшего соседа, окинул взглядом прищуренных глаз, будто хотел увидеть, что произошло с этим человеком. Не увидел. Сокрушенно закачал седой головой.

— Как ты круто изменился, Костя. Какая муха тебя укусила? Какой червь проник в твоё нутро? Он будет грызть тебя, пока не оставит там ничего, кроме пустого места.

Филатову надоели нравоучения старика. Дед Гришаня ещё продолжал что-то лопотать, а Филатов завел машину, подъехал к скамейке, открыл дверцу и ровным голосом сказал:

— Садись, отвезу.

— Куда? На кладбище? Быстрее от старика избавиться?

— Думай, что хочешь, — бросил Филатов. Вышел из машины, помог деду залезть в кабину, положил костыль ему на колени.

Высадил пассажира у калитки его дома. Старик схватил костыль, замахнулся на Филатова.

— Эх, был бы я чуток моложе да посильнее, дал бы тебе, Костя, по морде...

— За то, что подвез тебя до дома? — ухмыльнулся Филатов и театрально раскланялся: — Ну, спасибочки.

Гришаня в сердцах захлопнул калитку и пошлепал в дом.

16

В один из осенних дней прошла долгожданная свадьба Сергея Филатова и Ольги Поповой. Родилась новая семья. Марья Ивановна, Наталья с детишками тоже участвовали в торжестве. А Костя не явился ни на церемонию, ни на саму свадьбу. Для Сергея такой поступок отца был страшным ударом. И он больше не искал близости с родителем. Это все больше разъединяло их. Причину не понимал никто.

Да и трудно было понять поведение Филатова. Осенью и зимой Костя ударялся в охоту, беря с собою только борзых. Его не интересовало, есть ли дичь или зверь, ему нужно было просто бродить без дела, сбивая ноги... Его обуяло беспробудное пьянство. Пил часто и много. Это все больше заводило его в бесповоротный тупик. А тут ещё нечаянная встреча с цыганкой! Точнее — её предсказание. Оно не давало покоя Филатову ни днем, ни ночью. Успокаивал он себя опять-таки очередным стаканом. А произошла роковая встреча на перроне Кирьяновского железнодорожного вокзала.

Осенним днем Филатов прохаживался по перрону. Из-за угла вокзала, о чем-то оживленно толкуя, вывернулись три молоденьких цыганки. Они было прошли мимо Кости, но вдруг одна окликнула его. Он обернулся, а цыганка была уже рядом. Он хотел спросить, что ей надо, но язык онемел. А её угольно-черные глаза пронизывали до дна.

— С тобой неладное творится. Твой холод все вокруг убивает. Скоро семью, друзей потеряешь. Скоро сделаешь кое-что, и человек дорогой погибнет. — Она взяла его ладонь и продолжила. — Ай-ай-ай! Любишь сразу двух женщин и никак не можешь определиться.

Филатов по-прежнему не мог промолвить ни слова и лишь таращил на гадалку глаза. Он было раскрыл рот, чтобы спросить, но она опередила:

— Не так страшно то, что было, страшней то, что будет, если не изменишься...

Цыганка ушла. Он растерянно смотрел ей вслед. Нахлобученные одна на другую цветастые цыганские юбки ещё долго мельтешили перед глазами, пока не скрылись.

— Чушь! Ох, какая чушь! — заорал он на весь перрон, не осознавая, кому и зачем. — Брешешь, цыганская плутовка!

Бесило Филатова и появление Щукина, осевшего в Заречии. Костя уже не пытался ни звонить Ларисе, ни искать с ней встреч. Жена все больше угнетала, раздражала его. И без того грубый, Филатов делался невыносимым.

Натаалья все чаще старалась быть в одиночестве и менялась на глазах. Чувство того, что она теряет самое главное — любовь к Косте — усиливалось день ото дня. Теперь она была уверена, что все годы муж обманывал ее, изменял.

Марья Ивановна видела происходившее с сыном и в семье, но ничего не могла изменить, кроме как на время успокоить расстроенную сноху. До сердца сына слова матери давно не доходили.

Как-то Натаалья решилась поговорить с ним.

— Костя, — начала осторожно, — я знаю, что гложет, мучает тебя. Ты бессовестно обманывал меня. Живешь со мной, а сам все время проводил с ней!

Муж вскинул на жену испуганные глаза. Он шарахнулся к холодильнику, взял бутылку водки, налил доверху стакан и уже начал подносить к губам... Жена перехватила его:

— Этим душу не зальешь и совесть не вернешь! Возьмись за ум. Для начала хотя бы побрейся.

Филатов поставил стакан. Взял жену за плечи, посадил на табуретку:

— Прости меня. Причем тут Лариска? У меня на душе другой камень. Червячок прожорливый в ней. Он пожирает ее днем и ночью... Тебе не понять.

— Ну, почему же? Мне известно главное — ты лжешь мне. Я не верю ни единому твоему слову, касающемуся Лариски... Да оставь ты в покое этот проклятый, губящий тебя стакан! — Она вылила водку в раковину. Горячо заговорила дальше:

— Я знаю все, и ты теперь меня не переубедишь. Вот оно, — положила руку на сердце, — никогда не обманет! Зачем же ты женился на мне?

Филатов тупо смотрел в пол, ничего не говоря. Жена не могла ни понять, ни догадаться, о чем он думает. Да и не пыталась. Она в сердцах выплескивала из истрадавшей души все накипевшее:

— Если уж так сильно и необоримо Лариска притягивает тебя, значит, ты не мстил ей, а играл, как кот с мышкой. А я ничего не видела, не понимала, что была лишь твоей приманкой в вашей позорной игре. Я верила тебе, в твою любовь. Детей нарожала... И слава Богу, они ни капельки не похожи на тебя ни в чем.

Он явно хотел сказать что-то, но не мог собраться с мыслями.

— Думаешь, как ответить? Снова солгать? Не надо. И так ясно. Ты не любишь меня и никогда, видать, не любил. Дура я была...

— Оставь все это, Наташа, — мягко заговорил Костя. — Я любил тебя. Любил все эти годы. И буду любить, пока не... — Вдруг резко рванулся, схватил новую бутылку водки, налил полный стакан и почти залпом хлобыстнул весь, будто выпил с жары ключевой воды. Пряча глаза от жены, метнулся с кухни.

Оставшись в звенящей тишине, Натаалья размышляла: «Вот и поговорили. Снова вышел сухим из воды. Говорит, что любит. Ложь. Боится остаться один, потерять меня и детей. И всего лишь...»

Так рассуждая, Натаалья направилась в комнату, где в кресле сидел муж. Он выглядел совершенно трезвым, хотя выпил немало, и спокойно читал свежий номер районки. Костя буквально впился взглядом в газету, где четко выделялась фотография, обведенная черной рамкой. Рядом — текст некролога о том, что 22 ноября 2009 года после тяжелой продолжительной болезни на 75-м году ушел из жизни Фурсов Михаил Никифорович... Бывший первый секретарь райкома партии... Ниже стояли подписи руководителей Кирьяновского района и других известных и уважаемых лиц. Филатов подумал: как быстро меняется жизнь, как навеки уходит прошлое. Отложил газету, перевел взгляд на вошедшую жену. Она смотрела на него. Взгляд тяжелый, презирающий и осуждающий. Молча прошла мимо...

Семейные неурядицы, учащающиеся день ото дня, тревога за судьбу детей и

внучат постоянно щемили и без того больное сердце Марьи Ивановны. И она решила поговорить с Ларисой. Искала встречи на улице. Она вскоре состоялась. Увидев свою первую сноху, старушка окликнула ее:

— Лариса, погоди! Поговорить надо.

Та остановилась, хотя и была недовольна.

— В лоб тебе скажу, Лариска. Гляди, не порушай Костину семью. Раз уже натворила, и довольно.

— Вы о чем, Марья Ивановна? — сделала недоуменное лицо притворщица.

— Ты зачем с Костей...

— Вы что, с ума сдвинулись? — нагло ухмыльнулась Лариса. — У меня муж есть. Хоть и безрукий. Чего от меня хотите?

— Хочу правду услышать.

— А что мне говорить-то? — засмеялась бывшая сноха. — Может быть, и ходит он к какой-нибудь. Мне-то откуда знать? А меня оставьте в покое! — отрезала Лариса и быстро зашагала прочь.

Придя домой, Марья Ивановна пересказала снохе весь свой разговор с Ларисой.

— Спасибо, — поблагодарила Наталья, выслушав свекровь. — За то, что немного сердце мое успокоили. — Наталья вдруг заплакала. Ей стало стыдно перед доброй, любящей ее свекровью, все делавшей для спасения семьи. Стыдно, потому что до сих пор скрывала большую горькую тайну. Уткнувшись в подол Марьи Ивановны, она выстонала сквозь слезы:

— Прости, мама, меня!.. Я так виновата перед тобой!.. Столько лет скрывала...

— Скрывала? — удивилась свекровь и, шутя, тихо постучала сноху по спине. — Ну-ка выкладывай!

— Сейчас. Только не выдайте меня Косте, иначе наша семья мгновенно рухнет.

— Могла бы и не предупреждать, дочка. Разве я посмею выдать?

— Кирилл — ваш внук родной, сын Костин, а не Игоря Щукина.

— Как так?! Не может быть такого! — Старушка ухватила за сердце, тяжело и часто задышала.

Наталья усадила свекровь поудобнее на диване. Терпеливо подождала, пока та отдышится и немного успокоится, и подробно рассказала все, что знала.

— Значит, Кирюша еще один мой внучок. Дал Господь! А я вот так бы и ушла к нему навсегда, ничего не узнав. — Сердито обрушилась на сноху. — Ты до замужества узнала о происхождении Кирюши?!

— Прости, мама. До свадьбы еще узнала.

— Ай-ай-ай! Нехорошо поступила ты... — Она припомнила эпизод появления заплаканной Ларисы в Смородинке. «Вон в чем было дело тогда», — поняла только сейчас. Попросила Наталью накапать валерьянки. Выпила молчком и легла, сложив руки на груди. Тихо, но твердо заверила сноху:

— Я не проговорюсь Косте. Хоть ты, дочка, неправильно поступила, я тебя прощаю. Ты же не во зло мне делала это.

— Конечно. Не хотела расстраивать.

— Ну-ну, — поверила снохе Марья Ивановна. — Иди к детям. А я полежу немного. Отдохну. Устала что-то сильно...

После Михайлова дня при втором зазимке землю усыпало ледяными колючими крупинками. За прохладную, с легким морозцем ночь деревья и кусты приурашили серебристым инеем...

Щукин вышел на центральную улицу Заречья. На ней неожиданно появился Костя Филатов. Он шел прямо на Игоря. Не разминуться. Да и зачем? Эта встреча рано или поздно должна была состояться... Остановились, молча обмениваясь взглядами. Филатов внутренне ужаснулся. Перед ним был совершенно другой человек. Этот — тощий, безрукий, жалкий калека. «Нет, это уже не полноценный человек, — пролетело в голове Филатова, — а какая-то мумия!» Но он быстро погасил жалость, защемившую сердце.

Первым начал Щукин.

— Ну, здравствуй, Филатов. Сколько лет, сколько зим... Да, говорят, гора с горой не сходится...

— Правду говорят, — согласился Филатов. У него вдруг стало тяжело на душе от того, что не видит ни в глазах, ни на спокойном лице соперника ненависти. — Расскажи, как жил все эти годы. Сильно проклинал меня?

— А я тебя не виню, Костя.

— Как так? Я же, по сути дела, сделал тебя вот таким, — кивнул Костя на протез Щукина.

— Калекой, ты хотел сказать... Ты тут ни при чем.

— Как же? А тогда, на речке?..

— С одной стороны, оно так. Не провалился я под лед, не пообещай тебе убираться из Заречья, все было бы иначе... Но, с другой стороны, не случись этого, я, наверняка, никогда бы не понял смысла жизни. Жил бы, как все, коптил бы небо. Ты вряд ли поймешь меня. Ты не был там. А я много раз смерти в глаза заглядывал. И как только она отступала, я понимал, осознавал сердцем: неправильно жил.

— Трудно понять, — покачал головой Филатов. — Разве на речке тогда иначе было?

— Там я боялся, вдруг и утопишь. И я шкуру спасал. А на войне — честь свою и части. Ох, как дорога она!..

— Получается, что ты герой...

— Да или нет, не знаю. А ты понимай, как твоя голова сварит. До свидания.

Щукин не стал подавать Филатову протезную руку. Быстро ушел. Костя долго смотрел вслед, не двигаясь с места, думал: «Выходит, я сволочь. И изменить что-либо не смогу. Значит, правильно цыганка мне предсказала. А Наташка, как ни смотрит на меня, одну черноту видит во мне...»

Больше не хватило сил перемалывать наплывшее. Филатов закричал на всю улицу:

— К черту все!

Минуло два дня после встречи Филатова со Щукиным. Проходя случайно возле церкви, посмотрев на сияющие купола и кресты, Костя вдруг круто повернулся и вошел в храм. «Сегодня нет никакого церковного праздника, а батюшка здесь», — подумал он. Тишина. От настывших стен отдает холодом. Со всех сторон с икон на Костю смотрят святые. Горит несколько свечей. В том числе и на аналое. Возле раскрытой на нем книги стоит священник высокого роста, в черной рясе до пят. Повернулся на звук шагов. Узнал в нем человека, которого когда-то венчал и который с тех пор не посещал церковь.

— Здравствуйте, батюшка, — поприветствовал Костя.

— Здравствуй...

— Константин, — подсказал свое имя Филатов.

— Давно не посещал ты храм, Константин. И что же привело теперь?

— Привела душа моя больная. Тело вот здоровое, а она...

— Значит, душа болит? Что случилось?

— Случилось. Много лет назад. Ношу в себе этот тяжкий груз, а ничего не могу поделать. Продолжаю грешить. Вот только сейчас решил открыться. Исповедаться хочу, батюшка.

— Исповедаться? Тогда пройдем в другое место, сын мой. Там и расскажешь перед Господом обо всем, что гнетет.

Когда пришло время исповеди, Филатов напрягся, соображая, с чего именно начать:

— Попал я в тюрьму за преступление, совершенное по пьянке, — выдавил, наконец, нужное. — Пока отбывал наказание, жена вышла замуж за другого. С этого и пошло-поехало...

Филатов рассказал все честно, без утайки. В глазах его — беспомощность и страх за будущее, предсказанное цыганкой. С надеждой посмотрел на священника, промолвил тихо:

— Вот все выложил, батюшка! Помогите! Подскажите, на что опереться. Я не нахожу опоры и мучаюсь...

Рассказ взволновал батюшку. Было видно, что он собирается с мыслями, понимает, как много сейчас зависит от его слов.

— Хорошо уже то, Константин, что нашел в себе силы прийти в церковь и открыть душу. Господь помогает нам, заблудшим грешникам... Целуй Крест и Святое Писание, и будет легче встать на правильный путь.

Филатов прикрыл глаза, дрожащими губами коснулся креста и книги.

— А что дальше делать?

— О, этот вечный вопрос. — Батюшка на мгновение задумался. Потом продолжил. — Он был, есть и будет в нашей земной жизни. И ответить на него может только Бог единый. Усердно молись, сын мой, и проси прощения за уже содеянное. И молись с верой в нашего Господа Иисуса Христа, чтобы Он услышал тебя и помог выйти на праведный путь. На тебе большой грех, Константин. Ты отравил жизнь не только себе, а и многим другим...

— Беда в другом, батюшка, — возразил Филатов. — Мне непонятен смысл моей жизни. Вот Щукин понял.

— И прекрасно. И ты должен понять Щукина, как христианин христианина. Грех жить сразу с двумя женщинами. И дай Господи тебе понять это и исправиться... И да поможет тебе Бог. Аминь...

Филатов покинул храм, хотя еще и не со спокойной душой. «Надо прекратить встречи с Ларисой, и все наладится», — решил он.

Наступил 2010-й год. Январь выдался не под стать своим предыдущим мягким и малоснежным собратьям. Этот с первых дней показал истинный зимний характер. Морозы трещали такие, что не хотелось выходить из дома. Дав в середине месяца три-четыре погожих дня, к Крещению январь вновь пыхнул лютыми холодами.

Дед Гришаня почти не покидал дома, а после новогодних праздников почувствовал упадок сил. С десяток дней еще хорохорился, крепился, но затем слег.

— Все, дочка, — с грустью сообщил Варваре. — Видать, на днях заберет меня Господь к Федорушке. Зовет она меня каждую ночь, а я вот все еще брыкаюсь. Но до весны не дотяну. Там где-то мать смертное в узелке приготовила. Найди.

— Ну, ветеран двух войн, что сдаешься сразу? Мы еще поборемся. Позвать врача?

— На кой он мне, дочка? — с трудом переводя дыхание, выдавил старик. — Любой врач — никто супротив воли Божией... Спать хочу, — прошептал тихо и закрыл глаза. Вдохи и выдохи его становились все тяжелее.

— Худо дело, сынок, — сквозь наворачивающиеся слезы проговорила Варвара. — Посмотри за дедушкой, а я сбегаю за фельдшером... — Уже из коридора раздался ее голос: — Проходи, проходи, Кирюша...

Варвара, не застегивая пальто, стрелой летела по заснеженной улице, не ощущая ни напора встречного ветра, ни мороза. Односельчане сочувственно смотрели ей вслед. Заречинцы понимали, что смерть вот-вот заявится в дом Гусевых за дедом Гришаней.

Какая-то старушка, истово перекрестясь, проговорила:

— Господи, вот наша жизнь. Живем, хлеб жуем, о чем-то хлопочем, думаем. Думы-то за горами, а смертушка за плечами.

— Это так, — поддержала соседка старушку. — Только жалко Варвару. Муж погиб и отца скоро не станет. Останется баба одна с сыном. И это в наше нелегкое время.

— Что поделаешь тут. От судьбы не увернешься, не убежишь.

Дед Гришаня встретил свою смерть не во сне. Пытался бороться с ней всеми остатками сил. Очнувшись от холодной дремоты, широко раскрыл глаза. Они ничего не видели. Даже яркого света. Лишь расплывчатые блеклые очертания каких-то предметов и силуэтов непонятного мира. Ничего не слышал, кроме далеких-далеких неразборчивых звуков. Старик пытался что-то произнести: то ли позвать кого-то, то ли попрощаться, но язык одеревенел, и из уст раздался хрип. Он и привлек внимание Олега и Кирилла. Они подбежали к нему. Его глаза широко раскрылись. Старик попытался набрать больше воздуха в легкие, сделал глубокий вдох. Не получилось. Дыхание застыло. Так, с широко открытыми глазами, старик и остался лежать. Он словно запечатлел ими последний миг жизни. Ребята засуетились. Что делать? От растерянности и бессилия, от понимания того, что дедушки Гришани, их родного и друга, больше нет, они едва сдерживали слезы.

— Все, Кирюша, нет у нас деда, — простонал Олег.

— Но он же смотрит. Прямо на нас! — Кирилл испугался, метнулся от мертвого.

— Да не дрейфь ты, — успокоил Олег. — Так бывает. Умирает человек с открытыми глазами. Их надо закрыть. Вот так. — Он, как взрослый, положил ладонь на лоб умершего и, слегка придавливая веки, провел ею к носу. Глаза закрылись. Олег вздохнул:

— Ну, вот и все. Прощай, дедушка.

Оба заплакали навзрыд...

Варвара с фельдшером спешили. Ветер дул им в спины, помогая. Но ни ветер, ни бежавшие спасать деда Гришаню не знали, что им уже незачем торопиться...

Гроб с телом покойника стоял на табуретках в красном углу под иконами. Рядом на столике, в стаканчиках с пшеном, иногда тихо потрескивая, горели свечи. Их золотистые язычки покачивались из стороны в сторону, как люди качают головой, сожалея о свершившемся. У столика стоял батюшка Заречинской церкви, молился об упокоении усопшего. В комнате и в коридорчике со свечами в руках — родственники, односельчане и люди из ближних сел, пришедшие помолиться и проводить в последний путь деда Гришаню. Он не любил, даже иногда злился, если его называли иначе. Во второй половине дня гроб вынесли, траурная процессия направилась в церковь для отпевания.

Смородинское кладбище, укутанное белым саваном, выглядит еще печальнее,

чем в другие времена года. И вот на этом погосте в солнечный морозный день прибавился еще один невысокий холмик с деревянным отшлифованным крестом, обложенный свежими венками и ярко-зелеными еловыми лапами. Ушел из жизни последний в селе ветеран двух минувших войн. Печалило сельчан и другое. Не стало в Заречии неугомонного заводилы юморных рассказов, баек и побасенок. Не стало, как казалось многим, вечного человека. Осталась только табличка на могилке: ГУСЕВ ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ, 1918–2010.

Очень горько, когда лишаешься хорошего человека. Но изменить уже ничего нельзя. Такова жизнь. Провожавшие деда Гришаню в последний путь, конечно же, понимали это. Со скорбью в сердцах медленно покидали они кладбище. Или, как говорят в простонародье — погост. Кладбище или погост... Какая, в принципе, разница? Безмолвное место, где покоится так много людей, и тишина хранит память их судеб.